С. А. 31

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.

Сборникъ № 4.

Что такое психологія?

Изд-ство „Образованіе“ СПБ.
1913.

В

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуженн проф П. И Боргмана

Изданіе сборниковъ «Новыя идеи въ физикѣ» имѣетъ цѣлью ознакомленіе русскихъ читателей съ различными, существующими въ настоящее время, воззрѣніями по наиболѣе важнымъ вопросамъ физики Каждый отдѣльный сборникъ будетъ посвященъ выясненію одного или двухъ основныхъ вопросовъ и будетъ заключать въ себѣ статьи наиболѣе доступныя для лицъ, не обладающихъ большими знаніями по математикѣ, въ которыхъ авторы разсматриваютъ эти вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Сборникъ № 1. Строеніе вещества. — Ж Перренъ Броуновское движеніе и молекулы — Э. Ротсерфордъ Современное состояніе атомической теоріи въ физикѣ — И Боргманъ Возникновеніе электронной теоріи вещества — Л. Кельвинъ Эпинусъ атомизированный — Л Кельвинъ. 3 мелкія статьи, относящіяся къ модели радіоактивныхъ атомовъ — Сэръ Дж Дж. Томсонъ Распредѣленіе корпеслей въ атомѣ Второе дополненное изданіе. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 2. Эѳиръ и матерія. — П Ленардъ Эѳиръ и матерія — Сэръ Дж. Дж Томсонъ Взаимоотношеніе между матеріей и эѳиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества — М. Я Якобсонъ Опредѣленіе отношенія массы къ вѣсу въ случаѣ радіоактивнаго вещества (извлеч изъ статьи Л Саутерфиса).—Н. Кемпболлъ Эѳиръ —М. Планкъ. Положеніе новѣйшей физики по отношенію къ механическому міровоззрѣнію Второе дополненное изданіе. Ц 80 к

Сборникъ № 3. Принципъ относительности. — В. Бурсіанъ Опытныя изслѣдованія по вопросу о вліяніи движенія вещества на эѳиръ — І. Классенъ Принципъ относительности въ современной физикѣ — А Эйнштейнъ Принципъ относительности и его слѣдствіе въ современной физикѣ —Дж Льюисъ и Рич Тольманъ Принципъ относительности и не-ньютоновская механика. Ф Франкъ Принципъ относительности и изображеніе физическихъ явленій въ четырехмѣрномъ пространствѣ Ц. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книги признаны подлежащими внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сборникъ № 4. Дѣйствія свѣта —И. И. Боргманъ. Петръ Николаевичъ Лебедевъ. † П Н. Лебедевъ. О давленіи свѣта —П. П. Лазаревъ. О связи оптическихъ свойствъ вещества и фотохимическаго эффекта. — Б. С. Швецовъ. Фотолюминесценція.—А. Ф. Іоффе Фотоэлектрическія явленія. Ц. 80 коп.

Сборникъ № 5. Природа свѣта.—П. С. Эренфестъ. Групповая скорость свѣта.—Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлаго свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперсія свѣта.—А. Эйнштейнъ. О развитіи нашихъ воззрѣній на сущность и строеніе лученспусканія.—Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Теорія структуры электрическаго поля и ея приложеніе къ Рентгеновскимъ лучамъ и свѣту Цѣна 80 к.

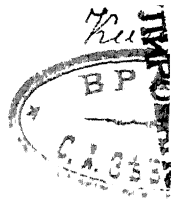
Подготовляется къ печати сборн. № 6, посвященный ученію о тепловыхъ явленіяхъ

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. профессора Л А. Чугаева.

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы.—В А. Яковлевъ Вантъ-Гоффъ. — Л. А Чугаевъ. Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохиміи. — Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи. — В. А. Кистяковскій. Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа. — А. А. Байковъ Принципъ подвижного равновѣсія.—С. Аррениусъ Свободная энергія — Л А. Чугаевъ. Структурно-стереохимическія представленія въ области неорганической химіи. Цѣна 80 коп.

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ приложенія термодинамики къ химіи, радіоактивныхъ веществъ, валентности и химическаго строенія и химіи высокихъ химическихъ температуръ.



НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей

Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧТО ТАКОЕ ПСИХОЛОГІЯ?

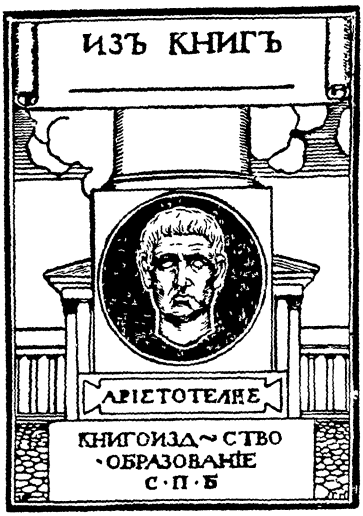
Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. СПБ.
1913.

„Пров 38"

ПРОВ. 1951

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

2222
34



ТИП.-ЛИТ. «ЭНЕРГІЯ»,
СПБ., ЗАГОРОДН. ПР., 17.

Предисловіе.

Опредѣленіе понятія психологіи есть одна изъ труднѣйшихъ проблемъ. До сихъ поръ еще не установлено точно, какая именно группа фактовъ подлежитъ изслѣдованію этой науки. Въ то время, напр, какъ одни психологи затрачиваютъ всѣ свои силы на изслѣдованіе такихъ явленій, какъ содержанія зрительныхъ, слуховыхъ и т. п. ощущеній, другіе психологи (напр., Штумпфъ, Пфендеръ) полагаютъ, что содержанія ощущеній вовсе не составляютъ предмета психологіи. Одни философы думаютъ, что все, наблюдаемое въ составѣ сознанія (слѣдовательно, весь непосредственно данный въ сознаніи міръ), есть предметъ изслѣдованія психологіи; наоборотъ, другіе (напр., Шуппе) полагаютъ, что только небольшая часть явленій, находящихся въ составѣ сознанія, подлежитъ вѣдѣнію психологіи.

Въ виду столь глубокихъ разногласій, редакція сборниковъ „Новыя идеи въ философіи“ сочла полезнымъ помѣстить въ первомъ сборникѣ, посвященномъ психологіи, статьи, содержащія въ себѣ попытки отграничить область психологіи отъ остальныхъ наукъ. Въ другихъ сборникахъ будутъ помѣщены статьи, знакомящія съ изслѣдованіями нѣкоторыхъ важнѣйшихъ проблемъ, напр, статьи по психологіи безсознательнаго и т. п.

Н. О. Лосскій и Э. Л. Радловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Предисловіе редакторовъ 1

В. ШУППЕ. Понятіе психологіи и ея границы Перевела Е С. Хацкельсъ 1

К. ШТУМПФЪ. Явленія и психическія функціи. Перевела П О Эфруси 50

УИЛЬЯМЪ ДЖЕМСЪ. Существуетъ ли сознаніе? Перевела М. Гринвальдъ 102

ТЕОДОРЪ ЛИППСЪ. Пути психологіи Перевелъ Г. А. Котляръ 128

В. Шуппе.

Понятіе психологіи и ея границы [1]).

Было бы нецѣлесообразно спорить о понятіи и границахъ отдѣльныхъ наукъ, если бы этотъ споръ не содѣйствовалъ выясненію какого-либо положенія, которое само по себѣ имѣетъ цѣнность научнаго познанія и ясно показываетъ, что споръ вообще былъ возможенъ лишь, поскольку оно оставалось неизвѣстнымъ или незамѣченнымъ, вслѣдствіе чего каждая сторона, повидимому, приводила одинаково годныя и негодныя основанія.

Готовясь изложить положеніе, которое, какъ мнѣ кажется, способно разрѣшить окончательно споръ о понятіи и границахъ психологіи, о ея положеніи и значеніи въ человѣческомъ знаніи въ его цѣломъ, я долженъ попросить, у извѣстнаго класса философовъ въ особенности, разрѣшенія расчленить факты, доставляемые ежедневнымъ опытомъ, на ихъ различимыя составныя части, элементы и моменты. При этомъ естественно получатся абстракціи, и ихъ-то я хочу охранить отъ ошибочныхъ толкованій. Современное мышленіе въ большинствѣ случаевъ въ сильной степени направлено только на конкретно-ощутимое; оно не умѣетъ находить абстрактныхъ моментовъ понятія въ конкретномъ и выдѣлять ихъ изъ него; они представляются ему, какъ нѣчто совершенно чуждое или какъ

[1]) Для чтенія статьи Шуппе полезно знакомство съ его гносеологіею. Изложеніе гносеологіи Шуппе дано въ III сборникѣ „Новыхъ идей въ философіи“. Прим. ред.

надуманныя метафизическія сущности; если же анализъ настолько удается, что различныя составныя части явно обнаруживаютъ свою взаимную связь, то послѣднюю считаютъ апріорною конструкціей или „только дедукціей изъ понятій“; и эти обозначенія сейчасъ же освобождаютъ отъ обязанности провѣрить изложенныя мысли и обоснованія и серьезно вникнуть въ нихъ.

Извѣстно, что за догматизмомъ и его понятіемъ истины съ естественной необходимостью долженъ слѣдовать скептицизмъ. Какъ извѣстно, скептицизмъ, считающій недоступною дѣйствительность, съ которою должно согласоваться истинное мышленіе, въ концѣ концовъ привелъ къ изслѣдованію самихъ понятій истины и дѣйствительности. Результатъ этого изслѣдованія и есть вся теорія познанія въ логикѣ. И если истинное познаніе есть познаніе дѣйствительнаго, то это изслѣдованіе есть въ то же время и онтологія.

Первое абсолютно несомнѣнное бытіе или дѣйствительное есть, какъ извѣстно, бытіе мышленія или сознанія. Но этимъ самымъ мы отказываемся отъ стараго понятія истины. Дѣйствительность, которой должно соотвѣтствовать истинное мышленіе, нужно искать, исходя изъ этого мышленія, т. е. черезъ это мышленіе. То, что мы при этомъ найдемъ, очевидно, будетъ зависѣть отъ ясности самого понятія мышленія. Неясность происходитъ отъ смѣшенія его съ принятымъ безъ критики понятіемъ субстанціи и души; эта неясность опредѣляла долгое время направленіе философіи и вызвала рядъ заблужденій, чреватыхъ серьезными послѣдствіями.

Для его выясненія необходимо прежде всего выдвинуть одну противоположность, которая долго оставалась совершенно незамѣченною.

Говоря о первомъ несомнѣнномъ бытіи, именно о

бытіи сознанія или мышленія, всякій разумѣлъ и разумѣетъ также и теперь подъ этими словами прежде всего свое собственное сознаніе или мышленіе, т. е. свое индивидуальное сознаніе.

Кто объявляетъ психологію всеобъемлющей и господствующей основной наукой, долженъ мыслить душу, какъ индивидуальное сознаніе. Пусть дальнѣйшее размышленіе выведетъ его за предѣлы этого воззрѣнія, но вначалѣ во всякомъ случаѣ міръ, который онъ знаетъ, ему данъ и существуетъ только, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ нему. Многіе, отрицая субъективный идеализмъ, тѣмъ не менѣе выдвигаютъ въ интересахъ основной науки психологіи то положеніе, что весь міръ есть результатъ воспріятія, мышленія, умозаключенія и переживанія, и что все то, что не есть воспріятіе, мышленіе, заключеніе, переживаніе, не принадлежитъ къ міру, т. е. къ тому міру, который каждый изъ насъ знаетъ; что, слѣдовательно, необходимо исходить изъ этого переживанія и его прежде всего имѣть въ виду.

Я настаиваю на томъ, чтобы понятіе души и психологіи было развито отчетливо. Для того, кто понимаетъ душу, какъ нематеріальную субстанцію, въ которой возникаютъ и заключены сознаніе и мышленіе и по отношенію къ которой міръ тѣлесный существуетъ вовнѣ, т. е. пространственно отъ нея обособленъ, психологія не можетъ быть основною наукою. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто придерживается такого взгляда, будетъ, по крайней мѣрѣ, знать, что предпосылкой ему служитъ ученіе о субстанціи.

Но кто дѣйствительно мыслитъ душу только какъ индивидуальное сознаніе и притомъ имѣетъ въ виду не абстракцію, долженъ выяснить себѣ, что конкретное сознаніе не можетъ существовать безъ знакомаго намъ воспринимаемаго міра вещей.

Тогда къ психологіи относятся не только теченіе

мыслей, настроенія, пожеланія, принужденіе вывода, которыя каждый можетъ испытать только въ себѣ, не только, такъ называемая, субъективная дѣятельность или опредѣленность ощущенія, но къ ней также относится, напримѣръ, и то, что мы видимъ въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ какъ зрѣніе безъ объекта—ничто, и при отвлеченіи отъ объекта ничего не остается, что можно было бы признать субъективной дѣятельностью сознанія.

Тогда прежде всего слѣдовало бы выяснить отношеніе этой души къ наполняющимъ пространство содержаніямъ ощущенія или, другими словами, къ тѣлесному міру. Если послѣдній не принадлежитъ къ предметамъ психологіи, то уже отсюда слѣдуетъ, что эта наука должна имѣть болѣе узкія границы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы находимъ совокупность всего бытія, какъ объектъ нашего собственнаго индивидуальнаго сознанія, и тѣмъ не менѣе признаемъ, что не все можетъ и должно быть отнесено къ психологіи, то мы должны отыскать границы психологіи.

Въ каждой отдѣльной вещи можно отличить то что составляетъ ея индивидуальность, отъ абстрактныхъ основныхъ свойствъ, которыя въ своей внутренней связи образуютъ видовое или родовое понятіе; подобно этому, если только вѣрно логическое ученіе, что нѣтъ индивида, котораго нельзя было бы подвести подъ видовое или родовое понятіе [1]), и въ индивидуальномъ сознаніи въ его цѣломъ или въ сознающемъ индивидуумѣ можно различить то, что составляетъ его индивидуальную особенность, иными словами, то, въ чемъ это индивидуальное состоитъ, отъ того, что есть видовое или родовое начало. Послѣднее я называю сознаніемъ вообще и обозначаю его какъ „под-

[1]) См. Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik. стр. 451.

линный“ родъ, къ которому принадлежитъ каждое индивидуальное сознаніе; взятое само по себѣ, сознаніе вообще есть, конечно, абстракція. Краткая ссылка на ученіе логики о „подлинныхъ“ родовыхъ понятіяхъ и объ абстракціи будетъ полезна для пониманія послѣдующаго.

Если я въ какомъ-нибудь воспріятіи различаю составныя части, то послѣднія могутъ иногда еще сами по себѣ быть восприняты и представлены, абстрактной же будетъ такая выдѣленная мысленно изъ пережитаго воспріятія составная часть, которая абсолютно не можетъ быть сама по себѣ представлена или воспринята, но всегда только вмѣстѣ съ другой составной частью [1]), напримѣръ, чувственное качество нельзя себѣ представить безъ пространственной или временной опредѣленности, или родовое понятіе чувственнаго качества—безъ видового признака.

Здѣсь прежде всего нужно подчеркнуть и не излишне съ настойчивостью нѣсколько разъ повторить, что указанные моменты,—родовое свойство, видовая особенность, пространственная и временная опредѣленность, не суть созданія умозрѣнія, а получаются путемъ простого расчлененія дѣйствительности и, можно сказать, навязываются каждому безпристрастному и непредубѣжденному мыслителю.

Эти составныя части въ ихъ своеобразіи и взаимной зависимости суть просто факты, которые нужно признать, не считаясь съ существующими предубѣжденіями.

Связь различныхъ составныхъ частей не поддается ни описанію, ни опредѣленію; она принадлежитъ именно къ структурѣ бытія. Ее можно узнать только изъ опыта при попыткѣ мыслить видовой признакъ, напримѣръ, красноту или круглость отдѣльно или въ отвлеченіи

---

[1]) См. Erk. Log., стр. 162 сс.

отъ того, что составляетъ родовое начало, напримѣръ, отдѣльно отъ цвѣта или формы. Видовой признакъ при этомъ дѣлается абсолютно немыслимымъ. Выраженіе „родовое заключается въ видовомъ“ неизбѣжно, но, очевидно, неудовлетворительно. Слова „родовое лежитъ въ основаніи видового“ выражаютъ больше и лучше, но это все же только образъ. Подъ нимъ подразумѣвается зависимость понятій. Отъ самого характера родового понятія зависитъ, что оно пріобрѣтаетъ для насъ дѣйствительность воспріятія только при тѣхъ, а не иныхъ видовыхъ опредѣленіяхъ, такъ, напримѣръ, отъ самого характера родовыхъ понятій цвѣта и формы зависитъ, что они не могутъ быть опредѣлены, какъ воспріятія, черезъ тѣ или иные звуки. Въ родовомъ понятіи, такимъ образомъ, заключается вся возможность его опредѣленій; поэтому оно есть господствующая точка зрѣнія для послѣднихъ, и если извѣстное число явленій можетъ быть путемъ подведенія подъ одно абстрактное общее понятіе координировано въ указанной зависимости отъ него, то этимъ достигается одно изъ важнѣйшихъ научныхъ завоеваній. Что родовое понятіе „дѣйствуетъ“, этого нельзя сказать въ собственномъ, болѣе узкомъ значеніи слова [1]), но зато это можно сказать въ болѣе широкомъ смыслѣ, именно въ смыслѣ причинной зависимости или необходимости.

Общее родовое, поскольку я его мыслю само по себѣ, есть единое. Если же оно „содержится“, какъ выше было сказано, во многихъ видахъ, то оно кажется столько разъ существующимъ, сколько есть видовъ. Но видъ самъ по себѣ—еще абстрактное понятіе, и если я считаю виды [2]), напримѣръ, „красный и

[1]) См. Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр 92 сс

[2]) См. Erk. Log. и Grundriss о числѣ.

зеленый—два цвѣта", „есть много цвѣтовъ", то этимъ не исключается, что родовое, мыслимое и обозначаемое каждый разъ какъ цвѣтъ, есть одно и то же. Форма множественнаго числа „цвѣта́" не должна вводить въ заблужденіе: такъ какъ считать можно только однородные предметы, то множественное обозначается всегда словомъ, указывающимъ тождественную сторону предметовъ; однако, самый фактъ присутствія цвѣта есть въ нихъ всѣхъ одно и то же. Правда, когда я представляю себѣ оба цвѣта, красный и зеленый, или когда я ихъ вижу глазами передъ собой, они занимаютъ въ отношеніи другъ друга разныя мѣста въ пространствѣ, и если въ воспринятомъ красномъ или зеленомъ имѣется нѣчто общее родовое, то кажется, что и это послѣднее имѣется два или относительно большее число разъ. И это относится не только къ роду, но и ко всякому абстрактному моменту; такъ, абстрактное въ видовомъ признакѣ, красное, кажется многократно существующимъ во многихъ красныхъ точкахъ. Трудность состоитъ, съ одной стороны, въ склонности всегда мыслить, незамѣтно для себя, абстрактное, какъ конкретное, или ставить требованія, которымъ можетъ удовлетворять только конкретное и которыя отъ него только и могутъ быть заимствованы; съ другой стороны, трудность состоитъ въ склонности упускать изъ виду природу пространственнаго воззрѣнія. Если воспринятую въ трехъ мѣстахъ красность или цвѣтъ принимать за три красности или три цвѣта, то это значитъ разсматривать абстрактное, красность или цвѣтъ, какъ конкретное. Если мое объясненіе, что это есть одна и та же красность или одна и та же цвѣтность, вызываетъ сомнѣніе; если кажется непонятнымъ или внутренно противорѣчивымъ, что одно и то же можетъ существовать или быть воспринято въ трехъ мѣстахъ, оставаясь въ то же время однимъ, то это опять объ-

ясняется тѣмъ, что абстрактная красность или цвѣтность принимается какъ конкретное. При этомъ прежде всего затемняется понятіе дѣйствительности. Я только произвожу анализъ (крайне необходимый во всѣхъ областяхъ), когда я, не прибѣгая ни къ какимъ объясненіямъ, основаннымъ на какомъ-либо сомнительномъ принципѣ, принимаю за составныя части дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, одно чувственное качество и вмѣстѣ съ нимъ пространственную и временную опредѣленность, и каждую изъ этихъ составныхъ частей самое по себѣ обозначаю, какъ абстрактное.

Абстрактные моменты въ своей неопредѣлимой совокупности составляютъ конкретно дѣйствительное, т. е. качественно опредѣленную часть времени или пространства. Тутъ опять можетъ и должно возникнуть сомнѣніе, какимъ образомъ абстракція, качество, можетъ наполнять пространство. Это невозможно; для этого оно должно было бы стать протяженнымъ, слѣдовательно, не быть абстракціей. Высказывать такія сомнѣнія—это значитъ превращать то, что я нахожу, анализируя дѣйствительность, въ реальный процессъ, какъ будто бы абстрактное качество существовало прежде само по себѣ (какъ конкретное), а затѣмъ очутилось передъ задачею стать протяженнымъ. Ничего подобнаго не совершается въ дѣйствительности; на дѣлѣ пространственно опредѣленное качество или качественно опредѣленная часть пространства, т. е. неопредѣлимая совокупность есть конкретная дѣйствительность, а каждая составная часть сама по себѣ есть абстракція. Если освоиться съ этимъ простымъ положеніемъ, то не будетъ казаться противорѣчіемъ, что „красность“ или „цвѣтность“ въ трехъ мѣстахъ есть не тройное, а одно и то же, хотя и существуютъ три красныхъ или три цвѣтныхъ мѣста.

Цвѣтность и красность есть конкретно дѣйствитель-

ное только въ данномъ красномъ мѣстѣ и въ данное время; если же я противопоставляю ее данному мѣсту (съ цѣлью представить также и этотъ абстрактный моментъ численно-множественнымъ), она тотчасъ становится одною [1]).

Это напоминаніе о сущности подлиннаго родового понятія поможетъ намъ понять, что такое сознаніе вообще и его отношеніе къ индивидуальному сознанію.

Я указалъ на собственное сознаніе, какъ на первое единственно дѣйствительное бытіе, и назвалъ его индивидуальнымъ сознаніемъ. „Индивидуальнымъ“ я прежде всего объявляю все то, что каждый думаетъ, когда, говоря о себѣ, употребляетъ словечко *Я*, напримѣръ, когда разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ: „*Я* былъ шаловливымъ мальчикомъ“; или говоритъ о своемъ будущемъ: „*Я* покину мѣсто своего жительства, *Я* изберу себѣ другую профессію“, или когда разсказываютъ: „*Я* видѣлъ, замѣтилъ это, думалъ при этомъ о томъ-то, имѣлъ такое-то намѣреніе, *Я* такого-то мнѣнія, *Я* рѣшился и т. д.“

Вслѣдствіе своей самодостовѣрности и самосозерцанія, это *Я* не чувствуетъ потребности въ опредѣленіи самого себя. Оно вполнѣ увѣрено, что оно есть нѣчто иное, чѣмъ міръ вещей, въ которомъ оно находится; хотя я неопредѣлимымъ образомъ безконечно ближе къ „собственному тѣлу“, чѣмъ ко всѣмъ другимъ вещамъ въ пространствѣ, оно все-таки отличаетъ себя отъ тѣла, какъ обладатель ео ipso—отъ вещи („собственнаго“ тѣла), которою онъ обладаетъ; оно совершенно увѣрено, что въ окружающемъ мірѣ существуютъ другія человѣческія тѣла, въ каждомъ изъ которыхъ тоже находится другое *Я* точно такъ же, какъ въ его собственномъ тѣлѣ; и это *Я* такъ легко и вѣрно отличаетъ себя отъ

[1]) О единствѣ см. Grundriss стр. 10 сс., также Schuppe, Grundzüge der Ethik. стр. 210 сс.

всего остального, что возможность ошибки совершенно исключается. *Я* сознаетъ себя заполняющимъ своею жизнью вполнѣ опредѣленную часть времени, въ которое оно вступило въ совершенно опредѣленный моментъ; оно сознаетъ себя заполняющимъ своимъ тѣломъ вполнѣ опредѣленную часть пространства; то же самое оно знаетъ и о каждомъ другомъ *Я*. И пока *Я* живетъ, имѣетъ переживанія и эти переживанія въ своемъ цѣломъ составляютъ *его* жизнь, оно сознаетъ себя субъектомъ, переживающимъ носителемъ этихъ опредѣленій, однимъ и тѣмъ же *Я* среди всѣхъ измѣненій. Измѣниться, стать чѣмъ-то другимъ и все-же остаться тѣмъ же самымъ,—все это не является проблемой для непосредственнаго сознанія. Какимъ образомъ измѣняющіяся опредѣленія согласуются съ тѣмъ, что въ нихъ всѣхъ есть одно и то же и принадлежатъ именно этому одному,—не можетъ стать вопросомъ, такъ какъ сами эти опредѣленія не могутъ существовать и даже немыслимы безъ *Я*, которое ими опредѣляется и которое ихъ сознаетъ какъ свои опредѣленія; и съ другой стороны это *Я* въ такой же мѣрѣ немыслимо безъ нихъ. Но *Я* все-таки отличается отъ нихъ, какъ носитель, какъ нѣчто, обладающее опредѣленіями,—отъ самого опредѣленія, какъ опредѣляемое, какъ то, что есть всегда одно и то же.

Теорія спрашиваетъ, что бы это могло быть такое. Жизнь предшествуетъ теоріи, ея факты подлежатъ изслѣдованію и составляютъ предпосылку и предметъ теоріи; и вотъ въ жизни *Я* знаетъ себя только, какъ опредѣленное, только со своими переживаніями, которыя именно и образуютъ цѣлое *его* жизни. Оно отожествляетъ себя съ этою своею жизнью, и потому вполнѣ понятно и въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо сужденіе, что это конкретное *Я* постепенно возникло изъ безчисленныхъ факторовъ и сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ оно себя

сознаетъ въ каждый моментъ. Но всѣ эти факторы по своему смыслу суть уже опредѣленія *Я*. Сущность дѣйствительнаго *Я* заключается въ томъ, что́ оно есть и чѣмъ оно стало, въ томъ, чѣмъ оно себя сознаетъ и находитъ, во всѣхъ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя оно, какъ таковое, все же можетъ отличать отъ себя, какъ отъ ихъ носителя; и если мы можемъ мыслить эти факторы, составляющіе каждое отдѣльное *я* все-таки только какъ опредѣленія какого-либо *Я*, то наша рефлексія неизбѣжно должна обратиться также и къ этому моменту, т. е. къ *Я*. Оно исчезаетъ безъ слѣда, если его мыслить совершенно безъ опредѣленія; при опредѣленіяхъ же оно неустранимо, какъ опредѣляемое, и дается въ мышленіи одновременно съ опредѣленіемъ. Поскольку удается мыслить этотъ моментъ въ абстракціи отъ всѣхъ его опредѣленій, какъ всегда тожественнаго ихъ носителя, какъ Idem, постоянно въ нихъ пребывающій, онъ оказывается абсолютно недѣлимымъ, это есть абсолютное единство, абсолютная точка совпаденія и единства, благодаря которой только и возможна жизнь человѣка, жизнь того или другого *Я*. И это абсолютное единство и недѣлимость *Я*, находимыя имъ въ рефлексіи по поводу самого себя, предполагается, само собой и о всякомъ другомъ *Я*, отъ котораго (согласно сказанному выше) данное *Я* отличаетъ себя.

Насколько различеніе *Я*-субъекта и *Я*-объекта не означаетъ множества составныхъ частей, было указано подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь только нужно подчеркнуть, что *Я* можетъ имѣть и сознавать самого себя, или, какъ было уже выше сказано, что оно вообще возможно только, когда оно находитъ себя опредѣленнымъ какимъ-нибудь образомъ; и что, слѣдовательно, и *Я*-объектъ абсолютно немыслимъ безъ опредѣленій. Если отвлечься абсолютно отъ всѣхъ опредѣленій, которыя *Я* знаетъ о себѣ или находитъ въ себѣ, то абстрак-

ція можетъ еще удержать только точку единства, которая можетъ быть обозначена тогда какъ субъектъ κατ᾽ἐξοχήν (по преимуществу) или par excellence. Это есть самая бѣдная и безсодержательная вещь въ мірѣ, какъ уже было сказано въ „Erkenntnisstheoretische Logik“, и мы понимаемъ, что этотъ субъектъ вообще мыслимъ только въ отношеніи къ міру сознанія, отъ котораго мы все-таки вынуждены его отличать. Моя рефлексія направилась прежде всего на абстрактный моментъ, который можетъ быть названъ субъектомъ κατ᾽ἐξοχήν или также чистымъ субъектомъ. Если мы собственно можемъ мыслить этотъ субъектъ, какъ выше было сказано, только присоединивши общее представленіе о какомъ-нибудь опредѣленіи, въ которомъ оно можетъ находиться и слѣдовательно вообще быть *Я*, то это и есть понятіе „сознанія вообще“. Начнемъ обобщать весь міръ объектовъ, въ которомъ находится собственное *Я* и могутъ находиться другія *Я*, будемъ отвлекаться прежде всего отъ ихъ индивидуальной (пространственной и временной) опредѣленности, а затѣмъ также и отъ каждой спеціальной опредѣленности, такъ чтобы получилось только абстрактное понятіе какой-либо, какой угодно опредѣленности; въ такомъ случаѣ и субъектъ такого сознанія будетъ самымъ абстрактнымъ моментомъ субъектности; въ него входитъ, конечно, также абстрактный моментъ абсолютнаго единства (указаннаго выше) и недѣлимости; но въ него не можетъ входить индивидуумъ, то или другое опредѣленное *Я*. Такимъ образомъ, фактически совпадаютъ оба понятія: „сознаніе вообще“ и чистый субъектъ или субъектъ κατ᾽ἐξοχήν, хотя мы и получили ихъ двумя различными путями.

Теперь важно выяснить отношеніе абстрактнаго момента чистаго субъекта или сознанія вообще къ тому, что мы назвали индивидуальнымъ или конкретнымъ сознаніемъ, или *Я*, какимъ каждый себя сознаетъ.

Сознаніе вообще есть „подлинное“ родовое понятіе по отношенію къ каждому индивидуальному сознанію; но все то, что можетъ опредѣлить это абстрактное родовое и сдѣлать его спеціальнымъ или индивидуальнымъ, должно всегда сознаваться этимъ *Я* (чистымъ субъектомъ), т. е. быть объектомъ сознанія или опредѣленіемъ, въ которомъ *Я* находитъ и имѣетъ самого себя. Слѣдовательно [1]), это сознаніе (т. е. сознаніе вообще)—несмотря на только что указанное различіе—лежитъ въ основѣ всякаго индивидуальнаго сознанія и такъ содержится въ немъ, какъ цвѣтность въ красномъ, напр. въ этомъ красномъ цвѣтѣ, какъ фигура въ данномъ кругѣ, какъ величина въ этомъ большомъ, какъ твердость въ данномъ твердомъ. Все то, что можно сказать объ отношеніи этихъ подлинныхъ родовыхъ понятій къ подчиненнымъ имъ видамъ, можно повторить и объ отношеніи сознанія вообще ко всѣмъ индивидуальнымъ сознаніямъ или отдѣльнымъ *Я*.

Нужно въ особенности признать и по отношенію къ сознанію вообще, что оно есть всегда одно и то же въ каждомъ единичномъ сознаніи, и что оно не существуетъ въ столькихъ экземплярахъ, сколько есть отдѣльныхъ *Я*,—потому что съ вопросомъ объ „экземплярахъ“ будетъ опять-таки связана проблема единичности; съ другой же стороны, „экземпляры“ предполагаютъ точно такимъ же образомъ общее имъ всѣмъ родовое понятіе. Соотвѣтственно этому все то, что къ нему, т. е. къ сознанію вообще, относится, изъ него слѣдуетъ, отъ него происходитъ, есть одно и то же для всѣхъ индивидуальныхъ сознаній. Но съ другой, стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и этотъ родовой моментъ сознанія вообще, чтобы можно было мыслить его въ описанномъ выше отвлеченіи, предполагаетъ инди-

[1]) Schuppe, Grundzüge der Ethik, стр. 112 с., 131 сс.

видуальное сознаніе, индивидуума, который его сознаетъ или мыслитъ. Мы знаемъ его только какъ объектъ сознанія, когда мы, индивидуумы, находимъ его въ себѣ, и предполагаемъ его существующимъ также во всѣхъ другихъ индивидуумахъ, которые его фактически не мыслятъ и никогда не совершаютъ этой абстракціи; мы знаемъ его, какъ нѣчто общее съ нашей сущностью, и это познаніе есть дѣйствительный, т. е. конкретный актъ мышленія всегда только какъ объектъ индивидуальнаго сознанія.

Здѣсь, наконецъ, открывается возможность разрѣшить нашу проблему, почему всегда кажется, какъ будто все—если понимать душу въ смыслѣ всего индивидуальнаго сознанія—относится къ психологіи, и почему все-же это невѣрно и даже невозможно. Если кто-нибудь можетъ еще допустить, что теорія познанія и логика, этика и эстетика относятся къ психологіи, такъ какъ все это переживается только въ индивидуальномъ сознаніи, то никто, однако, не можетъ уже отнести къ ней одинъ и тотъ же для всѣхъ индивидуумовъ тѣлесный міръ. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что и для этого допущенія имѣется основаніе, потому что, какъ извѣстно, и тѣлесный міръ всегда переживается только индивидуумами,—что ведетъ къ извѣстной, мною всегда отвергаемой идеалистической теоріи познанія. И если мы теперь находимъ основаніе, почему одинъ и тотъ же для всѣхъ индивидуумовъ міръ воспріятій не есть предметъ психологіи, то это же основаніе поможетъ намъ понять, почему и теорія познанія, логика, этика и эстетика не относятся къ психологіи.

Въ томъ, что всякій находитъ въ себѣ и знаетъ только какъ свое воспріятіе, свою мысль, свое переживаніе, нѣкоторыя стороны могутъ принадлежать сознанію вообще, которое индивидуумъ также нахо-

дитъ только въ себѣ, а другія стороны получаютъ, если не существованіе вообще, то все же свой особый видъ и окраску изъ индивидуальности и принадлежатъ къ ея сферѣ. Послѣдняя сторона никогда не можетъ быть одною и тою же для всѣхъ, но имѣется всегда даже и при одинаковомъ содержаніи въ столькихъ экземплярахъ, сколько есть индивидуумовъ, находящихъ ее въ себѣ. Это и есть собственно индивидуальное или субъективное. Даже въ одномъ и томъ же воспріятіи [1]), мысли или чувствѣ, могутъ быть совмѣщены въ неподдающейся описанію формѣ двѣ составныя части, изъ которыхъ одна относится къ сознанію вообще какъ къ своему источнику, какъ имъ обусловленная, другая же принадлежитъ индивидуальности, какъ особенное опредѣленіе, образованіе, модификація, или видоизмѣненіе сознанія.

Нужно установить, что́ изъ всего находимаго въ себѣ индивидуальнымъ сознаніемъ принадлежитъ сознанію вообще и что принадлежитъ индивидуальности и изъ нея вытекаетъ. Путемъ дедукціи до этого нельзя дойти, нужно только искать въ собственномъ сознаніи, а въ немъ всегда выступаютъ вмѣстѣ обѣ стороны: лежащее въ основѣ общее и спеціальная индивидуальная окраска и форма; при этомъ каждый элементъ опредѣляется противоположностью другого.

Здѣсь, очевидно, раздѣляются двѣ области; по своему понятію онѣ ясно различаются, хотя фактически, т. е. въ содержаніи нашего собственнаго сознанія, онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны и составляютъ одно цѣлое; поэтому онѣ не могутъ быть чисто и совершенно разграничены въ изложеніи, но разграничиваются только такъ, что одна всегда указываетъ на другую, какъ на свою предпосылку. Изъ этого соотношенія

[1]) Ср. Grundriss стр. 31.

становится понятнымъ, что вопросъ о границахъ и значеніи психологіи могъ быть источникомъ споровъ.

Познаніе и мышленіе, принудительность умозаключенія каждый знаетъ только изъ себя. Но если мы расчленимъ эти факты, мы найдемъ понятіе одной и той же дѣйствительности, независимо отъ всего того, что принадлежитъ индивидуумамъ какъ таковымъ,— дѣйствительности, принадлежащей одному и тому же сознанію вообще, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ индивидуумовъ сообща, какъ подлинное родовое понятіе ихъ. Эта дѣйствительность есть поэтому независимый отъ всѣхъ индивидуумовъ, общій имъ объективный міръ. Ей самой принадлежатъ тѣ опредѣленія, которыя мы на основаніи анализа признаемъ логическими и нашли связанными съ сознаніемъ вообще; этими опредѣленіями должно быть снабжено все то, что есть или должно стать объектомъ сознанія, каково бы ни было то данное къ которому они принадлежатъ, и которое должно вплестись въ нихъ, какъ утóкъ въ основу. Это данное есть множество, которое eo ipso предполагаетъ различеніе и, слѣдовательно, также положительныя опредѣленія различнаго; и это множество есть цѣлое, благодаря многообразнымъ связямъ безчисленныхъ частей.

Эта мысль о данномъ, которое есть содержаніе сознанія, и о логическихъ опредѣленіяхъ тожества и причинности, т. е. мысль о единой дѣйствительности и истинѣ, объ истинномъ познаніи, которая именно въ томъ и состоитъ, что эта дѣйствительность есть сознаваемая,—эта мысль, говорю я, возможна въ такой неясной общности и тогда, когда мы совершенно упускаемъ изъ виду, какими свойствами обладаетъ данное, какія оно обнаруживаетъ различія и какія связи.

Такъ выдѣляются теорія познанія и логика изъ содержанія индивидуальнаго сознанія въ его цѣломъ, другими словами, такъ отличается это содержаніе со-

знанія, выводящее за предѣлы индивидуальности, отъ остального содержанія, которое приписывается индивидуальности, какъ таковой.

Но мы получили и выработали это общее понятіе истины и дѣйствительности только изъ знакомаго намъ даннаго, изъ пространственно-временнаго, видимаго и осязаемаго и только путемъ абстракціи отъ этихъ опредѣленій. И если бы мы дѣйствительно упорно придерживались этой абстракціи, то понятіе истины и дѣйствительности было бы лишено значенія, такъ какъ множество разнообразныхъ причинныхъ связей, въ которыхъ и заключается вся суть, напримѣръ, зависимость между подлиннымъ родомъ и видомъ, связи при перемѣнѣ мѣста и т. п. исчезли бы при этомъ. Слѣдовательно, имѣющая цѣнность теорія познанія и логика должна обрисовать дѣйствительно или объективно данное въ отличіе отъ субъективно даннаго, т. е. не можетъ обойтись безъ упоминанія и разсмотрѣнія всего содержанія индивидуальнаго сознанія, въ которомъ нужно обособить объективно данное отъ субъективнаго. Мало того, она при этомъ не можетъ игнорировать процессъ воспринимания и мышленія. Понятіе истиннаго познанія всегда сохраняетъ связь съ процессомъ своего образованія, всегда появляются и исчезаютъ только единичныя воспріятія, возникаютъ единичныя воспоминанія то объ одномъ, то о другомъ, возникаютъ отдѣльные образы фантазіи, понемногу доходятъ до сознанія въ разнообразной постепенности тожества и различія, которыя сначала совершенно упускаются изъ виду, а затѣмъ устанавливаются все въ большемъ и большемъ количествѣ; тоже повторяется и съ причинными зависимостями, какъ потому, что обнаруживаются новые виды связи, такъ и потому, что все больше и больше элементовъ даннаго подводится нами подъ знакомые виды связи.

Нѣтъ никого, кто бы не относилъ этихъ факторовъ

временнаго процесса мышленія и познанія каждаго отдѣльнаго человѣка къ психологіи, никто не сомнѣвается, что они относятся къ индивидуальности, составляютъ именно то, чѣмъ отличаются другъ отъ друга отдѣльныя *Я*, и все-таки понятіе истины и дѣйствительности, логическія опредѣленія, принудительность, съ которой навязываются умозаключенія, все это вытекаетъ не изъ индивидуальнаго, какъ такового, не изъ того, чѣмъ индивидуумы отличаются другъ отъ друга, но изъ того, въ чемъ они совпадаютъ, т. е. все это вытекаетъ изъ лежащаго въ основаніи ихъ всѣхъ подлиннаго родового начала, одного и того же для всѣхъ сознанія вообще; и только благодаря этому сознанію вообще эта истина и дѣйствительность есть одна и та же для всѣхъ. Это раздѣленіе въ понятіи ясно и неизбѣжно, и если психологія есть наука не о содержаніи индивидуальнаго сознанія въ его цѣломъ, а только о томъ, что въ этомъ сознаніи относится къ индивидуальности и ее составляетъ, къ чему подходитъ и традиціонное значеніе термина, то изъ нея, т. е. изъ психологіи никогда нельзя развить нормы мышленія и понятія объективной истины и дѣйствительности. Но, конечно, изъ условій развитія индивидуальнаго сознанія должно или должно было бы быть яснымъ, что́ и почему каждый долженъ думать такъ, какъ онъ думаетъ. Психологическій характеръ имѣетъ та закономѣрность, на основаніи которой становится понятнымъ, почему у ребенка сформировывается такое, а не иное представленіе о мірѣ и его процессахъ, если доставлять ему тѣ, а не иныя впечатлѣнія, если у него появляются при опредѣленныхъ обстоятельствахъ тѣ, а не другія воспоминанія и продукты фантазіи, и сообразно съ этимъ его вниманіе привлекается тѣми, а не другими вещами. Какъ извѣстно, можно было бы привести еще больше факторовъ, чѣмъ мы только-что указали, но ихъ пере-

численіе было бы здѣсь неумѣстно Но каковы бы ни были эти факторы и сколько бы ихъ ни было, изъ нихъ всѣхъ съ очевидностью вытекаетъ, что законы индивидуальнаго развитія помогаютъ намъ понять, почему картина міра каждаго отдѣльнаго человѣка представляетъ всегда различную, индивидуально ограниченную часть объективной дѣйствительности, почему человѣкъ видитъ въ вещахъ всегда однѣ стороны и никогда не видитъ другихъ, почему онъ одно удерживаетъ въ сознаніи и поддается его вліянію, другое же совершенно упускаетъ изъ виду или тотчасъ забываетъ, почему, дальше, его мнѣнія и взгляды на вещи, на людей и, наконецъ, на самого себя всегда не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, окрашиваютъ, преобразовываютъ, измѣняютъ и искажаютъ ее индивидуально различнымъ образомъ.

Изъ только-что сказаннаго теперь также ясно видно, что всякое изложеніе психологіи предполагаетъ объективную истину и дѣйствительность, понятіе которой устанавливаютъ теорія познанія и логика. Чтобы установить законы воздѣйствія и реагированія требуется уже объективное нѣчто, которое впервые вызываетъ въ субъектѣ впечатлѣніе; слѣдовательно, для установленія этихъ вліяній это нѣчто должно мыслиться, какъ независимое отъ индивидуумовъ. Вещи съ ихъ качествами, событія, тождественныя и различныя, соединенныя безчисленными причинными связями и сознаваніе ихъ въ сужденіи—вотъ тѣ естественныя рамки, внутри которыхъ совершаются эти психологическія явленія Изъ ассоціаціи и апперцепціи никогда не получается такое образованіе, какъ вещь съ качествами, тожество или причинность.

Если избрать не безплодные буквенные символы, то примѣры къ ученіямъ объ ассоціаціи и воспроизведеніи, фантазіи и апперцепціи могутъ быть заимствованы

только изъ знакомаго намъ міра вещей съ качествами и міра событій; только эти примѣры могутъ быть понятны. Психологія не есть ученіе о своеобразномъ единствѣ понятія, сужденія, умозаключенія; она не учитъ тому, что такое субъектъ или предикатъ; психологія только указываетъ, о какомъ изъ возможныхъ предикатовъ, пригодныхъ для отнесенія къ субъекту, думаетъ отдѣльный человѣкъ, какое изъ одинаково возможныхъ сужденій приходитъ ему въ голову, какія тожества и различія привлекаютъ его вниманіе и принуждаютъ къ соединенію въ умозаключенія.

Средствами психологіи не только нельзя установить, что такое субъектъ, такъ какъ это дѣло теоріи познанія и логики, но и то, что такое объектъ, дѣйствіе, способность, задатокъ.

Итакъ, предметъ изслѣдованія психологіи всегда есть какое-либо опредѣленіе общаго родового начала, лежащаго въ основаніи. Трудности, которыя вслѣдствіе этого могутъ возникнуть для изложенія, не такъ велики, какъ это можетъ показаться послѣ сказаннаго, такъ какъ факты психологіи, какъ извѣстно, настолько знакомы и обыденному сознанію до всякой философской теоріи, что они могутъ быть предполагаемы въ теоріи познанія и логикѣ. Ихъ психологическаго объясненія или точнаго опредѣленія здѣсь и не требуется, нужно только знакомство съ ними.

И наоборотъ, для изложенія психологіи нужно только знакомство съ фактами извѣстными изъ индивидуальнаго сознанія, именно съ тѣмъ, что мы мыслимъ, разсуждаемъ, дѣлаемъ умозаключенія, и при этомъ предполагаемъ единую истину и дѣйствительность. Этой предпосылкой въ большинствѣ случаевъ можно удовлетвориться въ извѣстныхъ предѣлахъ, если даже логическая теорія еще незнакома намъ. Конечно, научное разсмотрѣніе этихъ предпосылокъ сообщитъ и

психологической теоріи большую точность и устойчивость, прежде всего оно выяснитъ такія понятія, какъ субъектъ и объектъ, дѣйствіе, способность, задатокъ и т. п Такимъ образомъ, согласно prima philosophia, которая находитъ единственно подлинное бытіе въ индивидуальномъ сознаніи, теорія познанія и логика должны предшествовать психологіи.

Въ подобномъ же отношеніи находится психологія къ этикѣ и философіи права. Обѣ предполагаютъ въ извѣстной мѣрѣ знаніе душевной жизни съ ея законами, и предметъ, съ которымъ обѣ науки имѣютъ дѣло, существуетъ только въ собственномъ нашемъ внутреннемъ мірѣ Это тысячи чувствъ, настроеній, склонностей, пожеланій, влеченій, волевыхъ движеній, которыя могутъ быть только пережиты. Кто въ себѣ не испытывалъ, какъ чувства „волнуютъ душу“, какъ подавляютъ насъ влеченія, тотъ ничего не знаетъ объ этомъ. Но если, несмотря на признанную субъективность и индивидуальное различіе реакціи чувствованія, одновременно удерживается взглядъ, что способы чувствованія одного человѣка вполнѣ понятны, естественны, чувствованія же другого непонятны, неестественны, отвратительны, то этимъ самымъ уже предполагается, все равно, высказано ли это открыто или нѣтъ, что съ природой человѣка связанъ извѣстный способъ чувствованія. Но что же другое можетъ обозначать „природа человѣка“, если не общую родовую сущность? Если и считается возможнымъ, чтобы одинъ и тотъ же внѣшній поводъ, напр., видъ скалы, въ одномъ человѣкѣ вызывалъ чувство сантиментальной влюбленности, а въ другомъ живое чувство патріотическаго воодушевленія, то все же индивидуальнымъ различіямъ, какъ велики бы они ни были, предоставляется просторъ только внутри извѣстныхъ основныхъ чертъ, принадлежащихъ общей сущности. Закономѣр-

ность реакціи чувствованія, которая тутъ предполагается, можетъ вытекать только изъ этой общей сущности. Если сужденія оцѣнки претендуютъ на объективное значеніе, то это значеніе можетъ основываться только на общей сущности. Отъ значенія и положенія подлиннаго родового начала, которое я пытался представить выше и въ другомъ мѣстѣ, зависитъ то, что все представляющееся или инстинктивно чувствующееся, какъ ему принадлежащее или изъ него вытекающее, не можетъ быть утеряно или упущено изъ виду; между тѣмъ каждое болѣе спеціальное или индивидуальное опредѣленіе только возможно для этого родового начала, одно опредѣленіе въ такой же мѣрѣ, какъ и другое. Родовое начало нуждается только въ одномъ изъ нихъ, чтобы существовать какъ воспринимаемое; но для этого годится всякое опредѣленіе; необходимость, которую кто-нибудь захотѣлъ бы приписать и всѣмъ этимъ опредѣленіямъ, имѣетъ другой характеръ. Она могла бы казаться вытекающею только изъ умозрѣнія по поводу мірового плана. Но такое умозрѣніе здѣсь неумѣстно и вообще не мое дѣло. Въ логическомъ отношеніи родовое начало есть абсолютное условіе существованія и мыслимости опредѣленія, каждое же отдѣльное опредѣленіе безразлично для родового начала. Отсюда вытекаетъ слѣдующее. если—возможность этого явленія еще должна быть объяснена—въ индивидуумѣ проявляется нѣчто такое, что противорѣчитъ родовой сущности, и если этотъ рѣзкій диссонансъ, это непримиримое противорѣчіе, это, такъ сказать, отпаденіе отъ самого себя невыносимо, такъ что его необходимо устранить, то это возможно только путемъ устраненія противорѣчиваго опредѣленія. Родовое, вѣдь, не поддается удаленію безъ одновременнаго устраненія опредѣленія; это послѣднее такимъ образомъ и есть то, чего не должно быть, если не должно быть

противорѣчія. Возможность возникновенія такого противорѣчія создается изъ условій развитія индивидуальнаго сознанія во времени и пространствѣ. Здѣсь не мѣсто для разъясненія этихъ условій. „Основы Этики“ („Grundzüge der Ethik“) усердно потрудились надъ этимъ вопросомъ; согласно этому моему сочиненію въ мыслимой неустранимости родовой сущности и въ устранимости противорѣчащихъ ей индивидуальныхъ чертъ заключается характеръ обязанности и закона.

То, что въ этикѣ составляетъ содержаніе нравственнаго закона, т. е. имѣетъ объективное значеніе или носитъ характеръ нормы, основывается на общей родовой сущности; но для того, чтобы эта мысль была возможна и понятна, необходимы только-что разсмотрѣнныя выше психологическія предпосылки. Чувство нравственнаго одобренія или порицанія, противорѣчащія другъ другу влеченія, невыносимость противорѣчія и при этомъ укоряющій голосъ совѣсти,—все это каждый человѣкъ можетъ пережить только въ самомъ себѣ, и кто этого не пережилъ, не знаетъ, что означаютъ эти слова; но психологія не имѣетъ своимъ предметомъ всего индивидуальнаго сознанія, а именно только то, благодаря чему сознаніе становится индивидуальнымъ, и все то, что съ этой индивидуальностью связано и изъ нея вытекаетъ; поэтому на основаніи психологіи можно объяснить, какъ это можетъ случиться, что кто-нибудь дѣйствуетъ вопреки закону, что содержаніе закона мѣняется въ зависимости отъ мѣста и времени, но на основаніи ея никогда нельзя объяснить долгъ и обязанность сами по себѣ и понять этику, какъ нормативную науку.

Мы знаемъ много чувствованій, склонностей, потребностей, которыя, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ нравственностью и кажутся безразличными въ этомъ

отношеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ кажется, что они не могутъ разсматриваться какъ опредѣленія оцѣнки, заложенной въ общей сущности, хотя выше и требовалось, чтобы въ основѣ опредѣленій всего индивидуальнаго и спеціальнаго лежала общая сущность.

Чисто чувственныя различія вкуса считаются всегда нравственно безразличными. Они несомнѣнно зависятъ отъ тѣлесныхъ условій, а послѣднія не могутъ — какъ мы скоро увидимъ ниже—считаться прямыми опредѣленіями сознанія вообще. Ихъ можно оставить въ сторонѣ, а остановиться на томъ, напр., что одинъ человѣкъ общителенъ, другой замкнутъ, одинъ возбуждается легко, другой съ трудомъ, одинъ любитъ путешествія, другой, наоборотъ, предпочитаетъ домашній покой. Все то, что называютъ темпераментомъ и натурой, считается нравственно безразличнымъ и относится къ индивидуальности, какъ таковой. Все же и это не вполнѣ безразлично въ нравственномъ отношеніи. Широко распространенное, совершенно независимое отъ школьной философіи мнѣніе находитъ въ каждомъ изъ этихъ безчисленныхъ различій „доброе зерно“, нѣчто правильное. То, что при этомъ каждый цѣнитъ, есть дѣйствительно съ точки зрѣнія объективной оцѣнки нѣчто хорошее, но тутъ можетъ быть и что-нибудь дурное, чего субъектъ не отличаетъ отъ хорошаго. Всѣ эти своеобразныя свойства имѣютъ хорошія и дурныя стороны. Во всемъ можно усмотрѣть что-нибудь чрезмѣрное или недостаточное, все односторонне, ни въ чемъ нѣтъ золотой середины. Главное же, что мы не можемъ даже мыслить совершеннаго человѣческаго индивидуума. При зависимости отъ тѣла и его потребностей, при ограниченности во времени и пространствѣ немыслимо имѣть одинаково живое чувство цѣнности всего того, что есть, невозможно даже мысленно соединить всѣ моральныя достоинства въ одномъ индивидуумѣ.

Индивидуальность по самой сущности своей не можетъ сохранить вѣрной середины во всѣхъ своихъ частяхъ, и она всегда имѣетъ односторонній характеръ; мы даже не можемъ вообразить себѣ этой абсолютной середины. Человѣческая индивидуальность требуетъ всегда преобладанія извѣстныхъ достоинствъ съ соотвѣтствующимъ неизбѣжнымъ дефектомъ съ другой стороны.

Если говорятъ о безразличіи въ нравственномъ отношеніи, то подъ этимъ собственно разумѣютъ, что всѣ эти относительныя достоинства, которыя не могутъ принадлежать всѣ вмѣстѣ одному человѣку, по отношенію къ добру почти равноцѣнны; слѣдовательно, носители ихъ въ виду того, что они могутъ сдѣлать, какъ люди, представляются всѣ одинаково достойными уваженія; съ другой стороны, всѣ связанные съ ними недостатки, какъ свойственные человѣческому несовершенству, никому изъ ихъ носителей не могутъ быть вмѣнены въ особую вину, какъ заслуживающіе осужденія, презрѣнія или даже наказанія.

Болѣе тщательное разсмотрѣніе учитъ такимъ образомъ, что всѣ болѣе спеціальныя и индивидуальныя черты чувствованія и оцѣнки, желанія и хотѣнія суть все-таки опредѣленія, образованія того, что въ абстрактной общности должно быть отнесено къ общей сущности, вытекая изъ нея, т. е. изъ сознанія вообще, съ логической послѣдовательностью.

Если послѣ всего сказаннаго настоящая проблема практической философіи, т. е. объективное значеніе или правильность, сообразность съ долгомъ чувствованія и желанія, не можетъ быть разрѣшена путемъ психологіи, т. е. науки, которая имѣетъ своимъ предметомъ индивидуальное сознаніе какъ таковое, то все-таки явленія, съ которыми имѣетъ дѣло практическая философія, именно явленія человѣческаго чувствованія

и хотѣнія, приводятъ насъ къ психологіи. Мы знаемъ чувствованія и хотѣнія только какъ внутреннія движенія, которыя сознаются отдѣльными людьми сообразно съ условіями и обстоятельствами; и мы можемъ постигнуть и охватить то, чему учитъ о нихъ нормативная наука, только въ ихъ инивидуализаціи и вплетеніи въ общую закономѣрность жизни человѣческаго чувства. Мы должны распознать ихъ среди безчисленныхъ сплетеній, искаженій и ограниченій, и такимъ образомъ задача практической философіи неразрѣшима безъ психологическихъ знаній или безъ знакомства съ психологическими фактами; моя система этики зачастую и обращается къ нимъ. Съ другой стороны, едва ли возможно говорить о жизни человѣческаго чувства въ чисто психологическомъ смыслѣ, не полагая въ основу принадлежащихъ родовой сущности оцѣнокъ, которыя повсюду являются многообразно измѣненными и искаженными индивидуальностью, и въ то же время эти фактическія движенія чувства въ ихъ переходахъ и сочетаніяхъ все-же необходимо понимать, какъ опредѣленія того Общаго.

Теперь вполнѣ понятно, почему и съ какимъ правомъ можно и должно думать найти этику, философію права и эстетику въ психологіи; понятно, какъ онѣ дѣйствительно тѣсно связаны съ ней; но все-таки, если психологія не есть наука обо всемъ индивидуальномъ *Я* съ его глубочайшей основой, съ Общимъ, которое лежитъ въ основаніи его, то, слѣдовательно, въ ней не можетъ быть найдена объективная обязательность. Общеобязательность можно вывести только изъ основного ученія о сознаніи вообще, только оно даетъ право на объективное значеніе, но не психологія, если она именно имѣетъ своимъ предметомъ индивидуальное сознаніе, какъ индивидуальное, или другими словами, самое индивидуальность, къ которой

прежде всего относится развитіе во времени и пространствѣ.

Теперь нужно обратить вниманіе на то, что до сихъ поръ предполагалось извѣстнымъ изъ обыденнаго сознанія, а именно на то, что такое индивидуальное въ собственномъ смыслѣ этого слова; вмѣстѣ съ этимъ выяснится важнѣйшее обстоятельство, для теоріи самое трудное: его отношеніе къ пространственно-временному міру, т. е. отношеніе послѣдняго къ психологіи.

Если индивидуальное сознаніе есть нѣчто, находящееся во времени и пространствѣ, если оно своимъ тѣломъ и своей жизнью заполняетъ часть пространства и времени, то все, что составляетъ его содержаніе, или, другими словами, все, что оно можетъ сознавать, должно быть опредѣлено временно и пространственно. Не только сознаніе вообще, признанное внѣвременнымъ и непространственнымъ, какъ выше было уже указано, но и все то, что къ нему относится, какъ изъ него вытекающее, т. е. всѣ нормы мышленія и чувствованія, всегда являются гдѣ-либо и когда-либо содержаніемъ индивидуальнаго сознанія: такимъ образомъ и все своеобразіе его опредѣленій, образованій и модификацій въ индивидуальномъ сознаніи зависитъ отъ его пространственной и временной опредѣленности. Все должно быть нанизано на тонкой нити времени, одно за другимъ; этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается ограниченность сознанія; только единичное можетъ занять на извѣстное время самую свѣтлую точку сознанія, чтобы потомъ уступить свое мѣсто другому: чувственнымъ даннымъ, образамъ воспоминанія или воображенія, соотвѣтствующимъ чувствамъ, настроеніямъ, стремленіямъ, рѣшеніямъ. Все это совершается во времени, поэтому въ своемъ наступленіи и качествѣ зависитъ отъ времени и отъ всего того, что послѣднее въ себѣ носитъ. Никто не сомнѣвается въ

томъ, что всякое мѣсто и впечатлѣнія, которыя оно навязываетъ и которыя оно вытѣсняетъ, вліяютъ на теченіе мыслимыхъ опредѣленій индивидуальнаго сознанія. И часто не только присутствіе въ сознаніи одного впечатлѣнія есть уже причина для отсутствія другого, которое, навѣрное, стояло бы въ центрѣ сознанія, если бы какое-то особенное обстоятельство не вызвало перваго, но даже и качество (сила, особенный оттѣнокъ и т. п.) впечатлѣнія находится въ существенной зависимости отъ тѣхъ другихъ опредѣленій, съ которыми оно совпадаетъ въ сознаніи, или отъ тѣхъ, которыя ему предшествовали; и оно было бы другимъ, если бы ему непосредственно или болѣе долгое время предшествовали тѣ или иныя впечатлѣнія. Можно даже утверждать, что способъ, какимъ возникающее впечатлѣніе пріобрѣтаетъ значеніе, зависитъ, конечно, черезъ безчисленныя посредствующія и въ безчисленныхъ ступеняхъ и оттѣнкахъ отъ всего того, что до этого времени индивидуумъ пережилъ. Что все это относится къ предмету психологіи, не можетъ быть сомнѣнія. Но изъ этого пространственно-временного сознанія выдѣляется для анализирующаго изслѣдованія внѣвременное и непространственное сознаніе вообще, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ индивидуумовъ какъ одно и то же, и только въ этой абстракціи даетъ возможность познать свою связь съ конкретнымъ *Я*,—причемъ въ свою очередь впервые выясняется сущность послѣдняго.

Вмѣстѣ съ однимъ и тѣмъ-же во всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумахъ выдѣлилось также одно и тоже для всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, независимое отъ ихъ единичности, объективно сущее или имѣющее объективное значеніе, объективная истина, дѣйствительность и благо само по себѣ или долженствующее существовать.

Эти понятія нормъ еще мыслимы въ высшей степени абстракціи, если присоединить въ качествѣ объектовъ мышленія и чувствованія также наиболѣе абстрактное понятіе даннаго, именно опредѣленность сознанія, отвлекшись при этомъ совершенно отъ извѣстныхъ намъ видовъ даннаго. Но эти понятія лишены содержанія и значенія, если рѣчь идетъ о человѣческомъ познаніи, и прежде всего этою абстракціею уничтожается различимость отдѣльныхъ *Я*. Нельзя придумать ничего такого, чѣмъ они могли бы отличаться другъ отъ друга, если мы отвлекаемся отъ нашихъ тѣлъ и отъ пространственно-временного чувственнаго міра, который намъ данъ.

Теперь обратимся къ этому міру. Разсмотримъ прежде всего время и пространство, не обращая вниманія на качества, которыя ихъ наполняютъ

Различеніе сознанія вообще отъ индивидуальнаго сознанія выставляетъ послѣднее, такъ какъ первое было прямо названо общимъ родовымъ моментомъ, какъ опредѣленіе сознанія вообще.

Если родовой моментъ цвѣтности или плоской фигуры опредѣляется какъ красное или зеленое, какъ треугольникъ или кругъ, то присоединеніе специфическаго или его отношеніе къ родовому постолько ясно, посколько оба находятся въ одной сферѣ. Только благодаря различнымъ зрительнымъ впечатлѣніямъ и только въ знакомомъ намъ мірѣ образовъ, нашли мы это родовое, и такимъ образомъ болѣе точное опредѣленіе присоединяется—если вообще здѣсь можетъ быть рѣчь о соединеніи или присоединеніи—прямо къ этому общему, не подавая повода къ дальнѣйшимъ вопросамъ о возможности, объ особомъ видѣ и способѣ этой связи.

Исключеніе составляетъ только случай, который тутъ передъ нами,—сознаніе. Здѣсь нѣтъ ничего такого,

что могло бы въ качествѣ опредѣленія присоединиться къ общему моменту сознанія такъ, какъ видовой моментъ красности или треугольности присоединяется къ родовому моменту цвѣтности или фигуры. Мы добыли общее понятіе сознанія или бытія *Я* изъ индивидуальнаго сознанія, какимъ каждый себя знаетъ, только тѣмъ путемъ, что отвлеклись, насколько могли, отъ всего того, чѣмъ сознаетъ себя каждое *Я*,—т. е. мы отвлеклись отъ всякой опредѣленности содержанія сознанія и установили только въ наиболѣе абстрактной общности, что сознаваемое есть нѣчто, въ чемъ сознаніе находится какъ въ своемъ опредѣленіи; въ противномъ случаѣ оно вообще не могло бы существовать. Слѣдовательно, мы можемъ найти опредѣленіе къ индивидуальному сознанію только въ опредѣленіи содержанія сознанія къ индивидуальному. Но индивидуальное по своему понятію есть временно и пространственно опредѣленное, слѣдовательно, оно есть сознаніе, которое находится въ данное время въ данномъ мѣстѣ; и такимъ образомъ вопросъ о томъ, не принадлежитъ ли математика, естественныя науки и всемірная исторія тоже къ психологіи, или почему онѣ не принадлежатъ къ ней, принимаетъ слѣдующую формулировку: 1) если все безконечное пространство и время со всѣмъ тѣмъ, что ихъ наполняетъ, суть содержаніе индивидуальнаго сознанія и только изъ него извѣстны каждому *Я*, то какъ можно имъ приписать объективное, т. е. независимое отъ индивидуальнаго сознанія, существованіе? и 2) въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу тѣ части пространства и времени, которыя *Я*, чтобы быть индивидуальнымъ, относитъ къ себѣ, и тѣ, которыя *Я* отличаетъ отъ себя, какъ объективный міръ, и которыя оно все-таки знаетъ только изъ содержанія своего индивидуальнаго сознанія?

Если *Я* находитъ пространство и время, то при

этомъ уже предполагается пространственная и временная опредѣленность этого *Я*, безъ этого оно было бы только абстрактнымъ сознаніемъ вообще, слѣдовательно, вообще не могло бы ничего находить. Теперь обнаруживается все своеобразіе пространства и времени. Можетъ ли *Я* находить себя пространственно и временно опредѣленнымъ, не созерцая всего пространства и всего времени, которое оно тѣмъ не менѣе не относитъ къ себѣ (какъ къ этому индивидууму)?

Индивидуальность не есть обусловливающее основаніе этого содержанія сознанія; наоборотъ, она есть его слѣдствіе, хотя бы и слѣдствіе не во времени, но все же полагаемое и обусловленное этимъ содержаніемъ.

Имѣть передъ собой пространство и время, или выражаясь иначе, знать, созерцать пространство и время возможно по самой природѣ ихъ только, если субъектъ созерцаетъ ихъ изъ опредѣленной точки въ пространствѣ и во времени. Попробуемъ все-таки отвлечься отъ этой точки! Тогда нельзя больше мыслить пространство и время. Въ отношеніяхъ къ каждой точкѣ особымъ образомъ распредѣляются части (различаемыя благодаря наполненности), и безъ такого порядка частей (передъ, послѣ, сзади, сверху, снизу, налѣво, направо) ничего не можетъ быть помѣщено во времени и пространствѣ. Можно сказать, именно это и называется временемъ и пространствомъ. Согласно этому, *Я*, если оно созерцаетъ пространство и время, должно находить себя занимающимъ часть пространства и времени, само должно быть пространственнымъ и временнымъ, а при этомъ уже неизбѣжно, чтобы оно знало такое время и пространство, которое оно не относитъ къ своей протяженности въ пространствѣ и во времени, но съ другой стороны познаетъ, какъ ея непосредственное продолженіе или коррелатъ, и было бы немыслимо безъ него;

вмѣстѣ съ тѣмъ оно всегда познаетъ пространство и время только, какъ опредѣленность, въ которой оно себя находитъ, такъ какъ его собственное мѣсто во времени и пространствѣ только ею опредѣляется и можетъ быть опредѣлено; оно познаетъ пространство и время всегда только какъ нѣчто, что въ понятіи своего существованія имѣетъ отношеніе къ сознанію.

Какимъ образомъ это возможно для чистаго субъекта, такой вопросъ я принципіально отклоняю. Я разсказываю не о событіяхъ, которыя совершаются во времени, или о дѣйствіяхъ, которыя кѣмъ-либо выполнялись; я разлагаю данное на его абстрактные элементы и моменты. Абстракція чистаго субъекта не можетъ, какъ таковая, выполнять дѣйствій. Мы выдѣлили его, какъ часто уже указывалось, изъ нашего цѣлаго индивидуальнаго, пространственнаго и временного *Я* путемъ абстракціи и одновременно съ этимъ выяснили ту реальную зависимость, что чистый субъектъ не могъ бы быть чѣмъ-то дѣйствительнымъ безъ пространственной и временной опредѣленности, обусловливающей существованіе индивидуальныхъ *Я*, которыя мыслятъ все пространство и время, какъ одно и то же для всѣхъ, свою же собственную протяженность они считаютъ только частью его.

Теперь будетъ казаться, что я одновременно утверждаю два противоположныхъ положенія: будто пространство и время суть собственно содержаніе сознанія вообще, и будто они все-таки составляютъ содержаніе индивидуальнаго сознанія. Но вѣдь чистое и индивидуальное *Я* не суть два различныхъ *Я* одно въ другомъ или одно подлѣ другого, какъ два индивидуальныхъ *Я*. Первое обозначено мною, какъ родовой моментъ послѣдняго, и это родовое общее, противоположное индивидуальному, должно заключаться только въ содержаніи сознанія. Подлинный обладатель или носитель,

или субъектъ этихъ опредѣленій есть такимъ образомъ одинъ и тотъ-же, одинъ разъ мыслимый съ абстрактно наиобщей опредѣленностью какого-то нѣчто въ качествѣ своего содержанія, а другой разъ—съ индивидуальной пространственной и временной опредѣленностью, безъ которой онъ не былъ бы дѣйствительнымъ, т. е индивидуальнымъ *Я*.

Если я только мыслю въ общемъ что-нибудь какъ данное, то мыслимо также примѣненіе категорій и то, что послѣднія заключаются въ отдѣльныхъ мысляхъ, какъ общее въ спеціальномъ; далѣе мыслимо также, что существуетъ болѣе общее и менѣе общее, и одно относится къ другому, какъ родъ къ виду. Если же я направляю вниманіе на пространство и время, то они не представляются мнѣ [1]) родовыми понятіями въ отношеніи къ каждой отдѣльной точкѣ пространства и времени Послѣднія не могутъ быть подведены, какъ индивидуумы, подъ пространство и время, какъ подъ свое родовое понятіе. Точка пространства и времени всегда есть часть всего безконечнаго пространства и всего безконечнаго времени. Такимъ образомъ, на первый взглядъ, остается только отнести все это пространство и все это время къ общему сознанію. Но это безсмыслица, потому что пространство и время невозможно имѣть содержаніемъ сознанія, не занимая какой-нибудь части ихъ: только исходя изъ какой-нибудь точки ихъ, можно ихъ созерцать и представлять себѣ.

Если пространство и время не суть—какъ полагаетъ матеріализмъ—нѣчто существующее само по себѣ, если они, слѣдовательно, въ понятіи своего существованія имѣютъ отношеніе къ сознанію, то сознаніе вообще должно такимъ образомъ занимать какую-нибудь точку

---

[1]) Какъ это показано уже въ Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр. 88.

въ пространствѣ и времени и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть своимъ содержаніемъ все пространство и все время внѣ этой точки, но въ такомъ случаѣ оно eo ipso не есть уже болѣе сознаніе вообще, а только индивидуальное сознаніе. Но если это положеніе, какъ я и думаю, есть въ самомъ дѣлѣ выраженіе абсолютной необходимости мышленія, той необходимости, которую я опредѣлилъ, какъ истину и дѣйствительность[1]), то и оно имѣетъ свое основаніе въ сознаніи вообще, въ одной и той же, общей всѣмъ индивидуумамъ сущности.

Итакъ, это сознаніе находитъ себя въ индивидуальной части пространства и времени, а все остальное пространство и время внѣ ея. И отъ этого свойства находиться внутри опредѣленной части, а остальное находить внѣ ея непосредственно зависитъ то, что пространство и время можетъ быть найдено только каждымъ воспринимающимъ и мыслящимъ индивидуумомъ, какъ его воспріятіе и его мысль. Но если это связано съ бытіемъ *Я* или сознаніемъ вообще, т. е. принадлежитъ къ сущности одного и того же родового момента, то въ индивидуальномъ содержаніи сознанія должно совершиться то раздѣленіе, о которомъ уже упомянуто выше, когда рѣчь шла объ объективности истины и нормы чувствованія и поведенія. Тогда частица пространства и времени, которую *Я* занимаетъ своимъ тѣломъ и жизнью, будетъ отнесена этимъ *Я* къ себѣ, и однако въ то же время,—въ виду измѣнчивости мѣста и множественности вещей, которыя заполняютъ ту же часть времени, а также въ виду познаваемой собственной закономѣрности времени и пространства, независимыхъ отъ индивидуальностей—къ единому пространству и времени, за которыми признается объективное существованіе. Такимъ образомъ одно и то

[1]) См. Erk. Log. Стр. 644 сс., Grundriss стр. 168 сс.

же *Я* или субъектъ вообще находится во многихъ точкахъ пространства и времени (поэтому оно eo ipso не есть уже болѣе сознаніе вообще, но индивидуальное сознаніе, не чистое *Я*, но индивидуальное), это *Я* видитъ все пространство и время внѣ себя, только исходя изъ занимаемой имъ точки; именно благодаря этому, время и пространство выдѣляются изъ индивидуальнаго сознанія и пріобрѣтаютъ объективное, т. е. независимое отъ индивидуальностей, но зависимое отъ сознанія вообще и къ нему относящееся существованіе,—такъ получается одно и то же пространство и одно и то же время для всѣхъ.

Итакъ, картина воспріятія каждаго момента въ своихъ границахъ и распредѣленіи частей зависитъ правда, непремѣнно отъ пространственной и временной опредѣленности воспринимающаго индивидуума, т. е отъ его индивидуальности. Однако, при нашей способности мѣнять мѣсто мы открываемъ строгую закономѣрность, по которой образы воспріятія мѣняются въ отношеніи границъ и порядка въ зависимости отъ занимаемаго нами въ данный моментъ положенія, такъ что возможно точное вычисленіе; поэтому пространство освобождается въ этомъ познаніи отъ случайнаго для него положенія воспринимающаго индивидуума и пріобрѣтаетъ ту независимость, которую мы признаемъ за всякой объективной истиной и дѣйствительностью. Къ этому дѣйствительному пространству и дѣйствительному времени принадлежитъ и та часть пространства и времени, которая занята нашимъ собственнымъ тѣломъ. Уже поэтому тѣло относится, если даже упустить изъ виду одинаковую для всѣхъ воспринимаемость этой пространственной и временной наполненности, къ объективному тѣлесному міру, принимается за часть послѣдняго и отличается отъ „души“. Въ этомъ смыслѣ это дѣлается съ полнымъ правомъ. Съ другой стороны

не менѣе понятно, что каждое *Я* относитъ свое тѣло къ самому себѣ и въ такомъ случаѣ eo ipso не относитъ къ тѣлу окружающій его тѣлесный міръ, а, слѣдовательно, не относитъ этого окружающаго тѣлеснаго міра къ самому себѣ, поскольку оно, находя себя въ своемъ тѣлѣ, отождествляетъ себя съ своимъ тѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое *Я* имѣетъ воспринимаемое пространство всегда только, будучи чувственнымъ, т. е наполняющимъ пространство *Я*, въ зависимости отъ мѣста своего тѣла и черезъ посредство своихъ органовъ. Объективное пространство и время, въ составъ котораго входитъ также и мѣсто, заполненное тѣломъ, всегда только дается и заключается въ этомъ воспринятомъ пространствѣ и времени и отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что мы познаемъ его независимымъ отъ воспринимающихъ индивидуумовъ, какъ таковыхъ, и знаемъ, что только качество каждаго образа, представляющагося въ воспріятіи, находится въ только что указанной зависимости отъ индивидуальности. Изъ этихъ образовъ выдѣляется объективное пространство такъ же легко и вѣрно, какъ объективная истина изъ отдѣльныхъ вѣрныхъ мыслей и нравственная норма изъ нормальныхъ чувствъ оцѣнки индивидуумовъ. Такимъ образомъ существованіе безконечнаго пространства и времени внѣ нашего собственнаго тѣла и жизни перестаетъ быть проблемой, и не стоитъ болѣе въ противорѣчіи съ прежде всего поражающимъ насъ фактомъ, что они все же даются намъ только, какъ содержаніе или объектъ нашего индивидуальнаго сознанія. И способъ существованія пространства, именно его отношеніе къ сознанію, не можетъ препятствовать тому, чтобы мы не приписывали нашему *Я*, находящемуся въ тѣлѣ, все то, что находится внѣ его тѣла.

Я находится, слѣдовательно, въ той частичкѣ пространства, которое оно занимаетъ своимъ тѣломъ,

какъ созерцающее изъ этой точки пространство, оно не относитъ къ себѣ всего пространства, поскольку послѣднее существуетъ, имѣя отношеніе къ чистому субъекту или къ сознанію вообще, и поскольку Я, такимъ образомъ ограниченное, считаетъ себя созерцающимъ изъ опредѣленной точки въ противоположность всему остальному.

Точно такъ же *Я* находитъ себя во времени, въ извѣстномъ моментѣ его, какъ созерцающее, исходя изъ этого момента, время, которое было до него и будетъ еще впереди; оно находитъ себя в о времени только вмѣстѣ со всѣмъ временемъ. Прошедшее до его рожденія и будущее послѣ его смерти суть неустранимыя условія его собственнаго существованія во времени. Все это время пріобрѣтаетъ объективность такимъ же образомъ, какъ и пространство, и существуетъ, имѣя отношеніе къ сознанію вообще. Сомнѣніе, что оно все-же существуетъ всегда только въ сознаніи индивидуума, и поэтому не могло бы въ дѣйствительности существовать до его рожденія и послѣ его смерти, легко разсѣять.

Непосредственное сознаніе есть настоящее Если въ рефлексіи оно становится только точкой соприкосновенія прошедшаго и будущаго, т. е. само не имѣетъ длительности во времени, то время состоитъ собственно только въ представленіи протекшаго и наступающаго времени, въ представленіи прошедшаго и будущаго. Оно всегда есть нѣчто,—мы избѣгаемъ, вызывающаго недоразумѣнія, слова представленіе,—такое, что сознается въ моментѣ настоящаго времени. Трудно сказать, что есть такого въ этомъ содержаніи сознанія, благодаря чему оно, находясь въ сознаніи въ настоящее время называется прошедшимъ, нѣкогда пережитымъ. Но мы пользуемся и здѣсь тоже только признаннымъ положеніемъ, что мысль эта обладаетъ тою неотразимостью,

которая вытекаетъ изъ сознанія вообще, и что объективное, т. е. отъ индивидуальностей независимое время можетъ быть найдено путемъ анализа временныхъ переживаній индивидуумовъ.

То обстоятельство, что время фактически всегда мыслится индивидуумомъ, что оно составляетъ содержаніе его сознанія въ настоящій моментъ, не можетъ нанести ущерба независимости его въ понятіи отъ многихъ мыслящихъ его индивидуумовъ, какъ таковыхъ вѣдь, и выше то же обстоятельство не могло искажать значенія сознанія вообще и всего того, что съ нимъ связано. Здѣсь не имѣетъ значенія своеобразное различіе содержаній сознанія, зависящее отъ того, имѣемъ ли мы воспоминаніе о лично прожитомъ времени или представленіе о заполненномъ времени до того момента, до котораго доходятъ наши воспоминанія. И если мы въ настоящемъ слышимъ или представляемъ себѣ въ воображеніи какое-нибудь событіе, которое гдѣ-то совершилось, когда мы уже жили, и если мы вводимъ это происшествіе въ представляемый нами временной рядъ, оно не становится, вѣдь, воспоминаніемъ о собственномъ нашемъ переживаніи, и такимъ образомъ также время, въ которое мы вводимъ такія событія, какъ одновременныя съ нашими переживаніями, есть объективное. Слѣдовательно, и время, которое мы сами пережили, не получаетъ благодаря этому бо̀льшей и болѣе надежной независимости, чѣмъ то время, которое мы предполагаемъ существующимъ до того момента, до котораго простираются наши воспоминанія; мы не можемъ не мыслить этого времени и не заполнять его вполнѣ удостовѣренными событіями. То, что я вспоминаю, какъ лично пережитое, не есть теперь въ большей степени настоящее, чѣмъ то мною не вспоминаемое, что я долженъ предполагать съ абсолютной необходимостью напр., мое рожденіе и все, что было до него.

Итакъ, мы можемъ и должны придавать времени, котораго мы не пережили, ту же степень реальности, какъ и времени пережитому, о которомъ мы вспоминаемъ. И если настоящее немыслимо безъ прошедшаго и будущаго, то существованіе прошедшаго и будущаго до и послѣ нашей жизни также дѣйствительно, какъ и настоящее.

Мы прибавили такимъ образомъ къ абстрактному моменту непространственнаго и невременнаго чистаго субъекта все пространство и время, какъ опредѣленность, благодаря которой онъ становится дѣйствительнымъ, т. е. индивидуальнымъ *Я*; при этомъ *Я* занимаетъ часть этого времени и пространства, и только поэтому оно можетъ имѣть все пространство и все время, но этимъ оно обязано не своей индивидуальности: индивидуумъ имѣетъ все пространство и время потому, что онъ связанъ съ сознаніемъ вообще и находитъ себя въ опредѣленной части пространства и времени.

Картина наполненнаго пространства и времени, которая дается въ воспріятіи субъекту, зависитъ, конечно, отъ его индивидуальности, спеціально отъ индивидуально опредѣленной части пространства и времени, которую онъ заполняетъ своимъ тѣломъ и своей жизнью. Но то, что при этомъ представляется воспріятію, будь это въ воспоминаніи о собственной жизни или въ пріобрѣтенномъ знаніи исторіи, никогда не есть все пространство и все время. Представленіе о послѣднихъ, объ ихъ безконечности, единствѣ и тождественности для каждаго отдѣльнаго человѣка достигаетъ полноты только въ логическомъ мышленіи.

Воспринимаемое въ пространствѣ и времени оказывается на основаніи анализа множествомъ отдѣльныхъ чувственныхъ качествъ, какъ цвѣтъ, температура, твердость и т. д. Человѣческое тѣло со всѣми его органами—такой же природы: это пространство, наполненное

такими же чувственными качествами. Отъ этихъ органовъ и отъ мѣста, гдѣ тѣло находится, зависитъ появленіе и исчезновеніе содержаній ощущеній въ сознаніи того, кто находится и чувствуетъ себя въ этомъ тѣлѣ. Въ теоретико-познавательномъ отношеніи насъ вовсе не интересуетъ роль посредника, которую играютъ органы чувствъ. Намъ нужно только констатировать присутствіе пространственно и временно опредѣленныхъ качествъ въ сознаніи, т. е. отмѣтить ихъ, какъ объектъ сознанія. Ничѣмъ не доказано, будто видимое многими не можетъ быть тѣмъ же самымъ единымъ; это заблужденіе ведетъ свое происхожденіе отъ ученія о душевной субстанціи съ ея пространственными границами, въ которой, какъ во вмѣстилищѣ, возникаютъ и помѣщаются чувственныя ощущенія.

Что это дѣйствительно то же самое единое, слѣдуетъ, конечно, узнавать по особеннымъ признакамъ. Если это должно быть то же самое единое, то оно должно быть независимо отъ индивидуальностей; и эту независимость мы находимъ не только въ томъ, что капризъ и произволъ безсильны передъ чувственными ощущеніями, но прежде всего въ томъ, что въ нихъ самихъ, въ содержаніяхъ ощущеній, все равно когда и гдѣ бы они ни были объектомъ индивидуальнаго сознанія, можно открыть законъ ихъ совмѣстнаго существованія и слѣдованія. Зрительное впечатлѣніе пламени совмѣщается съ ощущеніемъ повышенной температуры; за впечатлѣніемъ горящаго дома слѣдуютъ зрительныя впечатлѣнія, напримѣръ, обугленныхъ балокъ, разрушенныхъ стѣнъ и т. п.

Ощущенія, которыя поддаются соединенію въ систему причинныхъ зависимостей, суть нормальныя и образуютъ объективный тѣлесный міръ; среди воспринимаемыхъ качествъ тѣлесныхъ органовъ должны найтись тѣ, съ которыми связано въ свою очередь это свойство поя-

вляющихся въ сознаніи ощущеній, допускающее соединеніе ихъ въ систему причинныхъ зависимостей, а также и тѣ качества органовъ, которыя этого не допускаютъ и даже обусловливаютъ противорѣчія. Первыя качества принадлежатъ родовому понятію человѣческаго тѣла, поэтому мы ихъ предполагаемъ, даже требуемъ, вторыя качества мы объясняемъ отклоненіемъ индивидуальнаго человѣческаго тѣла или отдѣльныхъ органовъ его (въ случаѣ если это не зависитъ отъ психическихъ предрасположеній) отъ нормы, относящейся къ родовому началу [1]).

Такъ получаемъ мы понятіе дѣйствительнаго чувственнаго міра, независимаго отъ индивидуальностей. Конечно, это впервые становится возможнымъ благодаря вмѣшательству логическаго мышленія: оно придаетъ объективную дѣйствительность чувственнымъ даннымъ, которыя каждый человѣкъ ближайшимъ образомъ знаетъ только изъ себя, какъ лично пережитое, какъ объектъ собственнаго сознанія. Этотъ объективный чувственный міръ никогда не дается непосредственно: этотъ міръ—задача, неустранимое предположеніе, что наше познаніе всегда будетъ пополняться и совершенствоваться, цѣль стремленія; этотъ міръ, т. е. это требованіе и это предположеніе относятся къ сознанію вообще.

Индивидуальности принадлежитъ при этомъ, разумѣется, все то, что противорѣчитъ указаннымъ требованіямъ дѣйствительнаго міра: несуразныя картины воспоминаній вслѣдствіе, такъ называемой, нетвердости памяти, спутанность и разсѣянность, несовмѣстимыя чувственныя впечатлѣнія вслѣдствіе ненормальности чувственныхъ аппаратовъ или центральныхъ органовъ; точно такъ же къ индивидуальности относятся опредѣленныя границы и модификаціи каждаго воспріятія, зависимыя отъ мѣста и времени и отъ преходящихъ со-

---

[1]) См. Erk. Log. стр. 644—672 и Grundriss стр. 168—172.

стояній, которыя легко вычислить по ихъ вліяніямъ и источникъ которыхъ легко можно прослѣдить. Изъ этого матеріала мышленіе строитъ единственный тѣлесный міръ, который имѣетъ ту же дѣйствительность и объективность, какъ все установленное мышленіемъ.

Этого единаго тѣлеснаго міра никто еще не относилъ къ предметамъ психологіи, хотя бы ощущенія, которыя, повидимому, даютъ намъ знать о немъ, и входили въ сферу ея вѣдѣнія. Я указывалъ уже много разъ, что ощущенія не суть внутреннія душевныя состоянія; это содержанія или объекты индивидуальнаго сознанія, которые, какъ и все выше указанное, требуютъ различенія того, что относится къ индивидуальности, и того, что отъ нея независимо.

Матеріалъ содержаній ощущеній, изъ котораго логическое мышленіе строитъ объективный міръ, зависитъ во всякомъ случаѣ отъ положенія субъекта и отъ органовъ тѣла, въ которомъ онъ самъ находится Со стороны этой зависимости нормальныхъ и ненормальныхъ, т. е. болѣзненныхъ или несовмѣстимыхъ ощущеній, ученіе о нихъ, безъ ущерба для значенія нормальныхъ ощущеній, можетъ и должно быть отнесено къ психологіи. Ученіе объ ощущеніяхъ принадлежитъ, слѣдовательно, къ психологіи, т. е. къ ученію объ индивидуальномъ сознаніи, какъ таковомъ, и о его развитіи, поскольку явленія объективнаго тѣлеснаго міра (раздраженія въ нервахъ и мозгу) относятся пространственно къ той части міра, въ которой, какъ въ „собственномъ“ тѣлѣ, находится *Я* въ противоположность къ другимъ *Я*, находящимся въ другихъ тѣлахъ. Благодаря совершенно своеобразному, неопредѣлимому и неописуемому, только испытываемому и переживаемому способу, какимъ *Я* находитъ и чувствуетъ себя въ своемъ тѣлѣ, именно поэтому принадлежащемъ ему, зависимость этихъ содержаній со-

знанія (въ остальномъ непонятная) отъ тѣлъ и тѣлесныхъ процессовъ (отъ чувственныхъ аппаратовъ, нервовъ, мозга и молекулярныхъ движеній въ нихъ) есть предметъ психологіи. Итакъ, только со стороны этой зависимости! И это не исключаетъ того, что извѣстныя нормальныя въ этой зависимости содержанія ощущеній суть общій объектъ многихъ сознаній; поэтому они составляютъ единый тѣлесный міръ и содержаніе естественныхъ наукъ, хотя тѣлъ и тѣлесныхъ явленій, отъ которыхъ они зависятъ, существуетъ столько, сколько есть „собственныхъ тѣлъ", въ которыхъ находятся такія ощущающія *Я* [1]).

Вмѣстѣ съ указаніемъ на полученіе чувственныхъ качествъ при посредствѣ тѣла возникаетъ вопросъ, съ чѣмъ спеціальнѣе связано то обстоятельство, что качества появляются въ опредѣленномъ пространственномъ порядкѣ. Если можно доказать, что явленіе это измѣняется при заболѣваніи (напримѣръ, при параличѣ musculus oculomotorius), то и нормальная „локализація" связана съ опредѣленными условіями тѣлесной организаціи. Настолько и теоріи локализаціи имѣютъ право на существованіе, но поскольку онѣ такимъ образомъ оправдываются, онѣ принадлежатъ, согласно изложенной точкѣ зрѣнія. къ психологіи, къ психологіи въ указанномъ смыслѣ этого слова. Онѣ совершенно не имѣютъ отношенія къ теоріи познанія. Желаніе „объяснять" такимъ образомъ пространство (также и время) есть чистое недоразумѣніе. Достигнутое до сихъ поръ при помощи подобныхъ психологическихъ теорій локализаціи не можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Итакъ, единый объективный чувственный міръ

[1]) Объ этой зависимости самой по себѣ сравн. „Naturliche Weltansicht", Philos Monatshefte XL, стр 11 с. и „Grundriss der Erk. u. Log." стр. 30.

есть, разумѣется, по понятію своего существованія содержаніе или объектъ сознанія, но такое содержаніе, которое, въ силу свойственныхъ ему самому законовъ, въ извѣстныхъ случаяхъ непремѣнно должно появляться въ каждомъ воспринимающемъ субъектѣ совершенно независимо отъ того, какая часть его каждый разъ дѣйствительно воспринимается. Хотя для существованія этого міра необходимо отношеніе къ сознанію вообще, которое пробуждается въ человѣческомъ тѣлѣ, все же отъ индивидуальности зависитъ, какой отрѣзокъ, какая часть этого міра и въ какой модификаціи приходитъ въ сознаніе каждому индивидуальному *Я* въ каждый отдѣльный моментъ. Зависимость понятія міра отъ сознанія вообще заключаетъ въ себѣ независимость его отъ индивидуальнаго сознанія; изслѣдованіе объективнаго міра въ его независимости отъ индивидуума и зависимости отъ сознанія вообще, на чемъ основывается всякая истина и дѣйствительность, есть дѣло естественныхъ наукъ, а не психологіи. Тѣ ограниченія и модификаціи извѣстнаго каждый моментъ всякому индивидуальному *Я* тѣлеснаго міра, которыя зависятъ отъ индивидуальности, никогда еще не составляли главы психологіи, очевидно, только потому, что насъ интересуютъ лишь законы, отъ которыхъ это зависитъ. Для психологіи не важно, въ какомъ индивидуумѣ проявляются теперь или проявлялись когда-нибудь, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, эти ограничивающія и модифицирующія условія.

Въ противоположность объективности, которую мы приписали воспринимаемымъ тѣламъ, одинаково видимымъ и осязаемымъ для обладающихъ ими и для всѣхъ остальныхъ, существованіе чисто субъективнаго таково, что оно по своей природѣ можетъ быть только содержаніемъ опредѣленнаго индивидуальнаго сознанія. То, какъ *Я* непосредственно находится и чувствуетъ

себя въ своемъ тѣлѣ, существуетъ только какъ содержаніе этого сознанія. Про всѣ другія *Я* мы тоже предполагаемъ, что они подобнымъ же образомъ чувствуютъ себя въ своихъ тѣлахъ; но это всегда другой экземпляръ и никогда не есть одно и то же для всѣхъ.

Это тѣло принадлежитъ къ внѣшней природѣ и слѣдуетъ ея законамъ, подобно всему другому, наполняющему пространство, но тотъ способъ, какимъ возбужденіе, которое мы будемъ называть возбужденіемъ „извнутри", непосредственно приводитъ въ движеніе части тѣла, существуетъ всегда только одинъ разъ; это есть нѣчто, сознаваемое опредѣленнымъ индивидуальнымъ субъектомъ; и если мы предполагаемъ одинаковый процессъ существующимъ во всѣхъ индивидуумахъ, то это всегда другія явленія того же рода, а не одно и то же. Воспринимаемое измѣненіе тѣла есть, какъ нормальное воспріятіе, которое дается по законамъ внѣшней природы, одно и то же для всѣхъ, но чувство удовольствія или боли отъ него получаетъ только индивидуальное *Я*, которое находится въ этомъ тѣлѣ Оно можетъ, какъ опредѣленное чувство (въ совершенно опредѣленной индивидуальной окраскѣ), быть только одинъ разъ, какъ чувство одного человѣка, но не можетъ быть никогда однимъ и тѣмъ же для всѣхъ. Существуютъ безчисленные экземпляры такого процесса, и если мы, воспринимая пораненіе человѣческаго тѣла, всѣ одинаково представляемъ себѣ причиненную этимъ боль, то представленіе о ней есть все-таки нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ сама боль, которую чувствуетъ только носитель этого тѣла. Таково то, что происходитъ отъ индивидуальности и къ ней относится; это есть субъективное.

Если во всемъ, что *Я* находитъ и переживаетъ, можно различить то, что имѣетъ объективное существованіе и значеніе, и то, что въ указанномъ смыслѣ

есть субъективное, такъ что взаимное пониманіе достигается только такимъ образомъ, что многіе сознаютъ не одно и то же, но всегда только одинаковое по содержанію (мысли, чувства), если, далѣе, оказывается, что какъ разъ то, что до сихъ поръ безспорно относили къ психологіи, а не къ другой наукѣ, принадлежитъ къ этому субъективному и индивидуальному сознанію, какъ индивидуальному, и если обыденное словоупотребленіе подъ словомъ психея или душа (несмотря на многія неточности) преимущественно разумѣетъ именно то, что въ нашемъ изслѣдованіи признано за субъективную сторону индивидуальнаго сознанія, то теорія познанія и логика, этика и эстетика имѣютъ въ такой же степени мало отношенія къ психологіи, какъ математика, всѣ естественныя науки и міровая исторія.

Въ такомъ случаѣ психологія не есть основная наука. Правда, мы находимъ предметы всѣхъ наукъ вначалѣ только, какъ собственное переживаніе, собственное воспріятіе, чувство, мысль, выводъ, но все-таки различеніе объективнаго и субъективнаго ясно и неизбѣжно.

Но, конечно, при этомъ нужно еще разсмотрѣть два пункта, или сдѣлать двѣ оговорки.

Теорія познанія и логика, какъ и этика и эстетика, едва ли могутъ быть изложены, если не использовать при этомъ своеобразныхъ особенностей развитія индивидуальнаго сознанія, именно того, какъ отдѣльныя возбужденія вступаютъ во времени по психологическимъ законамъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ въ свѣтлую точку сознанія. Ученіе объ умозаключеніи не могло бы быть оцѣнено, если бы мы совершенно упускали изъ виду образованіе отдѣльныхъ познаній, постепенное согласованіе отдѣльныхъ наблюденій и сужденій, напр., сужденія „М есть Р“ съ давно

извѣстнымъ сужденіемъ „S есть M“, и обстоятельства, которыя направляютъ вниманіе на тождественность M, такимъ образомъ приводя къ знанію, что „S есть P“. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, изложеніе нормативныхъ наукъ предполагаетъ психологическіе факты. И если главное при этомъ, въ нашемъ случаѣ, напр., принудительное начало въ умозаключеніи, не относится къ субъективности и не можетъ быть объяснено изъ психологическихъ основаній, какъ мы выше опредѣлили это понятіе, то все же ясно, что мы, неспособные, такъ сказать, вылѣзть изъ своей кожи, принимаемъ эту точку зрѣнія всегда, какъ исходную, какъ естественную основу и предпосылку

И именно поэтому, съ другой стороны, психологическое навязывается намъ, какъ самое важное, отъ чего въ конечномъ счетѣ все зависитъ. И въ самомъ дѣлѣ, для насъ прежде всего важно и въ конечномъ счетѣ также сохраняетъ значеніе то, какъ все совершается въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, какъ могло случиться, что я, мои дѣти, мои ученики, другіе люди вообще въ данномъ случаѣ сознаемъ въ себѣ тѣ или иныя сужденія, убѣжденія, чувства, волевые акты, и какъ мы, другіе люди, понимаемъ ихъ поведеніе, можетъ быть даже лучше можемъ взвѣсить его. Но это все-таки не даетъ намъ права ввести психологію въ систему наукъ, какъ основную фундаментальную науку.

Если понимать названіе психологіи въ томъ первомъ выше указанномъ смыслѣ науки объ индивидуальномъ сознаніи и обо всемъ, что въ немъ есть, т. е. въ томъ смыслѣ, что къ ней относится все, то все же пришлось бы, въ силу характера предмета, изложеннаго нами, строить еще и психологію въ болѣе узкомъ смыслѣ. Интересы терминологіи требуютъ сохраненія названія психологіи за послѣдней.

То дѣйствительное, что можно разумѣть подъ сло-

вомъ душа, и къ чему можно отнести это слово, не примѣшивая метафизическихъ ученій, есть индивидуальное сознаніе, индивидуальное въ виду пространственной и временной опредѣленности, но тѣмъ не менѣе мыслимое безъ принадлежащаго ему тѣла, которое, вѣдь, относится къ сферѣ объективнаго. Что индивидуальное сознаніе не имѣетъ реальнаго существованія безъ тѣла, но только можетъ быть мыслимо въ абстракціи безъ него, само собой вытекаетъ изъ сказаннаго выше; но обыденная метафизика, помимо вѣры въ безсмертіе, мыслитъ свою душу такъ, какъ будто она обладаетъ тѣломъ и находится въ многообразномъ взаимодѣйствіи съ нимъ. Моя поправка къ метафизическимъ догмамъ о субстанціи души и необъяснимомъ commercium animae et corporis не можетъ помѣшать тому, чтобы сдѣлать индивидуальное сознаніе объектомъ изслѣдованія, отвлекаясь отъ опредѣленной части пространства, занимаемой тѣломъ, и принимая во вниманіе только то, какія субъективныя содержанія сознанія обусловливаются даннымъ тѣломъ, его особенными качествами и внѣшними вліяніями на него.

Задача психологіи, такимъ образомъ, состоитъ въ изслѣдованіи законовъ и условій, отъ которыхъ зависитъ то, что у каждаго индивидуума какъ разъ такія, а не иныя содержанія занимаютъ наиболѣе свѣтлое поле сознанія. Что это въ самомъ широкомъ размѣрѣ зависитъ отъ тѣлесныхъ явленій и свойствъ, извѣстно. Но какъ ни цѣнно знаніе этихъ зависимостей, мы все-таки не должны упускать изъ виду, что никогда нельзя понять изъ самихъ такихъ тѣлесныхъ явленій, что за ними должны слѣдовать такія-то субъективныя содержанія сознанія, напримѣръ, такая-то мысль, такое-то настроеніе; все это мы должны раньше узнать изъ нашего сознанія и тогда уже приблизительно познать въ опредѣленныхъ границахъ зависимость этихъ

явленій отъ жизни тѣла. Но эта признанная „зависимость“ далеко еще не означаетъ, что тѣло есть нѣчто первоначальное и изъ себя производитъ тѣ содержанія сознанія. Поэтому существуетъ неотложная задача изслѣдовать названныя содержанія или, какъ говорятъ, явленія сознанія, расчленить ихъ, установить на основаніи опыта все, что есть въ этой области, описать ихъ, сгруппировать и сдѣлать, разумѣется, расчлененіе такъ, чтобы при этомъ выступила впередъ внутренняя зависимость различенныхъ элементовъ и моментовъ.

Физіологическіе факторы сохраняютъ свое право, но бываютъ связи душевныхъ явленій, которыя ясны сами по себѣ и не даютъ основанія предполагать даже отдаленную сводимость къ физіологическимъ условіямъ или не требуютъ эксперимента въ психологической лабораторіи.

Если бы мы не переживали непосредственно принудительности въ умозаключеніи (т. е. принципа тожества), то не было бы вообще науки, и если бы мы не знали прямо, какъ чувство связывается съ представленіями или воспріятіями, или какъ желаніе принуждаетъ и толкаетъ совершить поступокъ, если бы мы не знали всего этого и безъ доказывающихъ экспериментовъ, то понятіе психологіи не могло бы совсѣмъ возникнуть [1]).

Перевела *Е. С. Хацкельсъ.*

---

[1]) Erk. Log. стр 242 и сл 303—306. Grundriss der Erk. und Log. стр. 63, 75. „Methoden der Rechtsphilosophie“ (Zeitschr fur vergleichende Rechtswissenschaft V, стр 222 и сл.).

К. Штумпфъ.

Явленія и психическія функціи.

Гносеологическая оцѣнка чувственныхъ явленій подвергалась въ новѣйшей философіи своеобразнымъ измѣненіямъ. Для раціоналистовъ до школы Вольфа чувственныя качества представляютъ нѣчто въ самомъ себѣ неясное, и потому недѣйствительное. Даже пространственную протяженность, которую Декартъ еще считаетъ яснымъ и отчетливымъ представленіемъ, Лейбницъ и—еще болѣе рѣшительно—Вольфъ понимаютъ, въ виду разностнаго порога, какъ спутанную перцепцію. Кантъ, напротивъ, въ явленіяхъ, оформленныхъ пространствомъ и временемъ, видитъ истинные предметы науки и признаетъ за ними эмпирическую реальность. Наконецъ, вліятельные современные мыслители, какъ Махъ, вообще уже не знаютъ другого бытія, кромѣ бытія явленій. Они и суть искомая дѣйствительность, единственные „элементы“ вселенной. Ни за, ни передъ, ни надъ ними нѣтъ ничего ни физическаго, ни психическаго, что не входило бы безъ остатка въ явленія. Атомы и энергіи математической физики—для нихъ лишь абстрактныя вспомогательныя конструкціи безъ всякаго реальнаго значенія. Такимъ образомъ реабилитируется въ сущности старый реализмъ, принимающій вещи, какъ онѣ являются, за дѣйствитель-

ныя, и послѣдняя мудрость ученія о познаніи совпадаетъ съ примитивной исходной точкой всякаго размышленія.

Разсматриваемый здѣсь основной вопросъ, въ которомъ коренятся всѣ дальнѣйшія разногласія, касается отношенія явленій къ психическимъ функціямъ. Онъ ведетъ въ область психологіи. Такъ какъ различные взгляды на этотъ вопросъ дѣлятъ также и психологовъ на разные лагери, то я хотѣлъ бы въ дальнѣйшемъ выяснить противоположность ихъ воззрѣній и обосновать, поскольку это возможно въ общемъ разборѣ, позицію функціональной психологіи сравнительно съ феноменалистической. Окончательное же выраженіе такія принципіальныя разногласія получаютъ развѣ лишь въ вѣковой борьбѣ за существованіе, благодаря плодотворности опредѣленныхъ воззрѣній для прогресса науки

I. Поясненіе терминовъ и точекъ зрѣнія.

Мы употребляемъ въ дальнѣйшемъ слово „явленія“ прежде всего, совершенно не касаясь проблемы реальности, лишь въ качествѣ общаго названія для слѣд.:

а) Для содержаній чувственныхъ ощущеній. Къ нимъ новѣйшая психологія справедливо относитъ также пространственную протяженность и распредѣленіе зрительныхъ и осязательныхъ впечатлѣній, такъ какъ количественная сторона этихъ содержаній ощущеній дана такимъ же образомъ, какъ и качественная. По большей части продолжительность во времени и послѣдовательность также разсматриваются, какъ чувственное содержаніе. Хотя относительно времени еще встрѣчаются затрудненія, все же мы отнесемъ ихъ здѣсь къ чувственнымъ содержаніямъ, въ виду того, что всѣ дальнѣйшія размышленія можно такимъ же образомъ примѣнить къ временнымъ свойствамъ, какъ и къ чув-

ственнымъ содержаніямъ [1]). Напротивъ, мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ называемый, моментъ удовольствія и неудовольствія, такъ какъ теоретическіе взгляды на чисто чувственную пріятность и непріятность еще слишкомъ сильно расходятся. Однако, я ничего не имѣю противъ того, если и ихъ тоже просто отнесутъ къ явленіямъ, не въ качествѣ аттрибутовъ, а какъ особый классъ.

в) Для одноименныхъ образовъ памяти, для „только представляемыхъ" цвѣтовъ, звуковъ и т. д. Не предрѣшая вопроса объ отношеніи этого класса къ первому, назовемъ ихъ явленіями *второго порядка* въ отличіе отъ первыхъ, какъ явленій перваго порядка.

Между явленіями существуютъ извѣстныя *отношенія*. Они даны вмѣстѣ съ каждой парой явленій и въ нихъ, не вкладываются нами, а воспринимаются въ нихъ. Они относятся къ матеріалу интеллектуальныхъ функцій, сами же не суть ни функціи, ни ихъ продукты.

Психическими функціями (актами, состояніями, переживаніями) мы называемъ „подмѣчиваніе" (Bemerken) явленій и ихъ отношеній, соединеніе явленій въ комплексы, образованіе понятій, акты пониманія и сужденія, движенія чувствъ, желаніе и хотѣніе. Мы не даемъ здѣсь исчерпывающей классификаціи, а ограничиваемся обзоромъ важнѣйшихъ примѣровъ. Отличая интеллектуальныя функціи отъ эмоціональныхъ, мы также придерживаемся этого стараго и удобнаго раз-

---

[1]) Пространственное и временное распредѣленіе чувственныхъ явленій ни въ какомъ случаѣ нельзя опредѣлить, какъ простыя отношенія. Различіе между правымъ и лѣвымъ, „теперь" и „прежде" для нашего сознанія является абсолютнымъ. Но на этихъ различіяхъ абсолютныхъ мѣстъ и временъ основаны отношенія такъ же какъ на различіяхъ высоты тона, свѣтлости цвѣта и другихъ абсолютныхъ свойствъ.

граниченія, не предрѣшая вопроса объ его окончательной точности.

Итакъ, „функція“ понимается здѣсь не въ смыслѣ слѣдствія какого-нибудь процесса, подобно тому, какъ о кровообращеніи говорятъ, что оно—функція движенія сердца, а въ смыслѣ дѣятельности самаго процесса или переживанія, въ такомъ смыслѣ, какъ самое сердечное сокращеніе обозначаютъ, какъ органическую функцію. Я подчеркиваю это потому, что иногда постановка вопроса, по буквальному смыслу словъ тожественная съ нашей, или сходная съ ней, понимается въ совершенно иномъ смыслѣ [1]).

На вопросъ, какимъ образомъ мы получаемъ знаніе о психическихъ функціяхъ, даются различные отвѣты. Для одного—только явленія даны непосредственно. Для другого—кромѣ нихъ, дано еще сознаніе вообще, которое можетъ еще стать само для себя предметомъ, но не находитъ въ себѣ никакихъ различій. Всѣ, якобы, различныя функціи опредѣляются или какъ различіе явленій, или же какъ безсознательныя функціи, которыя

[1]) Напр. въ статьѣ D. S. Miller „The Confusion of Funktion and Content in Mental Analysis“, Psychological Review II. 1895. Здѣсь отъ содержаній отличаютъ функціи въ смыслѣ слѣдствій вытекающихъ изъ наличности извѣстныхъ содержаній, слѣдствій, которыя, однако, сами выступаютъ наружу лишь въ измѣненіяхъ въ содержаніи или въ вліяніи на наше практическое поведеніе. Такъ напримѣръ понятія или сужденія существуютъ по мнѣнію автора, только въ такихъ вытекающихъ изъ конкретныхъ содержаній ощущеніи послѣдствіяхъ (what it does, стр. 540) Результатъ изслѣдованія приводитъ автора къ отрицанію функціи въ нашемъ смыслѣ, и именно потому, что все, что ей приписывается входитъ въ функцію въ его пониманіи Однако, уже изъ того обстоятельства, что онъ беретъ волю, какъ нѣчто данное для анализа сужденія, видно, что въ этомъ пунктѣ онъ во всякомъ случаѣ развилъ свою мысль очень слабо.

Противоположность, на которую напираетъ M. W. Calkins въ своей нѣмецкой статьѣ „Der doppelte Standpunkt in der Psychologie“

открываются намъ только въ явленіяхъ. Для третьяго—эмоціональныя функціи даны намъ непосредственно, интеллектуальныя же мы находимъ путемъ умозаключенія [1]). Для четвертаго—функціи обоихъ родовъ даны непосредственно.

Первую позицію занимаетъ вся ассоціаціонная психологія. И не только она одна. Утвержденіе, что все, что дано намъ въ психическомъ опытѣ, кромѣ чувственныхъ ощущеній, можно объяснить правилами ассоціаціи,—есть лишь особая форма общаго ученія, что все, что намъ доступно въ психическомъ опытѣ, это—явленія. Для явленій второго порядка могли бы существовать еще и другіе законы, кромѣ законовъ ассоціаціи. Большинство современныхъ физіологовъ и психіатровъ и многіе психологи экспериментальнаго направленія придерживаются этого чисто феноменалистическаго воззрѣнія относительно непосредственно даннаго.

Послѣднія три точки зрѣнія ведутъ къ функціональной психологіи, но первая изъ нихъ стоитъ очень близко къ чисто феноменалистической, такъ какъ объ

(1905) совпадаетъ, насколько я понимаю, не съ отмѣченной нами, а скорѣе съ той, которую имѣетъ въ виду Miller и другіе американцы. Это становится яснымъ въ особенности изъ ея позднѣйшей статьи „Structural and functional Psychology (Psych. Rev. XIII, стр 61 и слѣд.), гдѣ на стр 73 „function" опредѣляется по Dewey, какъ „part played with reference to reaching maintaining an end", и гдѣ функціональная психологія выставлена, какъ приложеніе современнаго, такъ называемаго, прагматизма въ философіи.

Аналогичное трактованіе мы находимъ у J. M. Bentley (Psychology of Organic Movements, American Journal of Psychology XVII, 1906, стр. 293 и слѣд.). Его статья помогаетъ ориентироваться въ особенности относительно постановки этихъ принципіальныхъ вопросовъ у американскихъ психологовъ

[1]) Напр., по ученію Юма; см. Treatise on human Nature, B. I. P. 1, Sect 2 (Есть русскій переводъ Церетели). На противоположной точкѣ зрѣнія врядъ ли стоялъ кто-либо изъ выдающихся мыслителей.

этомъ общемъ недифференцированномъ сознаніи почти ничего нельзя сказать. Только въ формѣ психологіи безсознательнаго можно съ этой точки зрѣнія еще допустить изслѣдованіе психическихъ функцій. Поэтому, когда мы въ дальнѣйшемъ говоримъ о феноменалистической и функціональной психологіи, то мы имѣемъ въ виду преимущественно обѣ крайнія точки зрѣнія, первую и четвертую, въ которыхъ это различіе выражено острѣе и точнѣе всего. Такъ какъ я намѣренъ защищать четвертую, то прежде всего сдѣлаю по поводу нея нѣсколько поясненій.

Непосредственно даннымъ мы называемъ то, что непосредственно очевидно, какъ фактъ. Не слѣдуетъ удивляться тому, что относительно непосредственно даннаго можно спорить: ибо существованіе какой-нибудь вещи можетъ быть внѣ всякаго сомнѣнія, а между тѣмъ описаніе ея ближайшихъ подробностей все-таки можетъ представлять затрудненія. Такъ обстоитъ дѣло также относительно непосредственно-очевидныхъ общихъ законовъ, логическихъ аксіомъ. Описаніе непосредственно даннаго съ исчерпывающей полнотой я считаю возможнымъ только тогда, когда сюда причисляютъ: 1) явленія, 2) функціи и, наконецъ, 3) отношенія между элементами каждаго изъ этихъ родовъ и между элементами разныхъ родовъ. Неполнымъ описаніемъ, несомнѣнно, будетъ, напр., такое, когда говорятъ, что „сужденіе“ всегда состоитъ въ простой наличности суммы явленій, правильно связанныхъ между собою или находящихся въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ. Когда мы хотимъ описать, что мы внутренно узнаемъ въ актѣ сужденія, то при простомъ перечисленіи явленій (также и явленій второго порядка) и ихъ взаимныхъ отношеній, всегда получается остатокъ, какъ бы полно мы ни старались это сдѣлать. Съ ариѳметическими остатками его, конечно, сравнить нельзя,

поскольку его нельзя получить отдѣльно отъ явленій. Мы находимъ, такимъ образомъ, тѣснѣйшимъ образомъ переплетенныя съ явленіями и соотносительныя съ ними функціи. И мы находимъ также специфическія и общія различія функцій: расчлененіе, соединеніе, утвержденіе и отрицаніе, желаніе и отклоненіе— суть качественныя различія въ психическомъ состояніи,—въ способѣ работы душевнаго организма.

Въ этомъ смыслѣ со времени Локка и Лейбница (не говоря уже о болѣе древнихъ мыслителяхъ) часто говорятъ о воспріятіи и наблюденіи психическихъ функцій. Въ новѣйшее время такой точки зрѣнія въ Германіи придерживались Зигвартъ, Лотце, Фр. Брентано и всѣ, исходившіе отъ него [1]); далѣе—Дильтей, Фолькельтъ, Б. Эрдманнъ, Т. Липпсъ [2]) рѣшительно стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Они не считаютъ для себя убѣдительнымъ возраженіе, что мы не можемъ видѣть нашего видѣнія, а, напротивъ, именно изъ этого обстоятельства дѣлаютъ выводъ, что о немъ мы узнаемъ путемъ иного направленія сознанія, чѣмъ о цвѣтахъ Они отрицаютъ, что сознаніе видѣнія сводится къ возникающимъ одновременно съ цвѣтовыми ощущеніями явленіямъ памяти, дающимъ намъ образъ органа зрѣнія и т. п. Еще менѣе возможными они считаютъ такія толкованія относительно сознанія процесса сужденія или хотѣнія. Они считаютъ, что схватываютъ душевную жизнь и дѣятельность въ самихъ себѣ, цвѣта же и звуки только какъ содержанія актовъ вос-

---

[1]) Наиболѣе энергично отстаивалъ и проводилъ въ послѣднее время Гуссерль въ своихъ „Логическихъ изслѣдованіяхъ“ (1900, 1901) ученіе о „переживаніи актовъ“. Ср. въ особенности томъ II. 359, 471.

[2]) Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ; прежде Липпсъ. насколько я понимаю его разсужденія, оспаривалъ сознаніе психическихъ функціи, какъ таковыхъ.

пріятія, т. е. особаго класса душевныхъ функцій. Содержаніе и актъ по этому ученію другъ съ другомъ связаны, какъ мы въ дальнѣйшемъ подробнѣе опишемъ, но не сводимы одно къ другому.

Многочисленные новѣйшіе психологи, признающіе различіе по существу между ощущеніями и только представленіями, также допускаютъ, въ этомъ пунктѣ по крайней мѣрѣ, данность функціональныхъ различій. Ибо такъ какъ воспринимаемый зрѣніемъ цвѣтъ отличается отъ только представленнаго не своимъ цвѣтовымъ тономъ, свѣтлостью, интенсивностью или какимъ-нибудь другимъ признакомъ, относящимся къ содержанію, то что же имѣютъ въ виду, когда говорятъ о различіи по существу, качественномъ или специфическомъ, какъ не функціональное различіе, различные способы психическаго отношенія къ одинаковымъ явленіямъ? А такъ какъ это различіе причисляется къ фактамъ сознанія, то въ этомъ пунктѣ принимаютъ, если я не ошибаюсь, функціональныя различія, какъ непосредственно данныя.

Необходимо подчеркнуть, что утвержденіе возможности воспріятія психическихъ функцій, какъ таковыхъ, не содержитъ въ себѣ необходимо отрицанія безсознательныхъ психическихъ функцій. Такъ, третья изъ приведенныхъ выше четырехъ точекъ зрѣнія допускаетъ, что интеллектуальныя функціи протекаютъ безсознательно. Но и четвертая не исключаетъ a priori, что бываютъ такія безсознательныя состоянія и дѣятельности, которыя во всемъ равны воспринимаемымъ психическимъ дѣятельностямъ, но лишены признака сознательности. Относительно этого пункта мы ограничимся этими краткими замѣчаніями.

Мы не касаемся здѣсь также волюнтаризма и вопроса „о чувствѣ дѣятельности“ и о понятіи „я“. Какъ бы мы ни отвѣчали на вопросъ, представляетъ ли

волевой актъ основную функцію, и какъ бы ни истолковывали многозначное чувство дѣятельности, здѣсь рѣчь идетъ только о сознаніи хотѣнія и дѣятельности, а этотъ послѣдній вопросъ не зависитъ отъ того, какую позицію мы занимаемъ по отношенію къ первымъ. То же самое относится и къ понятію „я“ Сознаніе психическихъ функцій не есть тѣмъ самымъ сознаніе субстанціи позади функцій. Функціональная психологія уживается съ воззрѣніемъ, что душа есть цѣлое изъ функцій и предрасположеній; при этомъ, конечно, тѣло тоже разсматривается лишь какъ цѣлое изъ физическихъ процессовъ, свойствъ, силъ, предрасположеній— независимо отъ взгляда на отношенія обоихъ комплексовъ другъ къ другу [1]). Если при этомъ полагаютъ что все же имѣютъ основаніе къ этому цѣлому психическихъ функцій и предрасположеній, которое мы называемъ душой, примыслить не данную намъ постоянную, или же разсматривать ее, какъ хотя данную, но въ отдѣльности незамѣчаемую часть этого цѣлаго, то все же она всегда лишь выводится путемъ умозаключенія, а не дана непосредственно въ указанномъ нами смыслѣ. Что непосредственно очевидно, какъ фактъ, должно быть доступно воспріятію [2]).

Съ проблемой свободы воли занимающій насъ вопросъ связанъ лишь постольку, поскольку феноменали-

---

[1]) Такъ называемая „теорія актуальности“ Вундта была совершенно опредѣленно выдвинута уже Лотце и Фехнеромъ Если идти дальше назадъ, то, конечно, нужно будетъ назвать Юма, который только вмѣсто „цѣлаго‘ ошибочно признавалъ чисто ассоціативное соединеніе. Этого воззрѣнія на душу и даже въ болѣе правильной и глубокой формѣ, чѣмъ Юмъ, придерживался, въ сущности, уже Лейбницъ.

[2]) Въ упомянутой выше статьѣ M Wh Calkins а функціональная психологія обозначается, какъ психологія „я‘, и при этомъ цитируется также и мое имя. Я считаю это недоразумѣніемъ, такъ какъ никогда не думалъ основывать психологію на сознаніи „я“.

стическая психологія можетъ понимать волевой актъ только детерминистически (ибо иначе она должна была бы искать свободу въ какихъ-нибудь безсознательно-психическихъ актахъ). Напротивъ, представитель функціональной психологіи не долженъ быть въ качествѣ такового вмѣстѣ съ тѣмъ детерминистомъ. Если самое существенное въ душевной жизни—функціи, явленія же—лишь ихъ матеріалъ, то все же функціи могутъ быть строго и законосообразно связаны съ явленіями, другъ съ другомъ и со своими внѣсознательными или внѣпсихическими условіями. Признаніе функцій, какъ факторовъ сознанія, означаетъ лишь признаніе нѣкотораго числа перемѣнныхъ, которыя помимо данныхъ въ самихъ явленіяхъ (качества, интенсивности и т. д.), необходимы для описанія непосредственнаго состава вещей и его измѣненій. Формулы, которыя эти перемѣнныя даютъ, могутъ быть весьма различны, а также могутъ вообще не поддаваться количественнымъ опредѣленіямъ. И все же положеніе, что при совершенно равныхъ условіяхъ должны наступить совершенно равныя послѣдствія, можетъ и тутъ имѣть силу; по крайней мѣрѣ, введенное понятіе психическихъ функцій само по себѣ не даетъ поводовъ для его отрицанія.

Прибавлю еще вкратцѣ, какъ я понимаю отношеніе непосредственно даннаго къ понятію реальности: не потому, что это могло бы имѣть положительное значеніе для дальнѣйшаго изложенія, а лишь для того, чтобы предупредить возможныя недоразумѣнія.

Совокупность непосредственно даннаго р е а л ь н а, ибо она есть то, изъ чего мы вообще получаемъ понятіе реальнаго, чтобы затѣмъ лишь перенести его на другое [1]). Явленія реальны, какъ содержанія, къ кото-

[1]) На это указываетъ, какъ мнѣ кажется, правильно Бенеке въ своей метафизикѣ Напротивъ, я считаю неубѣдительнымъ, когда изъ

рымъ относятся функціи, функціи реальны, какъ функціи, которыя выполняются въ явленіяхъ, отношенія— какъ отношенія между явленіями или между функціями и т. д. Мы не можемъ говорить о „явленіяхъ только“ въ такомъ смыслѣ, какъ если бы они были, безотносительно къ внѣшней дѣйствительности, совершеннымъ ничто. Явленія не принадлежатъ только къ той дѣйствительности, къ которой наивное мышленіе сначала ихъ относитъ, а именно, къ дѣйствительности, независимой отъ сознанія [1]).

Но явленія и функціи не только реальны, каждое въ своемъ родѣ и въ своемъ положеніи относительно другого, но и образуютъ между собою реальное единство, ибо они даны въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ и въ одномъ и томъ же неподдающемся опредѣленію сознаніи.

Мы хотимъ изслѣдовать, можно ли опредѣлить психическія функціи посредствомъ какихъ-либо предикатовъ изъ самого круга явленій и, наоборотъ, не является ли что-нибудь отъ психическихъ функцій имманентнымъ явленіямъ, или же связаннымъ съ ними необходимой логической связью, и, далѣе, не измѣняются ли отношенія и функціи, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ границахъ, независимо другъ отъ друга.

II. Непереносимость предикатовъ и логическая отдѣлимость.

Что функціи неразложимы безъ остатка на явленія, можетъ, какъ мнѣ кажется, служить для насъ предпосылкой, послѣ того, какъ всѣ попытки въ этомъ направленіи со времени Гоббса оказались почти чудо-

---

этого обстоятельства дѣлаютъ вмѣстѣ съ нимъ выводъ, что все реальное должно быть психическимъ.

[1]) Сравн. Husserl, Log. Unt II, заключительный параграфъ.

вищными натяжками. Такія попытки можно поставить рядомъ съ приготовленіемъ золота и исканіемъ perpetuum mobile и даже еще гораздо ниже. Каждый опытъ лишь вновь бросалъ свѣтъ на своеобразіе каждой области сравнительно съ другой. И даже тотъ, кто считаетъ, что функціи прямо не даны въ сознаніи, по крайней мѣрѣ, въ этомъ пунктѣ согласенъ съ представителями функціональной психологіи.

И это различіе—самое рѣзкое изъ всѣхъ, какія намъ извѣстны. Ни одинъ предикатъ міра явленій (развѣ только время) не относится къ психическимъ функціямъ. Даже интенсивностью они обладаютъ, во всякомъ случаѣ, не въ такомъ смыслѣ, какъ звуки, запахи. Мы различаемъ въ нихъ особаго рода признаки, какъ ясность воспріятій, очевидность сужденій, ступени общности понятій. Мы не должны на этомъ основаніи отрицать, что эмоціональныя функціи могутъ быть аналогичны силѣ чувственныхъ впечатлѣній, но мы должны также помнить, что здѣсь рѣчь идетъ именно объ аналогіи, а не объ интенсивности въ тожественномъ смыслѣ слова [1]).

Точно также между психическими функціями существуютъ своеобразныя отношенія самаго различнаго рода, отличающіяся отъ всѣхъ прочихъ видовъ отношеній между явленіями; напримѣръ, удивительное сплетеніе интеллектуальныхъ функцій съ эмоціональны-

[1]) Проблема интенсивности еще не вполнѣ разрѣшена также и для явленій въ особенности для зрительныхъ ощущеній. Если вмѣстѣ съ Бергсономъ (Время и свобода воли, 1889 гл I; русскій переводъ С. Гессена) и F Brentano (Die Lehre von der Empfindung, Bericht uber den 3 Internat. Kongress f Psychologie, Munchen Lehmann, 1897, стр. 110 и сл) не признавать различія интенсивностей ни за явленіями, ни за функціями, тогда конечно, вопросъ объ общихъ свойствахъ въ этомъ отношеніи вообще отпадаетъ. Но въ такомъ случаѣ, остается, конечно, также и одинъ различіемъ меньше

ми, или же внутри первыхъ—отношеніе сужденій къ понятіямъ, понятій къ воззрѣніямъ, внутри вторыхъ—отношеніе хотѣнія средствъ къ хотѣнію цѣлей, воленія вообще къ его мотивамъ и т. д.

И наоборотъ. никакой функціональный предикатъ не можетъ быть приписанъ явленіямъ. Когда я представляю себѣ красный цвѣтъ, фигуру, движеніе, то при этомъ я, правда, сознаю и актъ воспріятія и все актуально-психическое состояніе, но только в м ѣ с т ѣ съ цвѣтомъ, а не въ немъ. Онъ не есть признакъ явленія, подобно свѣтлости или протяженности.

Вообще понятіе психическихъ функцій не связано л о г и ч е с к и н е о б х о д и м о съ понятіемъ явленій. Тутъ нельзя найти никакой логической связи. Явленія безъ относящихся къ нимъ функцій, функціи безъ явленій мыслимы безъ противорѣчій (хотя функціи и немыслимы безъ содержанія вообще). Къ звуку съ логической необходимостью принадлежатъ только признаки высоты, силы и т. п., которыя нужны для полнаго описанія явленія. Признакъ воспринимаемости сюда не относится. Онъ не отличаетъ одинъ тонъ отъ другого. Онъ переходитъ за ощущеніе и входитъ въ совершенно иную сферу.

Утвержденіе Беркли, что протяженность мыслима лишь какъ воспринятая протяженность, представляетъ поэтому недоразумѣніе. Такимъ путемъ нельзя обосновать феноменализма. Противорѣчивымъ въ себѣ принципіально не является ни реализмъ физиковъ, ни даже наивный реализмъ [1]). Лишь косвеннымъ обра-

[1]) См. Brentano, „Psychologie“, стр 121 —J Bergmann, выставившій въ 1870 году въ своихъ „Grundlinien einer Theorie des Bewusstseins“ совершенно правильное положеніе, что сознаніе не содержится аналитически въ ощущеніи, какъ общее въ частномъ, а синтетически съ нимъ связано, все-таки въ 1886 году въ своихъ „Vorlesungen über Metaphysik“ твердо стоитъ на томъ, что допу-

зомъ, путемъ умозаключеній изъ подробностей явленій, можно доказать безплодность такихъ допущеній. Въ природѣ нашихъ представленій пространства и времени, несомнѣнно, имѣются для такихъ умозаключеній точки опоры, если не приведенныя Кантомъ, то другія и болѣе доказательныя. Но простой общій фактъ, что явленія извѣстны намъ только, какъ содержаніе ощущеній и представленій, самъ еще не ведетъ необходимо къ такому умозаключенію въ данномъ направленіи. Изъ этого слѣдуетъ развѣ только то, что явленія, которыя существовали бы объективно, независимо отъ всякаго сознанія [1]), все же должны были бы аналогичнымъ образомъ быть связаны съ какой-нибудь намъ, быть можетъ, неизвѣстной функціей x, какъ ощущаемые цвѣта—съ функціей ощущенія. Но это

щеніе объективнаго существованія цвѣтовъ логически противорѣчиво. Представляемость хотя и не относится, подобно интенсивности какъ внутреннее свойство къ цвѣту, но присуща ему какъ отношеніе, и отъ этого отношенія цвѣтъ такъ же неотдѣлимъ, какъ отъ внутренняго свойства интенсивности. Дальнѣйшее изложеніе направлено противъ этого положенія, которое раздѣляется также многими другими.

[1]) Выраженіе не должно насъ здѣсь смущать. Если придерживаться взгляда, что слово „явленіе" въ обычномъ словоупотребленіи уже содержитъ отношеніе къ сознанію, то мы должны указать на сдѣланное вначалѣ поясненіе, въ какомъ смыслѣ здѣсь нужно понимать это слово. Въ этомъ значеніи оно не содержитъ отношенія ни къ сущему, ни къ сознанію, не содержитъ никакой философской теоріи, а только выражаетъ вкратцѣ то, что менѣе удобно можно перечислить, какъ цвѣта, тона и т. д. Выраженія „содержанія ощущеній", „образы памяти", которыми мы обозначили объ главныя группы явленій, точно также представляютъ лишь аббревіатуры. Мы можемъ сказать вмѣсто этого „звуки (цвѣта) верхней и нижней зоны интенсивности, если мы въ этомъ находимъ самое существенное различіе между слышимыми и только представленными тонами. Что различіе лежитъ не въ функціи, а—по крайней мѣрѣ, первично—въ самомъ явленіи, кажется мнѣ безспорнымъ.

трансцендентное x не должно было бы быть непремѣнно психической функціей, родственной по характеру съ тѣмъ, что намъ изъ опыта извѣстно подъ этимъ именемъ.

Внутри самой области явленій мы имѣемъ случай, который съ успѣхомъ можетъ служить для поясненія. Цвѣтъ и протяженность, несомнѣнно, также образуютъ цѣлое, въ которомъ ихъ можно отдѣлить другъ отъ друга только при помощи абстракціи. Если бы кто-нибудь захотѣлъ сдѣлать изъ этого умозаключеніе: „слѣдовательно, протяженность не можетъ встрѣтиться безъ цвѣта“, то такое умозаключеніе было бы все-таки ошибочно. Дѣйствительно, чувство осязанія показываетъ намъ, что протяженность хотя и не встрѣчается безъ какого-нибудь качественнаго момента вообще, но можетъ быть и безъ цвѣта. И ничѣмъ нельзя доказать, что эта протяженность была бы протяженностью въ совершенно другомъ смыслѣ. Слѣпой отъ рожденія Саундерсонъ составилъ учебникъ геометріи. Какъ ни медленно слѣпорожденные по понятнымъ причинамъ переносятъ послѣ операціи спеціальныя пространственныя понятія и названія изъ осязательнаго пространства въ зрительное, такое перенесеніе все-таки возможно и происходитъ въ концѣ-концовъ, при чемъ природа относящихся сюда представленій не выдвигаетъ на пути въ какомъ-нибудь мѣстѣ непреодолимаго препятствія. Слѣдовательно, тутъ мы отнюдь не имѣемъ дѣла съ чѣмъ-то совершенно несравнимымъ. И, слѣдовательно, умозаключеніе, что протяженности, не связанной съ оптическими качествами, быть не можетъ, отнюдь не является логически необходимымъ

Совершенно аналогично дѣло обстоитъ, мнѣ кажется, съ умозаключеніемъ, что то, что мы соединяемъ въ словѣ „явленія“, не могло бы существовать, не бу-

дучи содержаніемъ психическихъ функцій. Я не хочу сказать, что отношеніе между явленіемъ и психической функціей тожественно съ отношеніемъ между протяженностью и цвѣтомъ. Напротивъ, оно, несомнѣнно, совершенно своеобразно. Но общимъ въ обоихъ отношеніяхъ является то, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ оба члена могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга только при помощи абстракціи. Такимъ образомъ, это воспринимаемое внутри явленія отношеніе можетъ служить для поясненія того, что въ такихъ случаяхъ можно и чего нельзя умозаключать. И какъ, несмотря на тѣсную связь между протяженностью и цвѣтомъ, безцвѣтная протяженность не заключаетъ въ себѣ логическаго противорѣчія, такъ понятіе явленій, которыя не суть содержанія психическихъ функцій, логически непротиворѣчиво.

Если Кантъ имѣлъ право утверждать, что бытіе не есть признакъ какого-либо понятія, то и здѣсь имѣетъ силу аналогичное положеніе: представляемость и мыслимость не образуютъ признака какого-нибудь явленія. Поэтому Спиноза правильнѣе смотрѣлъ на дѣло, чѣмъ Беркли, когда училъ, что каждый изъ обоихъ аттрибутовъ,—„протяженіе“ и „мышленіе“—„долженъ быть постигнутъ самъ черезъ себя“ [1]). Вмѣсто „протяженность и мышленіе“ мы говоримъ въ болѣе общей формѣ (но соотвѣтственно съ тенденціями у Спинозы, такъ же, какъ и у Декарта),—„явленіе и психическая функція“. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ пунктѣ ни Спиноза, ни позднѣйшіе философы, дѣйствительно, не преодолѣли дуализма Декарта. Данный намъ фактическій матеріалъ

[1]) Ethica I prop. 10; „Unumquodque unius substantiae attributum per se concipi debet“. Единую субстанцію мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ; она не является также и для Спинозы условіемъ для этого положенія, такъ какъ онъ вообще знаетъ только одну субстанцію.

уже въ корнѣ показываетъ двѣ стороны, и что бы мы ни говорили затѣмъ объ единствѣ субстанціи и реальности, о панпсихизмѣ, универсальномъ идеализмѣ, эту двойственность преодолѣть невозможно.

Можно даже прибавить еще слѣдующее: мы согласны допустить, что признакъ представляемости или мыслимости содержится въ каждомъ матеріалѣ мышленія. Но даже и въ этомъ случаѣ описанное нами различіе не исчезаетъ: признакъ содержался бы въ психическихъ функціяхъ такъ же, какъ и въ явленіяхъ, такъ какъ наше мышленіе направлено также на психическія функціи. Мы имѣли бы тогда, такъ сказать, въ правой и лѣвой части уравненія или въ числителѣ и знаменателѣ дроби одинъ и тотъ же множитель и могли бы для упрощенія разсужденій спокойно исключить его.

Этимъ мы ограничимся для поясненія и подкрѣпленія тезиса, что явленія и психическія функціи не связаны логически необходимо другъ съ другомъ. Насъ въ настоящій моментъ интересуетъ исключительно ихъ непротиворѣчивое разграниченіе. Мы не связываемъ съ этимъ какихъ-нибудь метафизическихъ утвержденій.

III. Взаимно-независимая измѣняемость.

Явленія и функціи въ извѣстныхъ предѣлахъ мѣняются независимо другъ отъ друга. Это значитъ, что при одинаковыхъ явленіяхъ могутъ имѣть мѣсто различныя функціи и при различныхъ явленіяхъ—одинаковыя функціи. Или иными словами: при измѣненіи функціональнаго состоянія не должны непремѣнно происходить какія-либо измѣненія въ индивидуальномъ явленіи. И наоборотъ, функціи могутъ не мѣняться, когда въ индивидуальномъ явленіи происходятъ какія-нибудь измѣненія. Я не утверждаю, конечно, что такое

независимое измѣненіе совершается во всѣхъ случаяхъ. Я только говорю, что это возможно, но отнюдь не утверждаю, что это всегда и необходимо происходитъ или хотя бы, что это происходитъ при обычныхъ сложныхъ обстоятельствахъ психической жизни. При этомъ также не необходимо, чтобы обѣ части этого положенія были обѣ вѣрны или обѣ невѣрны. Наконецъ, я защищаю ихъ не какъ вполнѣ доказуемыя положенія, а какъ тезисы или гипотезы, къ доказательству которыхъ, по моему мнѣнію, психологія приближается. Для ихъ провѣрки потребуется еще очень много тонкихъ изслѣдованій, частью экспериментальныхъ. Я попытаюсь въ дальнѣйшемъ изложить лишь то, что можно пока вкратцѣ выразить, и надѣюсь, что мнѣ удастся, по крайней мѣрѣ, точно намѣтить вопросы и проблемы.

Прежде всего нужно замѣтить, что точка зрѣнія, противоположная нашей, вовсе не была бы равносильна отрицанію психическихъ функцій, какъ содержаній сознанія вообще. Если бы, напримѣръ, расчлененіе или соединеніе данныхъ явленій было невозможно безъ какихъ-либо измѣненій въ явленіяхъ, которыя мы расчленяемъ или соединяемъ, или же даже только во всей области явленій, которыя даны въ настоящій моментъ, то изъ этого не слѣдовало бы еще, что въ этомъ неизбѣжномъ феноменальномъ измѣненіи и состоитъ само расчлененіе или соединеніе. Кто утверждаетъ, что онъ переживаетъ функцію, какъ таковую, можетъ сдѣлать въ этомъ случаѣ лишь тотъ выводъ, что ея наступленіе всегда и необходимо сопровождается опредѣленными измѣненіями явленій.

Наоборотъ, признаніе нашей точки зрѣнія въ послѣдующихъ вопросахъ влечетъ за собою также и признаніе психическихъ функцій, какъ фактовъ сознанія вообще.

1. Психическія функціи могутъ измѣняться безъ измѣненій въ явленіяхъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія важнѣйшія функціи, мы опять таки просимъ оставить въ сторонѣ вопросы классификаціи. При иной группировкѣ тѣ же вопросы снова возникаютъ въ другихъ мѣстахъ: ихъ смыслъ и отвѣты на нихъ не будутъ существенно отъ этого зависѣть.

Самой примитивной функціей я считаю воспріятіе или подмѣчиваніе (принятіе къ свѣдѣнію) [1]). Воспріятіе явленій перваго порядка, чувственное воспріятіе въ обычномъ смыслѣ мы называемъ также „ощущеніемъ"; воспріятіе явленій второго порядка— „представленіемъ". Простое представливаніе цвѣтовъ, тоновъ вѣдь также есть своего рода видѣніе или слышаніе, подмѣчиваніе всплывающихъ (иногда подъ вліяніемъ воли) явленій изъ этихъ группъ.

---

[1]) Прежде (Tonpsychologie) я вмѣстѣ съ Брентано считалъ, что всякое воспріятіе и подмѣчиваніе есть уже актъ сужденія, въ настоящее же время понимаю его, какъ предшествующую сужденію и лежащую въ основѣ его функцію, благодаря которой изъ всего нераздѣльнаго хаоса явленій выдѣляются части или отношенія Конечно, это обыкновенно сопровождается инстинктивнымъ полаганіемъ выдѣленнаго, позднѣе часто также сужденіемъ о существованіи части или отношенія, выраженнымъ въ понятіяхъ

При психофизическихъ опытахъ мы называемъ едва замѣтными минимальныя части или различія (сходства, градаціи или иныя отношенія, образующія рядъ ступеней), о существованіи которыхъ утверждаютъ на основаніи воспріятія Въ это понятіе, разумѣется, входитъ такимъ образомъ также понятіе процесса сужденія

Какъ извѣстно, выраженія „ощущеніе", „представленіе", „воспріятіе", употребляются не только для обозначенія актовъ, но и для воспринятыхъ (ощущаемыхъ или представляемыхъ) явленій Мы также не будемъ избѣгать этого удобнаго словоупотребленія тамъ, гдѣ ходъ мысли исключаетъ возможность недоразумѣній.

Во всякомъ чувственномъ воспріятіи происходитъ подмѣчиваніе частей въ цѣломъ, а также и отношеній между этими частями. Прежде всего мы обратимъ вниманіе только на подмѣчиваніе частей. Такъ какъ части подмѣчаются внутри цѣлаго, къ которому онѣ принадлежатъ, то всякое воспріятіе необходимо заключаетъ въ себѣ различіе воспринятой части явленій отъ невоспринятыхъ частей, какъ бы передняго плана отъ задняго. Объ остающемся на заднемъ планѣ мы говоримъ также, что оно „только ощущалось“ или перципировалось, отличая его этимъ отъ апперципированнаго. Здѣсь, слѣдовательно, прибавленіе слова „только“ существенно мѣняетъ значеніе выраженія „ощущалось“ Намъ придется, однако, еще спросить, можно ли считать это разграниченіе совершенно яснымъ.

Прежде всего нашъ тезисъ въ приложеніи къ чувственнымъ воспріятіямъ выражаетъ, что при переходѣ незамѣченнаго въ замѣченное не должно необходимо совершаться измѣненіе въ самомъ явленіи То, что измѣняется, имѣетъ преимущественно функціональный характеръ. Переходъ состоитъ, выражаясь образно, въ накопленіи сознанія по отношенію къ какой-либо части явленій.

Такъ напримѣръ, когда мы замѣчаемъ тонъ въ аккордѣ, то при этомъ не должно непремѣнно что-нибудь происходить въ аккордѣ, какъ явленіи. Музыкальный звукъ, который я воспринимаю сперва, какъ нерасчлененный, а затѣмъ какъ расчлененный, и точно также сначала цѣльное впечатлѣніе отъ какого-нибудь кушанья, въ которомъ я затѣмъ замѣчаю сладость и кислоту, или еще запахъ и тепловое качество или кожное ощущеніе, которое разлагается на ощущеніе давленія, холода и боли — они остаются тѣмъ, чѣмъ были. При этомъ не только объективныя раздраженія и физіологическіе процессы, но также и субъектив-

ныя явленія могутъ, какъ я полагаю, остаться [1]) неизмѣнными.

Въ большинствѣ сложныхъ случаевъ, когда мы говоримъ о чувственномъ впечатлѣніи, что теперь оно кажется намъ яснѣе, отчетливѣе, прозрачнѣе во всемъ своемъ составѣ, чѣмъ раньше, можно, понятно, указать множество измѣненій, по крайней мѣрѣ, въ ассоціированныхъ представленіяхъ, т. е. въ явленіяхъ второго порядка. Это бываетъ, напр., когда мы во второй или третій разъ видимъ картину, при чемъ все то, что мы прежде разсматривали въ отдѣльности, привходитъ, какъ представленіе, и то, что мы прежде уже представляли себѣ при этомъ, теперь воспроизводится такъ скоро и живо, что какъ будто срастается съ чувственнымъ воспріятіемъ. Быть можетъ, также блуждающій взоръ легче и быстрѣе скользитъ по картинѣ, съ болѣе короткими остановками, такъ какъ его задача стала болѣе легкой. Такимъ образомъ мускульныя ощущенія также модифицированы, сравнительно съ первымъ разомъ, по крайней мѣрѣ, въ временномъ отношеніи

Но не всѣ случаи безъ различія допускаютъ такія объясненія. Возьмемъ, напримѣръ, упомянутые выше. Присоединеніе словесныхъ представленій „кисло“, „сладко“ или „тонъ c, e, d“ не можетъ вѣдь служить

---

[1]) Сравн. Tonpsychologie I, 107 и замѣчанія A. Marty, Zeitschrift fur Psychologie III стр., 324 противъ В. Джемса, который говоритъ, что до акта различенія ощущеніе отличается строгой простотой; такимъ образомъ по Джемсу его разложеніе вызываетъ дѣйствительное превращеніе, своего рода транссубстанціацію содержанія ощущенія. Ср. далѣе подробное, согласное въ результатѣ со взглядами Marty и моими, разсмотрѣніе вопроса у Meinong'a, Zeitschrift fur Psychologie VI, 340 и слѣд., между тѣмъ какъ недавно Cornelius и Kruger опять выступили въ защиту взгляда Джемса. Относительно зрительныхъ воспріятій мнѣ вообще непонятенъ смыслъ утвержденія, что до наступленія актовъ различенія они совершенно просты.

здѣсь примѣромъ, такъ какъ оно, очевидно, есть лишь слѣдствіе уже произведеннаго анализа и, кромѣ того, не всегда присоединяется къ анализу. Точно также, когда, напримѣръ, при выходѣ изъ театра въ задумчивости, мы видѣли фонари освѣщенной улицы или слышали удары башенныхъ часовъ и только спустя нѣкоторое время обратили вниманіе на этотъ рядъ фонарей или на дальнѣйшіе удары, то мы должны признать, что и въ предыдущій моментъ мы уже получили впечатлѣнія такого же рода и съ такими же пространственными или временными промежутками, а иногда даже такой же интенсивности, какъ и воспринимаемыя теперь, но отсутствовало невыразимое единое нѣчто. Правда, съ помощью особыхъ искусственныхъ гипотезъ можно избѣжать такого толкованія, напримѣръ, если допустить, что при воспроизведеніи непосредственно передъ этимъ видѣннаго или слышаннаго съ цѣлью сравненія его съ настоящимъ, наступаетъ превращеніе или ассимиляція въ направленіи настоящаго. Однако, если подойти къ вопросу безъ предвзятаго мнѣнія, то такія гипотезы представятся маловѣроятными.

Если станутъ отрицать доказательность такихъ наблюденій на томъ основаніи, что здѣсь происходитъ не переходъ отъ совершенно незамѣченнаго къ воспринятому, а переходъ отъ низшей ступени воспріятія къ высшей, то мы спросимъ: почему же то, что здѣсь происходитъ, должно стать принципіально другимъ, когда мы увеличиваемъ разстояніе между обѣими ступенями? И въ какой точкѣ этого увеличенія наступитъ поворотъ?

Наблюденія только что описаннаго рода можно обозначить, какъ свидѣтельства, полученныя путемъ прямого сравненія. Ибо такъ обозначить можно не только сравненіе наличнаго съ наличнымъ (т. е. когда оба впечатлѣнія даны въ теченіе самаго акта сравненія), но-

и наличнаго съ бывшимъ до него или бывшее сейчасъ съ непосредственно ему предшествовавшимъ, но еще находящимся въ сознаніи: всякое, такъ называемое, послѣдовательное сравненіе предполагаетъ возможность сравненія сейчасъ бывшаго съ настоящимъ. Разумѣется, кто вообще отрицаетъ эту возможность, съ тѣмъ мы не найдемъ здѣсь общей почвы для спора.

Кромѣ свидѣтельства прямого сравненія, въ пользу нашего тезиса говорятъ, какъ мнѣ кажется, два аргумента.

Прежде всего невозможность или чрезвычайная трудность всякой описательной теоріи явленій при противоположной точкѣ зрѣнія. Если аккордъ *c-e-g* дѣйствительно представляетъ до тѣхъ поръ, пока слушатель не разложилъ его на составныя части, простое явленіе, то онъ долженъ быть простымъ тономъ, который не совпадаетъ ни съ *c*, ни съ *e*, ни съ *g*. Для него тогда вообще нельзя найти мѣста на линіи тоновъ отъ низкихъ до высокихъ. Мы получаемъ новыя измѣренія міра тоновъ вмѣсто того одного, который вообще достаточенъ для чисто феноменологическаго описанія области тоновъ. Это вызываетъ чрезвычайную путаницу. Объясненіе тембра изъ звуковой окраски становится иллюзорнымъ и т. д. То же относится и къ другимъ областямъ чувствъ, гдѣ встрѣчаются смѣшенія. Да вообще: какимъ образомъ можно дѣлить и характеризовать основные классы ощущеній съ феноменалистическихъ точекъ зрѣнія? Если мы назовемъ простое явленіе, которое существуетъ до всякаго различенія или возникаетъ благодаря первому различенію, качествомъ *x*, то дальнѣйшій анализъ, всякое, даже совершенно спонтанное, выступаніе отдѣльнаго явленія (температуры, свѣта по нашей терминологіи) будетъ вызывать превращеніе этого *x* въ новыя простыя качества; тогда было бы неправильно даже утверждать, что мы слышимъ тонъ, если

мы не воспринимаемъ его совершенно самостоятельно безъ всякихъ другихъ сопутствующихъ явленій (органическихъ ощущеній и т п), чего въ дѣйствительности никогда не бываетъ и не можетъ быть

Быть можетъ, намъ предложатъ называть ощущенія до анализа потенціальными запахами, цвѣтами и т. д., тоны трехзвучія—до анализа потенціальными *c*, *e*, *g*, и мотивировать тогда принятую классификацію ощущеній тѣмъ, что при ней помѣщаютъ потенціальныя ощущенія въ одномъ классѣ съ актуальными. Теорія могла бы еще согласиться съ такимъ различеніемъ и соединеніемъ въ одинъ классъ, если бы потенціальные запахи разсматривались, какъ запахи, потенціальное *c*, какъ *c*, т. е если качество признавалось бы однимъ и тѣмъ же. Но тогда положеніе вещей будетъ именно таково, какъ утверждаемъ мы, и только способъ выраженія затрудненъ рискованной аристотелевской терминологіей.

Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что существованіе промежуточныхъ ступеней между совсѣмъ незамѣченнымъ и совершенно отчетливо замѣченнымъ приводитъ къ нашему толкованію Если совершенно нерасчлененное трехзвучіе есть особое субъективно простое качество, между тѣмъ какъ отчетливо расчлененное обладаетъ тремя одновременными качествами, отличающимися отъ этого перваго, то какое же качество имѣетъ для моего ощущенія то же самое объективное трехзвучіе, когда мнѣ кажется, что всѣ три тона или же одинъ или два изъ нихъ я различаю неотчетливо? Въ чемъ тутъ разница, если не въ функціи подмѣчиванія? Если бы существовали лишь двѣ крайности, отчетливое схватываніе всѣхъ одновременныхъ тоновъ, которые вообще при самомъ напряженномъ вниманіи и упражненіи различимы при данныхъ объективныхъ обстоятельствахъ и, съ другой стороны, совершенно нерасчлененное схватываніе чувственнаго впечатлѣнія, то можно было бы

еще удовлетвориться теоріей качественныхъ превращеній Но промежуточныя ступени подмѣчиванія въ столь простыхъ явленіяхъ едва ли могутъ толковаться, какъ измѣненія явленій.

Вообще-то легко сказать, что мы дѣлаемъ ошибочное умозаключеніе или производимъ непозволительное „овеществленіе“, когда принимаемъ заранѣе существовавшимъ то, что мы позднѣе различаемъ Но если бы даже это, дѣйствительно, было только предположеніемъ, почему бы ему быть непозволительнымъ? Еще недавно и химиковъ обвиняли въ ошибочномъ умозаключеніи овеществленія въ виду того, что они вкладываютъ въ углекислоту оба вещества, которыя изъ нея затѣмъ получаютъ. Психологъ находится въ этомъ отношеніи въ болѣе выгодномъ положеніи, поскольку онъ можетъ сослаться также на свидѣтельство прямого сравненія. Но и химикъ долженъ отклонить напрасное обвиненіе въ неправильномъ образѣ мыслей. Можно защищать атомистическую гипотезу, или же можно пытаться провести противоположное ученіе о непрерывности или превращаемости, что для химическихъ процессовъ покамѣстъ было бы не легко,—во всякомъ случаѣ и психологъ, различающій перципированное отъ апперципированнаго, и атомистъ-химикъ имѣютъ право претендовать на то, чтобы на ихъ ученіе смотрѣли не какъ на продуктъ ребяческихъ и превратныхъ привычекъ мысли, а какъ на построенную съ полнымъ сознаніемъ правилъ научнаго изслѣдованія теорію, которая по тѣмъ же правиламъ должна подвергнуться провѣркѣ.

Итакъ, мы утверждаемъ, что различія и части въ явленіяхъ могутъ существовать также и въ томъ случаѣ, если мы ихъ въ данный моментъ не замѣчаемъ. Поэтому ничто, мнѣ кажется, принципіально не препятствуетъ намъ сдѣлать допущеніе, что существуютъ совершенно незамѣчаемыя части явленій, въ родѣ

„petites percepti0ns“ Лейбница или, напримѣръ, безсознательныхъ мѣстныхъ знаковъ по Гельмгольцу или темнаго и свѣтлаго элементовъ ощущенія тона по Маху или другихъ гипотетическихъ составныхъ частей (Спенсеръ, Тэнъ, Брентано). Фолькельтъ называетъ такія явленія, принятыя лишь ради теоріи, „вымышленными ощущеніями“. Если, однако, допущеніе такихъ частичныхъ содержаній слѣдуетъ съ логической необходимостью изъ характера воспринятыхъ явленій или, по крайней мѣрѣ, оказывается весьма полезнымъ для установленія законосообразностей и если, кромѣ того, можно показать, почему эти части могутъ или должны ускользнуть отъ нашего воспріятія, то это предположеніе, по крайней мѣрѣ, такъ же допустимо и обладаетъ такой же познавательной цѣнностью, какъ и допущеніе скрытыхъ массъ и движеній въ физикѣ Конечно, упомянутые критеріи должны здѣсь примѣняться не менѣе строго. Не поддающаяся прямому оправданію гипотеза должна принести съ собой значительное теоретическое упрощеніе или множество поддающихся провѣркѣ слѣдствій, или должна чѣмъ-нибудь другимъ способствовать успѣхамъ знанія. Именно этотъ пунктъ въ большинствѣ случаевъ оказывается весьма слабымъ [1])

Какъ количественныя и качественныя части, такъ въ явленіяхъ имѣются также аттрибутивныя части, прежде чѣмъ онѣ воспринимаются. Тонъ, какъ содержаніе явленія (я не говорю о звуковомъ раздраженіи), несомнѣнно, всегда имѣетъ опредѣленную высоту и опредѣленную силу, независимо отъ того, различаетъ ли сознаніе эти обѣ стороны. Онѣ вырастаютъ не вслѣдствіе акта воспріятія. Много лѣтъ тому на-

[1]) Ср интересныя разсужденія Мюнстерберга, Grundzüge der Psychologie, 1, 369 и слѣд., а также 312.

задъ я пытался доказать, что источникомъ такихъ различеній является наблюденіе множественной измѣняемости совершенно цѣльныхъ въ себѣ ощущеній [1]); позднѣе Мюнстербергъ, Корнеліусъ и Г. Э. Мюллеръ отстаивали аналогичныя мысли. Но этой гипотезой (я настаивалъ, что это только гипотеза) мы въ лучшемъ случаѣ показываемъ только, какъ мы доходимъ до образованія понятій высоты, силы и т. д., которыя мы затѣмъ, послѣ того, какъ мы ихъ образовали, употребляемъ для точнаго описанія отдѣльнаго явленія. Но мы не узнаемъ изъ нея, какимъ образомъ само явленіе тона получаетъ высоту и силу. Тонъ, за которымъ слѣдуютъ другіе, не надѣляется высотой и силой лишь въ дальнѣйшемъ, благодаря этимъ послѣдующимъ; онъ долженъ былъ обладать ими уже, такъ сказать, при жизни и въ своей изолированности. Возраженіе, что высота тона состоитъ вообще только въ его отношеніяхъ къ другимъ тонамъ, привело бы насъ къ нелѣпостямъ ученія объ относительности, которое я уже въ другомъ мѣстѣ достаточно охарактеризовалъ.

До сихъ поръ рѣчь шла о воспріятіи абсолютныхъ содержаній, о самихъ явленіяхъ. Но воспріятіе можетъ быть направлено также на отношенія. Въ этомъ случаѣ мы не говоримъ объ „ощущеніи“. Но функція, какъ таковая, остается той же, только при другомъ содержаніи. И какъ при воспріятіи частичнаго тона, этотъ частичный тонъ не входитъ въ явленія лишь черезъ воспріятіе, а уже былъ въ немъ, точно также и воспринимаемое отношеніе не можетъ возникнуть, а

---

[1]) Ueber den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung, 1873, стр. 135 и слѣд. Выраженіе „психологическія части“ мы замѣнили выше выраженіемъ „аттрибутивныя части“. Замѣчу при этомъ, что и привычкой къ гипостазированію я тогда воспользовался, для объясненія, изъ чего слѣдуетъ, что мнѣ не безызвѣстно „ошибочное умозаключеніе овеществленія“.

было уже имманентно явленіямъ. Быть можетъ, кто-нибудь склоненъ будетъ въ этомъ пунктѣ скорѣе согласиться съ тезисомъ или даже считать, что онъ самъ собою разумѣется. Но послѣдовательность требуетъ одинаковаго трактованія обоихъ случаевъ, и поэтому они должны другъ друга пояснять.

Лотце въ особенности рѣшительно настаиваетъ на томъ, что воспріятіе отношеній (онъ называетъ его соотносящимъ знаніемъ) не вызываетъ никакихъ измѣненій въ матеріалѣ Вѣдь ясно, что никакое сравненіе не имѣло бы смысла, если бы оно eo ipso вызывало измѣненіе въ томъ, что подвергается сравненію. Только способъ выраженія, будто сами отношенія „устанавливаются“ лишь путемъ сравненія (этимъ оборотомъ пользуются также позднѣйшіе психологи), кажется мнѣ опаснымъ. Отношенія не создаются, а только констатируются при помощи функцій такъ же, какъ и абсолютныя содержанія.

Съ этимъ разграниченіемъ отношеній, принадлежащихъ къ матеріалу мышленія, отъ „относящихъ актовъ“, которые суть акты мышленія, а именно, воспріятія отношеній, тѣснѣйшимъ образомъ связано также правильное пониманіе моего ученія о сліяніи тоновъ и консонансѣ. Почти всѣ возраженія противъ этого ученія основаны на смѣшеніи понятій „сліяніе“ и „отсутствіе акта различенія“. Но оба эти понятія въ дѣйствительности отнюдь не совпадаютъ, хотя при нѣкоторыхъ совершенно особыхъ условіяхъ одно можетъ служить признакомъ присутствія другого. Какъ и сходство, сліяніе въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю это слово, есть отношеніе, которое, независимо отъ всѣхъ интеллектуальныхъ функцій, имманентно самимъ явленіямъ тоновъ. Сліяніе относится къ сужденію, утверждающему единство, какъ сходство къ смѣшенію. Сходство двухъ предметовъ можетъ быть причиной того, что

ихъ другъ съ другомъ смѣшиваютъ. Можно поэтому при опредѣленныхъ условіяхъ (т. е. когда всѣ другія причины исключаются) пользоваться сужденіями смѣшенія въ качествѣ доказательства того, что сходство существуетъ. Однако, на этомъ основаніи все-таки нельзя опредѣлять сходство какъ смѣшеніе двухъ предметовъ. Два впечатлѣнія могутъ быть весьма сходны, и все же ихъ не будутъ смѣшивать—и наоборотъ. Точно такъ же обстоитъ дѣло съ сліяніемъ и сужденіемъ, утверждающимъ единство. Быть можетъ, я имѣю право надѣяться, что благодаря включенію въ данный общій ходъ мыслей, основной пунктъ этого ученія, на который я, впрочемъ, и раньше всегда указывалъ, получитъ болѣе яркое освѣщеніе.

Далѣе, основной функціей нашей интеллектуальной жизни со времени Платона многіе считаютъ соединеніе Дѣйствительно, при этомъ, какъ мнѣ кажется, происходитъ не только воспріятіе отношеній, а также не простое перенесеніе абстрактнаго понятія „цѣлаго“ на данные элементы: здѣсь присоединяется особаго рода функція. Нѣсколько различныхъ отдѣльныхъ содержаній, осязательныхъ впечатлѣній, линій, тоновъ могутъ быть соединены въ одно цѣлое, фигуру, ритмъ, мелодію.

И опять здѣсь возникаетъ вопросъ: измѣняются ли сами явленія какъ-нибудь вслѣдствіе такихъ соединеній? При этомъ нужно обратить вниманіе, что по нашему опредѣленію къ числу явленій принадлежитъ также пространственная величина и распредѣленіе, опредѣленный временной порядокъ и длительность, опредѣленная ритмизація (распредѣленіе силы), словомъ, все, что характеризуетъ фигуру, какъ таковую, или ритмъ, какъ таковой. Слѣдовательно, рѣчь идетъ не о соединеніи неупорядоченной въ себѣ суммы впечатлѣній; не въ этомъ будетъ состоять то, что мы

называемъ интеллектуальной связью. Все, названное нами, относится еще къ матеріалу. Вопросъ же заключается въ слѣдующемъ: могутъ ли тоны, которые слушатель уже находитъ въ опредѣленной послѣдовательности, опредѣленномъ темпѣ, опредѣленномъ отношеніи интенсивностей, все таки различнымъ образомъ мысленно связываться имъ; и если это происходитъ, то измѣняется ли въ матеріалѣ что-нибудь съ необходимостью или же, быть можетъ, прибавляется новый матеріалъ (напримѣръ, отъ мускульныхъ ощущеній)?

Мы видимъ, что вопросъ оказывается менѣе простымъ, чѣмъ это сначала кажется. Тутъ могутъ играть роль очень тонкія различія явленій. И все же вѣроятно, что при такомъ пониманіи вопроса одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ восприниматься однимъ индивидуумомъ какъ единое цѣлое, въ то время, какъ другой вообще не соединяетъ его въ одно цѣлое или же соединяетъ только отчасти, или въ иной группировкѣ (фразировкѣ), между тѣмъ какъ одинъ и тотъ же субъектъ можетъ соединять его то такъ, то иначе. Нельзя отрицать, что уже при одномъ представленіи о ритмѣ часто наступаютъ сопутствующія мускульныя реакціи, однако, онѣ врядъ ли очень существенны. То же самое можно сказать по поводу движенія глазъ при зрительныхъ впечатлѣніяхъ, когда изъ нѣкотораго числа совершенно правильно распредѣленныхъ точекъ составляются группы по четыре или шесть точекъ въ каждой. Какъ бы то ни было, послѣднее слово принадлежитъ здѣсь экспериментальной психологіи, а вѣдь она пока еще едва произнесла свое первое слово [1]).

[1]) Fr. Schumann подробно изслѣдовалъ вліяніе соединенія на геометрически-оптическіе обманы (Psych St. 1904. I часть 1-го вып.) Повидимому, оно играетъ роль также при воспріятіи обращенныхъ фигуръ (Inversions figuren). Путемъ тщательнаго изученія отдѣльныхъ областей чувствъ мы дойдемъ до законовъ соединенія, которые могутъ имѣть значеніе также для теоріи логическаго синтеза.

Какъ дальнѣйшую интеллектуальную функцію, мы можетъ разсматривать образованіе общихъ понятій. Какъ бы мы вообще ни смотрѣли на природу понятій — вопросъ этотъ все еще остается самымъ труднымъ изъ всѣхъ, касающихся психологіи умственной дѣятельности,—ясно одно, что они не могутъ быть сведены ни къ простой суммѣ, ни къ простому среднему изъ отдѣльныхъ представленій. А что касается ихъ возникновенія, то ясно, что оно происходитъ безъ траты и безъ производства единичныхъ представленій, а также безъ измѣненій въ ихъ содержаніи. При опредѣленныхъ условіяхъ возникаетъ понятіе (я говорю здѣсь пока о самыхъ простыхъ понятіяхъ, какъ цвѣтъ или равенство) сверхъ наличныхъ явленій и отношеній, которыя даютъ поводъ къ его возникновенію и какъ бы поддерживаютъ его, но не служатъ его составными частями. Или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ сказать: возникаетъ сужденіе, содержащее понятія. У ребенка можно считать первыя предложенія или первое слово со значеніемъ предложенія (но не перенесеніе уже слова съ одного предмета на другой) внѣшними знаками образованія понятій. Къ числу существенныхъ обстоятельствъ принадлежитъ въ особенности воспріятіе нѣкотораго числа специфически различныхъ, но по роду равныхъ явленій, а кромѣ того, особыя условія, которыя у нормальнаго ребенка осуществляются на второмъ или третьемъ году жизни, у животныхъ же, повидимому, вообще отсутствуютъ, но относительно которыхъ мы пока не можемъ ничего опредѣленнаго сказать. Къ явленіямъ, т. е. къ ощущеніямъ, такъ же, какъ и къ представленіямъ, понятія присоединяются какъ нѣкій плюсъ, который, однако, не будетъ новымъ элементомъ въ прежнемъ смыслѣ, благодаря которому данный матеріалъ какъ-нибудь увеличивался или уменьшался бы.

Мышленіе въ понятіяхъ оказывается также во всѣхъ своихъ операціяхъ (аналитическихъ, синтетическихъ и т. д.) гораздо болѣе независимымъ отъ явленій (images), чѣмъ принимала и долгое время учила насъ ассоціаціонная психологія. Даже, такъ называемая, внутренняя рѣчь не есть необходимая составная часть интеллектуальнаго процесса. При извѣстныхъ условіяхъ могутъ совершаться логическія операціи безъ какихъ-либо измѣненій въ явленіяхъ, включая сюда и представленія словъ. Быть можетъ, это лишь преходящіе моменты чрезвычайно сильной концентраціи—что они иногда наступаютъ,—въ этомъ новѣйшіе психологи и гносеологи (O. Liebmann, A. Riehl, W. James, B. Erdmann, Husserl и др.) врядъ ли ошибаются [1]).

Что касается процесса с у ж д е н і я, то, какъ бы его вообще ни характеризовали и какое бы мѣсто ему ни отводили, большинство признаетъ, что наступленіе этой функціи не должно быть необходимо связано съ измѣненіемъ матеріала, съ присоединеніемъ или отпаденіемъ представленій, и что относительно одного и того же матеріала можно, напримѣръ, въ одномъ случаѣ составить утвердительное сужденіе, въ другомъ—отрицательное, или въ одномъ случаѣ здраво разсуждать, въ другомъ — слѣпо вѣрить. Конечно, и относительно этого пункта также высказываются противоположныя мнѣнія. Очевидность иногда сводятъ на представленія, отрицаніе — на своеобразныя отношенія

---

[1]) И здѣсь экспериментальная психологія, которая, въ сущности, есть не что иное, какъ методъ систематически и при объективномъ контролѣ условій вызывать самонаблюденіе, также уже кое-что сдѣлала Ср A Binet, L'etude experimentale de l intelligence. 1903. C. O. Taylor, Ueber das Verstehen von Worten und Satzen (Ztschr. f. Psychol., XL, 225), а также и другія новѣйшія работы изъ школы Кюльпе, въ особенности N. Ach, Ueber die Willenstatigkeit und das Denken 1905.

въ самомъ матеріалѣ представленій. Или даже само сужденіе толкуютъ какъ ощущеніе иннервации при сгибаніи и разгибаніи (почему не какъ киваніе или качаніе головой?). Не всѣ попытки въ этомъ направленіи такъ очевидно нелѣпы, какъ послѣдняя. Но что при сужденіи наступаетъ существенно новое функціональное состояніе, — это едва ли можно отрицать [1]).

„Простые обманы сужденія“ въ области чувственныхъ воспріятій, къ которымъ относится большинство геометрически-оптическихъ обмановъ, а также извѣстные подъ именемъ узнаванія процессы подведенія понятій привели также экспериментальную психологію къ различенію случаевъ, въ которыхъ происходятъ дѣйствительныя измѣненія въ матеріалѣ явленій, отъ другихъ, въ которыхъ такія измѣненія не происходятъ. Впрочемъ, мы можемъ не касаться этого, такъ какъ рѣчь идетъ лишь о томъ, что возможны измѣненія функцій безъ измѣненій матеріала, а не о томъ, что они повсюду встрѣчаются.

Въ эмоціональныхъ функціяхъ, наконецъ, изслѣдо-

---

[1]) Эбинггаусъ находитъ („Grundzuge d. Psychol.“, I, стр. 183, есть русскій переводъ Г. А. Котляра), что отличительный признакъ сужденія состоитъ въ присоединеніи „очень абстрактнаго представленія о реальности или дѣйствительности, которое постепенно развивается, какъ необходимый осадокъ отъ извѣстныхъ наблюденій въ области ощущеній“. Придется ждать болѣе подробнаго изложенія во 2-омъ томѣ, чтобы понять, какъ это приложимо, напримѣръ, къ математическимъ знаніямъ. Нужно поставить Брентано въ большую заслугу, что, въ противоположность установившимся въ старой ассоціаціонной психологіи взглядамъ, онъ рѣшительно настаивалъ на различіи соединенія представленій, хотя и очень прочнаго, отъ сужденія. Но я считаю также его положительное воззрѣніе принципіально весьма убѣдительнымъ, и только въ подробномъ изложеніи его ученія о сужденіяхъ не вездѣ могу съ нимъ согласиться.

ваніе дало пока еще меньше результатовъ. Но и тутъ, повидимому, можно считать установленнымъ, что чувства и желанія допускаютъ, по крайней мѣрѣ, различіе положительныхъ и отрицательныхъ состояній радости и печали, исканія и избѣганія, при которомъ содержанія представленій не должны какъ-нибудь мѣняться (хотя обычно измѣненія, быть можетъ, и происходятъ). При наступленіи положительнаго или отрицательнаго аффекта нужно, разумѣется, искать различія въ обусловливающихъ моментахъ. Но они не должны непремѣнно состоять въ наличныхъ актуальныхъ содержаніяхъ ощущеній и представленій. Въ каждомъ изъ насъ имѣются расположенія къ положительнымъ и отрицательнымъ движеніямъ чувствъ, и вполнѣ мыслимо, что обстоятельство, которое тотчасъ же снова исчезаетъ изъ сознанія, если оно вообще находилось въ немъ, вызвало осуществленіе одной изъ этихъ тенденцій. При этомъ наглядный элементъ, къ которому чувство относится или который сопутствуетъ ему въ сознаніи, можетъ въ этомъ и не участвовать.

Можно стоять также на той точкѣ зрѣнія, что, кромѣ этихъ основныхъ противоположностей, многія различія между аффектами внутри обѣихъ группъ основаны главнымъ образомъ на измѣненіяхъ, лежащихъ въ основѣ ихъ интеллектуальныхъ функцій, т. е. опять-таки не явленій [1]) непремѣнно. При этомъ нужно еще замѣтить,

---

[1]) Въ статьѣ о движеніяхъ чувствъ (Zeitschr. f. Psychol., XXI, 1899) я указывалъ (стр. 56) на существованіе имманентнаго аффектамъ сужденія, какъ существенно важнаго для ихъ опредѣленія. Мы опасаемся чего-либо, наступленіе чего кажется намъ несомнѣннымъ, вѣроятнымъ или возможнымъ и т. д. Я не имѣлъ въ виду сказать этимъ нѣчто совершенно новое, а только хотѣлъ выступить въ защиту старой истины противъ новѣйшихъ, чисто сенсуалистическихъ взглядовъ. Мейнонгъ указываетъ на то (Archiv. f. d.

что все богатство оттѣнковъ въ этой области получается лишь благодаря участію органическихъ чувственныхъ ощущеній.

То же относится и къ волѣ. Значеніе чувственныхъ ощущеній, въ особенности мускульныхъ, и здѣсь также сильно преувеличивалось. Наступленіе, различія и измѣненія хотѣнія не связаны безусловно съ измѣненіями явленій перваго или даже второго порядка. При одинаковомъ по конкретнымъ наглядньмъ содержаніямъ составѣ сознанія можетъ, какъ мнѣ кажется, всегда наступить противоположное отношеніе, хотѣніе или отклоненіе (отрицательное хотѣніе). Этимъ мы еще не становимся на сторону индетерминистическаго пониманія воли. Ибо между явленіями и волевыми функціями лежатъ еще, по крайней мѣрѣ, интеллектуальные процессы и пассивныя движенія чувствъ. Индетерминизмъ означалъ бы, что при равенствѣ не однихъ только явленій перваго и второго порядка, но и интеллектуальныхъ состояній и общаго душевнаго настроенія, а, кромѣ того, также и всѣхъ относящихся сюда интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ предрасположеній, которыя, какъ таковыя, безсознательны, все еще возможны различныя рѣшенія воли. Споръ объ этомъ можно, какъ мы уже замѣтили на стр. 58 и сл., отдѣлить отъ обсужденія нашего принципіальнаго вопроса.

---

gesammte Psychologie, VI, 27), что онъ еще раньше высказывался въ томъ же смыслѣ о „чувствахъ сужденія“ (Urteilsgefühle) и что чувства оцѣнки онъ опредѣлилъ, какъ такія чувства сужденія (ограничивая экзистенціальными сужденіями). Но его изслѣдованія по теоріи цѣнности (1894) были мнѣ тогда еще неизвѣстны, иначе я охотно цитировалъ бы ихъ для подтвержденія моихъ взглядовъ, такъ какъ въ этихъ спорныхъ вопросахъ приходится дорожить даже частичнымъ совпаденіемъ

Объ „образованіяхъ“ психическихъ функцій.

Въ дополненіе къ вышеизложенному намъ придется обратиться еще къ разсмотрѣнію того, что я хотѣлъ бы въ психическихъ функціяхъ обозначить какъ „образованіе“. Всякая функція, за исключеніемъ основной функціи воспріятія, имѣетъ коррелатъ, общую природу котораго, какъ и природу самой функціи, можно пояснить только на примѣрахъ.

Лучше всего исходить здѣсь изъ того, что по Эренфельсу носитъ названіе „качествъ формы“. Подъ этимъ нужно понимать то, что отличаетъ мелодію, пространственную фигуру или какую-нибудь другую множественность явленій, воспринимаемую, какъ одно связное цѣлое, отъ множественности одинаковыхъ въ другихъ отношеніяхъ и одинаково распредѣленныхъ явленій, которыя, однако, не соединяются сознаніемъ въ одно цѣлое [1]). Гуссерль говоритъ въ такомъ же смыслѣ о

---

[1]) На недочеты въ ходѣ доказательства v. Ehrenfels'a (Vierteljahrsschrift f. wiss. Philosophie, 1890, стр. 249) указывали уже Meinong (Zeitschr. f Psychologie, II, стр 245 и слѣд. и Fr Schumann, тамъ же, XVII, 128, 135; XXIII, 28). А именно Эренфельсъ не имѣлъ права опираться главнымъ образомъ на то, что при различной абсолютной высотѣ тона мы все же говоримъ о мелодіи, какъ о той же самой Это можетъ обусловливаться одинаковыми тональными и ритмическими отношеніями и ассоціативно связанными съ ними представленіями и чувствами Въ самомъ пониманіи понятія и его приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ я также не могу вполнѣ согласиться съ Эренфельсомъ и Мейнонгомъ Тембръ и одновременное воспріятіе цвѣта и протяженности сюда не относятся, если мы хотимъ рѣзко отграничить понятіе качества формы. Рѣчь должна итти объ элементахъ, которые представляются сознанію какъ самостоятельные и отдѣленные другъ отъ друга, между тѣмъ, какъ оно все-таки соединяетъ ихъ въ одно цѣлое

Въ дальнѣйшемъ проведеніи этого понятія нужно въ особен-

моментахъ единства (Log. Unt. II, 230, 274). Можно, пожалуй, пользоваться также и старымъ выраженіемъ „формы“. Это, во всякомъ случаѣ, лучшес огласуется съ обычнымъ словоупотребленіемъ, чѣмъ это вообще бываетъ при различныхъ примѣненіяхъ термина „форма“ въ философіи.

Но бываютъ еще и такія соединенія, въ которыхъ отсутствуетъ всякая объективная принадлежность частей другъ къ другу, всякія связующія общія отношенія частей. Мы можемъ связать въ мысляхъ самое разнородное при помощи „*и*“. Поэтому я хотѣлъ бы, принимая во вниманіе также эти случаи, обозначить общимъ выраженіемъ „совокупности“ все то, что возникаетъ какъ специфическій результатъ соединенія[1]) въ сознаніи. Совокупность не есть ни сама объединяющая функція, ни соединенный матеріалъ. Это— необходимый коррелатъ объединяющей функціи. Тогда ф о р м ы (качества формы) будутъ спеціальные случаи совокупностей, въ которыхъ присоединяются еще объективно связующія отношенія членовъ.

Этотъ третій элементъ, помимо явленія и функціи, нужно различать также во всѣхъ другихъ интеллектуальныхъ функціяхъ. Напримѣръ, въ абстрактномъ

ности принять во вниманіе, что единая мелодія психологически для воспринимающаго лица сначала распадается на рядъ отдѣльныхъ качествъ формъ, которыя связываются въ одно цѣлое путемъ отвлеченнаго мышленія съ помощью воспроизведенныхъ фрагментовъ уже раньше слышанныхъ частей. Здѣсь возникаютъ весьма сложные процессы. Аналогично дѣло обстоитъ при воспріятіи сложныхъ пространственныхъ формъ.

[1]) Согласно съ Гуссерлемъ, II, 275. (См. также его Philosophie der Arithmetik, I, 76 и слѣд.). Понятіемъ „цѣлаго“ въ точномъ, раньше разсмотрѣнномъ имъ смыслѣ Гуссерль справедливо не желаетъ пользоваться въ примѣненіи къ простымъ совокупностямъ. Только въ болѣе широкомъ смыслѣ можно пользоваться этими обоими понятіями, какъ синонимами.

мышленіи. Пониманіе простѣйшихъ понятій есть функція, сами понятія—ихъ коррелатъ. Поэтому я однажды уже опредѣлилъ ихъ какъ образованія въ этомъ смыслѣ [1]). Выраженіе это, конечно, не даетъ никакого аналитическаго или генетическаго объясненія, но зато намѣчаетъ, что эта проблема имѣетъ аналоги, и что можно оказаться вынужденнымъ признать здѣсь такъ же, какъ и въ остальныхъ образованіяхъ, послѣдніе факты, координація которыхъ есть въ то же время единственно возможное „объясненіе“ [2]).

Что сужденію соотвѣтствуетъ специфическое содержаніе сужденія, которое нужно отличать отъ содержанія представленія (матеріи), и которое грамматически выражается придаточнымъ предложеніемъ, начинающимся съ союза „что“ (Dass-Satz), или отглагольнымъ существительнымъ,—это ясно высказалъ уже три десятилѣтія тому назадъ Брентано въ лекціяхъ по логикѣ. Еще раньше Бернардъ Больцано въ такомъ же смыслѣ говорилъ о „сужденіи въ себѣ“. Я употребляю для этого специфическаго содержанія сужденія выраженіе „положеніе вещей“ (Sachverhalt) [3]).

---

[1]) Sitzungsberichte der phil. hist. Klasse von 27 Mai 1902 (замѣтка).

[2]) Впрочемъ, здѣсь идетъ рѣчь только о возникновеніи простѣйшихъ понятій. Разнообразныя операціи надъ ними подходятъ подъ другія функціональныя точки зрѣнія (анализъ, синтезъ, сужденіе и т. д.). Мы не говоримъ также, что мы когда-либо находимъ въ сознаніи понятія внѣ всякой связи съ другими интеллектуальными функціями.

[3]) Еще въ 1888 г. въ литографированномъ руководствѣ по логикѣ для студентовъ. Мейнонгъ предлагаетъ въ своей книгѣ „Ueber Annahmen,“ Ztschr. f. Psychol. Ergänzungsband II, 1902, выраженіе „объективный“, тоже, по моему мнѣнію, пригодное, но все же болѣе характерное, какъ синонимъ „образованія“ вообще или еще болѣе пригодное для обозначенія того, что мы въ дальнѣйшемъ называемъ также „инваріантой“ образованій. Ибо хотя образованія и представляютъ содержанія психическихъ функцій, все же всѣ

То же самое мы находимъ въ эмоціональныхъ функціяхъ. Что мы называемъ цѣнностями или благами со всѣми ихъ классами и противоположностями (утѣшительное, желанное, страшное, пріятное и непріятное, средство и цѣль, предпочитаемое и отвергаемое), подходитъ подъ понятіе образованія. Это—специфическія содержанія чувствъ и воли, ихъ нужно отличать отъ самихъ функцій такъ же, какъ отъ явленій (и, далѣе, отъ предметовъ), къ которымъ они относятся.

Смѣшеніе образованій съ функціями представляетъ ошибку не менѣе важную по послѣдствіямъ, чѣмъ смѣшеніе ихъ съ явленіями (или предметами) Совокупность — не соединеніе, пучокъ — не связываніе,

---

они имѣютъ объективный характеръ, не содержатъ въ своемъ понятіи ничего отъ совершающагося въ данный моментъ индивидуальнаго акта Въ такомъ же общемъ смыслѣ высказывается уже Гуссерль (II, 618) объ „объективностяхъ“ различныхъ актовъ сознанія

Что касается самихъ „допущеній“, то я уже потому затрудняюсь поставить ихъ вмѣстѣ съ Мейнонгомъ, какъ особый классъ, рядомъ съ сужденіями, что въ другихъ случаяхъ особому классу функцій всюду соотвѣтствуетъ особый классъ образованій, что въ данномъ случаѣ не имѣетъ мѣста

Дѣйствительно соображенія, которыя противъ этого приводитъ Marty (Ztschr f. Psychol., томъ 40, стр. 1 и слѣд.), а въ особенности логическія трудности на стр. 7 и слѣд., не потеряли, какъ мнѣ кажется, силу и послѣ отвѣта Мейнонга (тамъ же, томъ 41, стр. 1 и слѣд.) Вѣдь рѣчь идетъ здѣсь не о специальной системѣ логики, а только о самыхъ общихъ необходимѣйшихъ условіяхъ логическаго соглашенія.

Находятся ли допущенія въ отношеніи субординаціи или координаціи къ сужденіямъ—представляетъ основную и существенную разницу для яснаго пониманія оба отношенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ существовать одновременно. Въ крайнемъ случаѣ вопросъ, которое изъ нихъ имѣется на лицо, можно оставить открытымъ. Это и дѣлаетъ въ послѣднее время Мейнонгъ, когда онъ предоставляетъ („Ueber die Erfahrungsgrundlagen unseres Wissens“ 1906, стр. 60, примѣч.) тѣмъ, кто предпочитаетъ субсуммировать допущенія подъ сужденія, называть ихъ „сужденіями фантазіи“.

Впрочемъ, я не хочу утверждать, что положительное толкованіе

субстанціональность и причинность—не функціи мышленія. Въ этомъ приходится особенно возражать неокритицистамъ независимо отъ того, правы ли они или не правы въ исторической интерпретаціи Кантовскихъ „формъ мышленія“ въ духѣ Канта.

Не вдаваясь далѣе въ разсмотрѣніе гносеологическаго значенія образованій [1]), мы отсюда вернемся лишь вкратцѣ къ поставленному уже вопросу объ измѣненіи явленій черезъ функціи. Оказывается, что при этомъ, дѣйствительно, всегда что-то прибавляется. Но то, что прибавляется, само не есть явленіе, представляетъ содержаніе не въ первоначальномъ смыслѣ слова, а въ совершенно иномъ смыслѣ. Быть можетъ, эти замѣчанія послужатъ къ дальнѣйшему выясненію и разрѣшенію оставшихся сомнѣній.

Что прибавляется не содержаніе въ первоначальномъ смыслѣ,—это нужно въ особенности подчеркнуть въ объединяющихъ функціяхъ, чтобъ отграничить изложенное здѣсь ученіе отъ утвержденій „психической химіи“ и „творческаго синтеза“ Благодаря имъ, создается якобы новый матеріалъ: напримѣръ, изъ соединенія оптическихъ качествъ съ мускульными

всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые Мейнонгъ понимаетъ подъ словомъ „допущенія“, было бы легкой и уже вполнѣ удовлетворительно рѣшенной задачей И то, что онъ называетъ „чувствами фантазіи“, также, несомнѣнно, создаетъ въ ученіи о чувствахъ новое затрудненіе среди другихъ и безъ того достаточно многочисленныхъ

[1]) Въ статьѣ „Psychologie und Erkenntnisstheorie“ (Munchener Akademie, 1891) я уже упомянулъ на страницахъ 31 и 32, что въ этомъ пунктѣ находится ключъ къ важнѣйшей проблемѣ въ ученіи о происхожденіи понятій Такія понятія, какъ бытіе, необходимость и т. д. вовсе не происходятъ изъ внутренняго воспріятія, въ старомъ Локковскомъ смыслѣ, изъ сознанія функціи, а изъ сознанія опредѣленныхъ свойствъ образованій, такъ сказать, изъ внутренняго воспріятія. Объ этомъ подробно трактуетъ Husserl, Log. Unt. II, 611 и слѣд

ощущеніями или неизвѣстными намъ мѣстными знаками благодаря творческому синтезу должно возникнуть представленіе пространства. Это — процессъ, для котораго никогда и нигдѣ во всей области воспріятій и представленій нельзя найти примѣровъ. Если пользоваться сравненіями, то можно сказать: синтезъ заключаетъ извѣстныя цифры чувственнаго матеріала въ скобки, но скобка не есть опять таки цифра. Но даже и такое сравненіе было бы недостаточнымъ и опаснымъ, въ виду того, что скобка—все же еще всегда чувственное явленіе и даже того же (оптическаго) рода, хотя и съ другимъ значеніемъ. Здѣсь же, напротивъ, рѣчь идетъ о переходѣ за предѣлы области явленій вообще. Не въ скобкахъ вся суть, а въ ихъ значеніи, и поэтому въ концѣ-концовъ скобку можно объяснить синтезомъ, но не синтезъ—скобкой.

Можно было бы попытаться искать отсюда новаго рѣшенія вопроса о непосредственно данномъ. Можно было бы сказать: въ психическихъ функціяхъ, помимо явленій, намъ даны не сами функціи, а только образованія. Мы какъ бы замѣчаемъ, сколько разъ внутри повернулось колесо, но совершенно не замѣчаемъ самой работы машины. По крайней мѣрѣ, въ интеллектуальныхъ функціяхъ этотъ средній путь можетъ многимъ показаться заманчивымъ: въ чувствованіи же и хотѣніи легче признать существованіе сознанія функціи.

Но врядъ ли это привело бы насъ къ счастливому рѣшенію. Напримѣръ, какой смыслъ имѣетъ утвержденіе, что вмѣсто мышленія о величинѣ, движеніи или злости—непосредственно дано общее, обозначаемое этими выраженіями. Въ такомъ случаѣ, если я не ошибаюсь, оно должно было бы быть признано существующимъ въ себѣ, какъ и явленія, и мы должны были бы принять всѣ выводы стараго реализма понятій. Или что

это значитъ, что мы находимъ въ себѣ, какъ фактъ сознанія, какое-нибудь „положеніе вещей", напримѣръ, небытіе циклопа? Я могу находить въ себѣ и наблюдать только процессъ сужденія, имѣющаго своимъ содержаніемъ это небытіе, какъ въ предложеніи: „циклопы не существуютъ". Правда, мы можемъ абстрактно мыслить образованіе, хотя бы оно въ данный моментъ и не составляло содержанія соотвѣтственной функціи, напримѣръ, положеніе вещей, хотя бы въ данный моментъ и не было сужденія, содержаніе котораго оно составляетъ. Это видно изъ того, что мы понимаемъ смыслъ Dass-Satz'a, когда онъ произносится вполнѣ самостоятельно, несмотря на то, что такимъ образомъ оно передаетъ не утвержденіе, а только содержаніе возможнаго, вѣрнаго или ошибочнаго утвержденія. Но „положеніе вещей" не можетъ даваться непосредственно само по себѣ, независимо отъ какой-бы то ни было функціи и этимъ самымъ дѣлаться также реальнымъ. Оно будетъ реально только какъ содержаніе актуальнаго сужденія. Иначе какое угодно „положеніе вещей", также и завѣдомо ложное, даже нелѣпое, было бы не только истинно, но и реально. Такимъ образомъ функціи (а именно, лишь сознательныя, собственныя наличныя функціи)—суть непосредственно познаваемые факты, образованія же суть факты вообще лишь какъ содержанія функцій.

Иначе, на мой взглядъ, дѣло обстоитъ съ явленіями. Хотя и они даны намъ только вмѣстѣ съ функціями, но—способъ выраженія уже не дастъ болѣе повода къ недоразумѣніямъ—рядомъ съ ними, какъ одинъ изъ двухъ элементовъ, на который сознаніе направлено одновременно, хотя и различнымъ образомъ. Они даны намъ въ логической независимости отъ функцій, между тѣмъ какъ образованія даны намъ въ логической зависимости. Образованія не могутъ быть поняты безъ

функціи и наоборотъ. Здѣсь формула Спинозы „Unumquodque per se concipi debet“ не имѣла бы силы. Когда мы мыслимъ въ понятіяхъ образованіе, напримѣръ, положеніе вещей, когда произносимъ изолированный Dass-Satz, то мы необходимо должны также мыслить соотвѣтствующую функцію въ ея общемъ понятіи, въ данномъ случаѣ процессъ сужденія. Но при этомъ функція не обязана имѣть мѣсто въ дѣйствительности и мы не обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ мыслить также индивидуальный актъ.

Можно, наконецъ, отсюда поставить дальнѣйшій вопросъ объ отношеніяхъ. Мы не причислили ихъ къ самимъ явленіямъ, но не причислили ихъ и къ функціямъ. Можно было бы попытаться подвести ихъ подъ понятіе образованія. Я не считаю этого возможнымъ. Но мы уклонились бы понапрасну въ сторону, если бы захотѣли здѣсь обосновать это [1]).

[1]) Наше изложеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ точки соприкосновенія съ многочисленными изслѣдованіями Мейнонга и его учениковъ по вопросу о комплексахъ, предметахъ высшаго порядка, идеальныхъ предметахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ они не соприкасаются. То же самое относится къ понятію „возврѣнія“ у Эббингауса. Мы видимъ изъ этого, какъ съ разныхъ сторонъ въ новѣйшей психологіи обнаруживается потребность отдѣлить отъ явленія нѣчто другое, что тоже представляетъ содержаніе сознанія. Ср. окончаніе этой статьи.

Для точности необходимо по поводу, такъ называемыхъ, образованій сдѣлать еще одно различеніе, которое мы не хотѣли бы совершенно обойти. Гуссерль справедливо указываетъ, что понятія „равносторонній треугольникъ“ и „равноугольный треугольникъ“ различны, а все же выражаютъ одно и то же. Онъ говоритъ поэтому о различномъ „значеніи“ при одномъ и томъ же „предметѣ“. Точно также сужденіе „$a > b$“ по сравненію съ „$b < a$“ имѣетъ другое значеніе, но выражаетъ то же отношеніе вещей (Log. Unt., II. 46 и слѣд.). Аналогично обстоитъ дѣло въ совокупностяхъ $a + b$ и $b + a$ представляютъ одну и ту же сумму, переложенная мелодія есть та же мелодія, и все же совокупности, разсматриваемыя какъ образованія, не тожественны. Почти то же можно, какъ мнѣ кажется, сказать по поводу

2. Перемѣны въ явленіяхъ возможны безъ измѣненія функцій.

Что въ полѣ зрѣнія могутъ произойти перемѣны, которыхъ мы, однако, не замѣчаемъ,—это, повидимому, повседневное наблюденіе Но противники отдѣленія явленій отъ функцій обыкновенно толкуютъ это въ томъ смыслѣ, что и явленія при этомъ дѣйствительно не мѣняются. Измѣняется только внѣшній процессъ и, пожалуй, еще процессъ въ периферическихъ нервахъ, но не центральный, съ которымъ ощущеніе (явленіе) связано. Когда человѣкъ, совершенно погруженный въ свои мысли, при открытыхъ глазахъ не замѣчаетъ постепеннаго наступленія темноты въ комнатѣ, то, по этому ученію, въ его индивидуальномъ зрительномъ образѣ, дѣйствительно, ничего не происходитъ. Только въ моментъ, когда онъ станетъ внимательнымъ, для него совершится внезапный переходъ изъ свѣта въ

цѣнностей (я отдаю преимущество a передъ b, отвергаю b сравнительно съ a). И все-таки нѣтъ надобности вводить ради этого совершенно новое понятіе сравнительно съ понятіемъ образованія, а нужно только отдѣлить существенное въ образованіи отъ несущественныхъ модификацій Несущественнымъ же мы называемъ при этомъ все что не представляетъ разницы для обычной дѣятельности мышленія (или въ цѣнностяхъ для дальнѣйшихъ чувствованій, актовъ воли, поступковъ). Здѣсь выступаетъ на сцену извѣстное въ логикѣ понятіе эквивалентности. Вѣдь изъ $a > b$ и $b < a$ можно сдѣлать одинъ и тотъ же выводъ Такимъ образомъ мы различаемъ отъ самого образованія также еще и существенное, инвариванту, которая выражается одинаково однимъ и другимъ предложеніемъ, но, конечно, не можетъ быть сама по себѣ выдѣлена и выражена.

Гносеологическое понятіе „предмета“, которое въ послѣднее время подверглось живому обсужденію потребовало бы особаго разсмотрѣнія. Предметомъ называютъ, какъ мнѣ кажется, все, что мыслится въ общемъ понятіи, или же что само есть таковое. Впрочемъ, въ данной послѣдовательности мыслей мы можемъ этого вопроса не касаться

темноту. Или, быть можетъ, лучше будетъ сказать: изъ ничего въ темноту. Ибо, такъ какъ онъ не обращалъ вниманія на зрительныя явленія, то по этому воззрѣнію они никакимъ образомъ не могли для него существовать. Такой выводъ, дѣйствительно, приходится сдѣлать, если быть послѣдовательнымъ.

Мы же, напротивъ, утверждаемъ слѣдующее: вполнѣ мыслимо, что въ этомъ случаѣ постепенно измѣняется также само чувственное явленіе (съ находящимся въ основаніи его центральнымъ нервнымъ процессомъ). Болѣе того, мы утверждаемъ, что даже при наибольшемъ и прямо обращенномъ на опредѣленное явленіе вниманіи, въ явленіяхъ могутъ совершаться измѣненія, которыя остаются незамѣченными: иными словами, бываютъ не только незамѣчаемыя, но и незамѣтныя измѣненія явленій. Что это возможно, явствуетъ уже изъ понятій, если разграничить ихъ такимъ образомъ, какъ мы считаемъ нужнымъ. Наше допущеніе не содержитъ тогда какихъ-либо логически противорѣчивыхъ элементовъ.

Конечно, многое здѣсь зависитъ отъ опредѣленій и отъ того, будемъ ли мы точно придерживаться ихъ смысла. Кого легко смутить словами, тотъ скоро согласится, что незамѣчаемыя явленія суть явленія, которыя не являются или же ощущенія, которыхъ мы не ощущаемъ и, слѣдовательно, противорѣчивыя понятія. Мы предложили бы ему оставить въ сторонѣ также слово „явленія“ и замѣнить его такими выраженіями, какъ „элементы“ (Махъ) или „матеріалъ мышленія“ [1]).

---

[1]) Путемъ простого разсужденія я старался доказать (Tonpsychologie, I, стр. 33, II стр 222), что, дѣйствительно, бываютъ незамѣтныя измѣненія явленій (или, какъ я тогда выразился, измѣненія ощущеній). Многіе съ моимъ доказательствомъ согласились, у нѣкоторыхъ же оно вызвало возраженія Въ немъ совершенно ошибочно усматривали смѣшеніе измѣненій раздраженія съ измѣненіями

Эта самостоятельная измѣняемость явленій относительно функцій заходитъ далѣе также въ область едва замѣтнаго. Прежде полагали, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, что всѣ едва замѣтныя различія ощущеній, конечно, равны между собой. Фехнеръ на этомъ основалъ свой законъ. Но и это отнюдь не само собою разумѣется. Брентано впервые указалъ на то, что едва воспринимаемыя различія могутъ какъ явленія, даже при равномѣрно-максимальномъ вниманіи, обладать различной величиной, Кюльпе пришелъ на основаніи опытовъ, поставленныхъ подъ его руководствомъ, къ заключенію, что такое расхожденіе въ различныхъ областяхъ чувствъ дѣйствительно существуетъ, а именно, что едва замѣтныя различія возрастаютъ при сравненіи свѣтлостей съ увеличеніемъ абсолютной свѣтлости, при сравненіи временъ—съ удлиненіемъ сравниваемыхъ временъ. Если экспериментальная основа этихъ остроумныхъ выводовъ изъ новѣйшихъ опытовъ и нуждается еще въ новой разработкѣ, то избранный путь нужно признать многообѣщающимъ. Тѣмъ же логическимъ путемъ я пришелъ на основаніи наблюденій къ убѣжденію, что едва замѣтныя различія уменьшаются съ возрастаніемъ высоты тона (слѣдовательно, увеличиваются вмѣстѣ съ увеличеніемъ длины волнъ). Такимъ образомъ послѣднія, поддающіяся еще прямому наблюденію, минимальныя различія могутъ косвеннымъ путемъ стать до-

---

ощущеніи. Все же я готовъ согласиться, что этотъ тезисъ, за который затѣмъ заступился также G. E. Müller, (Ztschr f Psychol., X, стр. 79), снова требуетъ детальнаго разсмотрѣнія. Онъ совпадаетъ съ утвержденіемъ непрерывныхъ измѣненій ощущеній. Если допустить исключительно прерывистыя измѣненія ощущеній и это, уже само по себѣ чрезвычайно невѣроятное, допущеніе дополнить еще нѣкоторыми другими, тоже крайне невѣроятными гипотезами, то тогда можно избѣжать этого вывода. Но здѣсь достаточно будетъ подчеркнуть возможность, а не дѣйствительное или необходимое существованіе незамѣтныхъ измѣненій явленій.

ступными даже для количественныхъ сравненій; при этомъ рѣчь идетъ не о различіяхъ раздраженій, а о различіяхъ самихъ явленій.

Итакъ, не только о внѣшнихъ вещахъ и процессахъ можно сказать, что имъ присущи свойства и отношенія, которыхъ мы не замѣчаемъ болѣе даже при самомъ внимательномъ прямомъ наблюденіи и о которыхъ мы лишь умозаключаемъ съ большей или меньшей вѣроятностью на основаніи сложныхъ выводовъ: то же самое относится также къ непосредственно даннымъ явленіямъ. Наши собственныя содержанія ощущеній не поддаются прямому наблюденію до послѣднихъ тонкостей. Мы должны какъ бы во второй разъ разграничить вещь въ себѣ и явленія въ области самихъ явленій. Если отграниченіе дѣйствительныхъ явленій отъ явленій—явленій было бы безсмысленно, такъ какъ здѣсь передъ нами именно непосредственно данное, то это означаетъ только, что наше познаніе явленій адэкватно общей природѣ его предмета. Этимъ не сказано, что всѣ свойства, различія, отношенія внутри явленій замѣтны въ каждый данный моментъ, и что всѣ свойства, различія отношенія, которыя остаются незамѣченными, eo ipso не существуютъ. Такое расхожденіе явленій съ направленными на нихъ интеллектуальными функціями (включая сюда сужденія, основанныя на воспріятіи) не противорѣчитъ „очевидности внутренняго воспріятія“; во всякомъ случаѣ нужно это понятіе понимать такъ, чтобы можно было примирить съ нимъ такое расхожденіе. Послѣдовательная психологія чувствъ какъ будто требуетъ этого.

Явленія второго порядка, чистыя представленія также въ широкихъ границахъ ведутъ независимое существованіе, а именно, во всѣхъ случаяхъ, такъ называемой, механической памяти или обыкновенной ассоціаціи, когда представленія развертываются совершенно такъ

же, какъ впечатлѣнія внѣшнихъ событій, протекающія передъ нашими глазами независимо отъ насъ. Эти процессы чисто механической ассоціаціи и репродукціи подчинены,—какъ показываетъ изученіе памяти, начатое Эббингаусомъ и продолженное въ особенности Г. Э. Мюллеромъ и его школой—сложной внутренней закономѣрности, которая оказывается родственной законамъ физіологическихъ процессовъ [1]).

Особеннаго вниманія заслуживаютъ выводы, покамѣстъ, правда еще только болѣе или менѣе вѣроятные, относительно существованія ассоціаціи въ безсознательномъ. Представленія, которыя въ данный моментъ не находятся въ сознаніи, т. е. существуютъ лишь какъ явленія подъ порогомъ замѣтности или же лишь какъ совершенно внѣсознательные процессы, при извѣстныхъ условіяхъ, повидимому, образуютъ другъ съ другомъ ассоціаціи такимъ же образомъ, какъ и представленія въ обычномъ смыслѣ.

Что касается, наконецъ, области чувствъ и волевыхъ функцій, то и тутъ можно придерживаться взгляда, что измѣненія явленій въ установленномъ въ началѣ нашего изслѣдованія широкомъ смыслѣ, вклю-

[1]) Ср. формулы числовыхъ отношеній между запоминаемымъ и забываемымъ матеріаломъ, правильность въ скорости забыванія при опредѣленныхъ условіяхъ, такъ называемую, тенденцію къ персевераціи представленій, аналогію въ „установкѣ“ въ моторной области и въ области представленій (Laura Steffens, Ztschr. f. Psychol. XXIII, стр. 241 и слѣд.). задержки, обусловленныя одинаковыми элементами заучиваемаго матеріала (Ranschburg), наблюденія надъ описками и оговорками и многія другія.

Очень общимъ и всегда поражающимъ наблюденіемъ при опытахъ надъ памятью является противорѣчіе между субъективнымъ чувствомъ правильности и объективной вѣрностью результата, въ которомъ самостоятельное развертываніе явленій второго порядка особенно ясно доходитъ до сознанія испытуемаго. „Часто рядъ протекаетъ такъ, какъ будто вы въ немъ никакого участія не принимаете, и вы весьма изумлены, когда впослѣдствіи слышите отъ

чая сюда и органическія ощущенія (visceral sensations), не проявляются необходимо и непосредственно какъ измѣненія эмоціональныхъ функцій. Если уже простое наблюденіе показываетъ, что симпатія и антипатія, хотѣніе и отклоненіе и твердая воля могутъ быть направлены неизмѣнно на опредѣленный предметъ, между тѣмъ какъ явленія, образующія наглядную основу въ сознаніи, а также и остальныя чувственныя ощущенія, которыя лежатъ въ основаніи чувствъ или присоединяются къ нимъ, значительно измѣняются, то точный анализъ врядъ ли принципіально опровергнетъ это наблюденіе, а скорѣе поможетъ точно выразить и объяснитъ его выходящими далеко за предѣлы явленій основами жизни нашихъ чувствъ. Въ общемъ, разумѣется, и здѣсь также вмѣстѣ съ измѣненіемъ ощущеній и представленій, мѣняется и само эмоціональное состояніе. Вопросъ только въ томъ, является ли эта параллельность измѣненій абсолютной и не допускающей исключеній, или же нѣтъ.

При рѣшеніи этого вопроса важно также выяснить, что мы относимъ къ понятію движенія чувствъ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, т. е. когда рѣчь идетъ объ описаніи общихъ состояній, обозначаемыхъ словами „унынie“, „гнѣвъ“ и т. д., движеніе чувствъ заключаетъ въ себѣ также наличныя органическія ощущенія [1])

руководителя опыта, что рядъ протекалъ совершенно правильно. Но нерѣдко происходитъ и обратное: вы съ удовольствіемъ думаете что вы сказали рядъ правильно, но потомъ, къ сожалѣнію, узнаете о той или другой сдѣланной ошибкѣ“ Эббингаусъ Основы психологіи Томъ I. Выпускъ 2-й. Переводъ Г. А. Котляра, стр 198

Изслѣдованія реакцій на „слова-раздражители“ также даютъ множество доказательствъ автоматизма памяти Отсюда возникла мысль посредствомъ такихъ рядовъ опытовъ открыть такія переживанія, которыя либо сами по себѣ ускользаютъ отъ произвольнаго воспоминанія испытуемаго, либо умышленно скрываются имъ.

[1]) См. „Ueber Gemutsbewegungen“, Ztschr. f. Psychol. XXI, стр 93 и слѣд.

Если мы будемъ придавать этому выраженію такой смыслъ, то нельзя будетъ настаивать на нашемъ тезисѣ. Но въ болѣе узкомъ смыслѣ, когда мы только имѣемъ въ виду дать опредѣленіе при помощи существенныхъ отличительныхъ признаковъ, извѣстное движеніе чувствъ отграничивается отъ другихъ движеній чувствъ наличностью опредѣленныхъ интеллектуальныхъ функцій [1]). Въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ движенія чувствъ, такъ же, какъ лежащія въ основѣ ихъ интеллектуальныя функціи и въ тѣхъ же границахъ, независимы отъ различія явленій.

Мы отвѣтили, кажется, на поставленные вопросы, поскольку это было возможно по современному состоянію психологическихъ изслѣдованій въ рамкахъ общаго обзора относящихся сюда данныхъ. Здѣсь въ особенности имѣетъ силу правило, что въ теченіе каждаго отдѣльнаго изслѣдованія слѣдуетъ безъ предвзятаго мнѣнія принять во вниманіе различныя возможныя точки зрѣнія и прослѣдить, какія слѣдствія вытекаютъ изъ нихъ для даннаго частнаго случая, чтобы такимъ образомъ провѣрить ихъ. Отдѣльныя изслѣдованія ставятся не для того, чтобы подтвердить уже заранѣе установившіяся убѣжденія. Кто чувствуетъ чрезвычайную трудность психологическихъ проблемъ и принимаетъ въ соображеніе тѣ многочисленныя измѣненія и уступки, которыя должна была сдѣлать не только старая ассоціаціонная и современная феноменалистическая психологія, но и психологія функціональная, ея ученія объ интенсивности, о внутреннемъ воспріятіи и т. д., тому не грозитъ опасность замѣнить сенсуалистиче-

[1]) Оно не состоитъ, конечно, въ самихъ этихъ интеллектуальныхъ функціяхъ, которыя образуютъ лишь необходимую основу, а вырастаетъ надъ ними, какъ своеобразная функція. Выраженіе „интеллектуализмъ“ поэтому совершенно не характеризуетъ этого воззрѣнія

скій догматизмъ функціоналистическимъ. Я считаю рѣшеннымъ только то, что для описанія непосредственно даннаго,—слѣдовательно, если отвлечься отъ всего того, что нужно мысленно прибавить, чтобы установить причинную связь,—одни явленія недостаточны даже при томъ условіи, если въ придачу къ нимъ мы примемъ еще и явленія второго порядка въ самомъ широкомъ объемѣ. Ученіе Джемса о „fringes", ученія болѣе молодыхъ психологовъ о „положеніяхъ сознанія" (Bewusstseinslagen), „сознательностяхъ" (Bewusstheiten) и т. п. основаны на томъ же убѣжденіи [1]). Могутъ сказать также, что здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе не на различія функцій, а лишь на разныя скрытыя полусознательныя трудноописуемыя явленія, явленія третьяго порядка. Объ этомъ пришлось бы спорить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для однихъ случаевъ это было бы вѣрно, для другихъ—невѣрно. Достаточно, если согласятся съ тѣмъ, что анализъ непосредственно данной психической жизни останется неполнымъ, если ограничиться элементами, которые мы привели вначалѣ какъ явленія, что то, что нужно прибавить, имѣетъ другой характеръ и что именно оно и составляетъ ядро психической жизни, явленія же вмѣстѣ со всякими сгибаніями и разгибаніями мышцъ—только скорлупу.

Намѣтимъ лишь нѣкоторые выводы. Для вопроса о локализаціи психическихъ функцій въ мозгу, разумѣется, далеко не безразлично, будутъ ли считать, что

---

[1]) То, что Джемсъ соединяетъ въ собирательномъ словѣ „fringes" при болѣе детальномъ разсмотрѣніи, быть можетъ, и сведется въ большинствѣ случаевъ прежде всего къ внутреннимъ моментамъ, а именно, къ отношеніямъ, которыя мыслятся въ неопредѣленной формѣ при нѣкоторыхъ выраженіяхъ и оборотахъ рѣчи Но абстрактное мышленіе, присоединяющееся здѣсь къ образному представливанію, приводитъ именно къ функціональному (ср. Marty, Ztschr. f. Psychol., III, 316 и слѣд. 327).

психическое безъ остатка сводится къ явленіямъ и ихъ соединеніямъ, или же что функціи со всѣми ихъ „образованіями“ составляютъ истинную сущность психической жизни. Для сторонниковъ функціональной теоріи возникаетъ вопросъ, не локализованы ли функціи въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ явленія, и не касается ли все, что до сихъ поръ доказано относительно специальныхъ очаговъ локализаціи въ мозгу—локализаціи явленій и ихъ ассоціацій [1]).

Въ другомъ направленіи получаются нѣкоторые выводы для классификаціи наукъ. Оказывается, что описаніе явленій, какъ таковыхъ, и изслѣдованіе законовъ ихъ структуры, съ точки зрѣнія теоретической не относятся ни къ задачамъ естествознанія, ни къ задачамъ психологіи въ узкомъ смыслѣ слова, а составляетъ особую область знанія. Такъ какъ развитіе этой мысли связано съ болѣе общими вопросами о правильномъ дѣленіи всей области науки, то я имѣю въ виду разсмотрѣть это въ особомъ докладѣ.

Перевела *П. О. Эфруси.*

---

[1]) См. направленныя въ эту сторону разсужденія Meumann'a (Archiv f d. gesammte Psychol. II, стр. 33—34)

Уильямъ Джемсъ.

Существуетъ ли „сознаніе“?

Здравый смыслъ всегда усмотритъ противоположность двухъ міровъ „мыслей“ и „вещей“ и противопоставитъ ихъ на практикѣ. Но, размышляя надъ этой противоположностью, философія уже въ прошломъ измѣнила смыслъ ея, и есть основанія думать, что она въ будущемъ не остановится на немъ. „Духъ и матерія“, „душа и тѣло“ представляли собою вначалѣ два ряда субстанцій, совершенно равноцѣнныхъ по достоинству и значенію. Но вотъ Кантъ подорвалъ душу и ввелъ трансцендентальное *я*, и съ тѣхъ поръ это двойственное отношеніе утратило равновѣсіе. Современные раціоналисты заполняютъ почти весь міръ цѣликомъ трансцендентальнымъ *я*, тогда какъ эмпиристы съ нимъ почти совсѣмъ не считаются. А по теоріямъ такихъ философовъ, какъ Шуппе, Ремке, Наторпъ, Мюнстербергъ—по крайней мѣрѣ, перваго періода,—Шубертъ, Зольдернъ и другихъ, духовное начало разсѣивается въ чисто призрачное состояніе, обозначая лишь ту простую истину, что содержаніе опыта познается. Оно утрачиваетъ форму личности и активности, перенося ихъ въ сферу содержанія, и становится голой Bewusstheit или Bewusstsein uberhaupt, поддающимся только относительнымъ опредѣленіямъ.

Я утверждаю, что разъ „сознаніе“ уже такъ значительно испарилось, то это значитъ, что оно скоро совершенно исчезнетъ. Оно не обозначаетъ какой-либо сущности и не принадлежитъ къ числу первыхъ принциповъ. Приверженцы его ловятъ эхо, глухой гулъ, развѣянный исчезающей „душой“ въ атмосферѣ философіи.

Въ прошломъ году я прочелъ цѣлый рядъ статей, авторы которыхъ были почти готовы отбросить понятіе сознанія [1]) и замѣнить его абсолютнымъ опытомъ, не обусловленнымъ двумя различными факторами. Но они остановились на пути, отрицанія ихъ не были достаточно смѣлы. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я усомнился въ существованіи сущности (entity), именуемой „сознаніемъ“; за послѣднія семь—восемь лѣтъ я старался склонить къ этому убѣжденію своихъ слушателей, предлагая имъ въ качествѣ прагматической величины, равноцѣнной сознанію, опытныя реальности. Мнѣ кажется, настало время всѣмъ открыто отречься отъ него.

Грубое отрицаніе существованія „сознанія“, при несомнѣнной наличности его—потому что нельзя отрицать существованія „мыслей“—можетъ показаться нѣкоторымъ изъ моихъ слушателей настолько безсмысленнымъ, что они не пожелаютъ вдаваться со мною въ изслѣдованіе этого вопроса. Въ виду этого я считаю нужнымъ тутъ же пояснить, что я намѣренъ только отрицать смыслъ этого слова, какъ сущности или субстанціи, но буду рѣзко настаивать на его значеніи въ качествѣ функціи. Я хочу сказать, что нѣтъ первоначальной матеріи или качества бытія, составляющаго наши мысли о вещахъ, въ противоположность самимъ этимъ вещамъ; но мысли исполняютъ извѣстную въ опытѣ функцію, и исполненіе это вызываетъ необходи-

---

[1]) Статьи Балдвина, Іорда, Бодена, Кинга, Александра и другихъ. Д-ръ Перри уже перешелъ черезъ Рубиконъ

мость такого качества бытія. Функція эта — познаваніе. Необходимость „сознанія“ вызвана потребностью объяснить фактъ, что вещи не только существуютъ, но еще и отмѣчаются и познаются. Если и изъять сознаніе изъ ряда первыхъ принциповъ, то все же необходимо оправдать дѣйствованіе этой функціи.

I.

Мое положеніе заключается въ томъ, что если допустить существованіе одного только первоначальнаго вещества или міровой матеріи, вещества, объемлющаго собою все, и если назвать это вещество „чистымъ опытомъ“, то легко объяснить познаваніе, какъ особый видъ взаимоотношенія, въ который входятъ различные элементы чистаго опыта. Само это отношеніе представляетъ собою часть чистаго опыта; одинъ „членъ“ его становится субъектомъ или носителемъ познанія, познающимъ [1]). Это утвержденіе потребуетъ не мало разъясненій. Для этого удобнѣе всего сопоставить его съ противоположнымъ воззрѣніемъ; и съ этой цѣлью мы разберемъ современное ученіе, по которому испареніе душевной субстанціи дошло до послѣдней черты, предшествующей ея полному исчезновенію. Нео-кантіанство изгнало всѣ старыя формы дуализма; если намъ удастся въ свою очередъ опровергнуть и его, то мы тѣмъ самымъ опровергнемъ всякій дуализмъ вообще.

Въ настоящее время, для философовъ, называемыхъ мною нео-кантіанцами, слово сознаніе только отмѣчаетъ фактъ неотъемлемаго дуализма структуры опыта. Это значитъ, что минимумъ возможнаго включаетъ въ себя не только субъекта, и не только объекта, а непремѣнно

---

[1]) Я пытался доказать въ своей „Психологіи“, что въ качествѣ познающаго намъ достаточно „промелькнувшей мысли“.

объекта плюсъ субъекта. Но необходимо замѣтить, что различіе между субъектомъ и объектомъ совершенно не похоже на различіе духа и матеріи, тѣла и души. Души отрывались отъ тѣла: судьбы ихъ были отличны отъ него; у нихъ была своя жизнь. Но ничего не можетъ случиться съ сознаніемъ, потому что, будучи само безвременно, оно является лишь свидѣтелемъ протекающихъ во времени событій, въ которыхъ оно само не играетъ никакой роли. Однимъ словомъ, оно представляетъ собою лишь логическій коррелатъ „содержанія“, опыта, своеобразіе котораго заключается въ томъ, что въ немъ фактъ выступаетъ на свѣтъ, что содержаніе осознается. Сознаніе, какъ таковое, совершенно безлично — „самость“ и проявленія ея относятся къ содержанію. Сказать, что у меня есть само-сознаніе, или что я сознаю себя, какъ волящее существо, значитъ всего лишь, что нѣкоторыя содержанія, именуемыя „самость“ и „усиліе воли“, протекаютъ при свидѣтелѣ.

Итакъ, эти запоздалые паломники кантіанскаго источника требуютъ допущенія сознанія, какъ „гносеологически“ необходимаго понятія, даже не взирая на отсутствіе непосредственной очевидности его. Но помимо этого, почти всѣ люди считаютъ, что у нихъ есть непосредственное сознаніе самого сознанія. Когда мы перестаемъ ощущать внѣшній міръ—только вспоминаемъ или представляемъ себѣ его, то кажется, что сознаніе выступаетъ наружу и мы чувствуемъ его, какъ неосязаемый внутренній потокъ, который, будучи познанъ въ этой формѣ опыта, можетъ быть также обнаруженъ и въ представленіяхъ внѣшняго міра. „Какъ только мы пытаемся остановить наше вниманіе на сознаніи, говоритъ одинъ современный мыслитель, и отчетливо опредѣлить, что оно собою представляетъ, оно немедленно исчезаетъ. Намъ кажется, что

мы стоимъ передъ пустотой. Когда мы пытаемся вникнуть въ ощущеніе синевы, то видимъ только самую синеву, тогда какъ другой элементъ какъ бы постепенно разсѣивается. Но если всмотрѣться повнимательнѣе, и быть увѣреннымъ въ томъ, что есть что искать, то его все же можно различить" [1]). „Сознаніе" (Bewusstheit), говоритъ другой философъ, „необъяснимо и почти что не поддается описанію, но сознательный опытъ отличается тѣмъ, что то, что мы называемъ его содержаніемъ, находится въ особомъ отношеніи съ центромъ, именуемымъ „*я*" (Selbst), исключительно благодаря которому содержаніе дано субъективно, то есть, представляется... Хотя сознаніе, то есть, извѣстное отношеніе къ „*я*", является, такимъ образомъ, единственнымъ пунктомъ различенія осознаннаго содержанія отъ иного вида бытія, возможнаго и безъ сознающаго его лица, оно все же не поддается болѣе подробному объясненію Существованіе сознанія, хотя оно и представляетъ собою основной психологическій и вполнѣ достовѣрный фактъ, можетъ быть обнаружено посредствомъ анализа, но не поддается опредѣленію и выводимо только изъ самого себя" [2]).

„Можетъ быть обнаружено посредствомъ анализа", говоритъ авторъ. Изъ этого слѣдуетъ, что сознаніе представляетъ собою нѣкій элементъ, моментъ, факторъ — зовите его, какъ хотите — опыта, внутренняя структура котораго по существу двойственна, такъ что если вы отвлечете содержаніе его, сознаніе все же останется раскрытымъ самому себѣ. При такомъ пониманіи строеніе опыта очень напоминаетъ составъ красокъ, которыми пишутъ живописцы. Составъ этотъ, какъ извѣстно, двойственный, такъ какъ онъ заклю-

[1]) G. E. Moore. Mind, томъ XII, стр. N. S. 450

[2]) Paul Natorp. Einleitung in die Psychologie, 1888, стр. 14, 112.

чаетъ въ себѣ растворитель [1]) (масло, клей и т. д) и растворенную въ немъ въ видѣ пигмента массу содержанія. Мы можемъ получить растворитель въ чистомъ видѣ, если извлечемъ осадокъ пигмента, а чистый пигментъ,—предварительно отдѣливъ клей или масло. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ физическимъ выдѣленіемъ; принято думать, что аналогичнымъ образомъ мы можемъ, посредствомъ умственнаго выдѣленія, разъединить факторы опыта—конечно, не окончательно разобщая ихъ, а различая настолько ясно, чтобы знать, что ихъ два.

II.

А я утверждаю какъ разъ обратное. Я убѣжденъ въ томъ, что опытъ не обладаетъ такой внутренней двойственностью, и дѣленіе его на сознаніе и содержаніе происходитъ не путемъ выдѣленія или вычитанія, а путемъ сложенія—путемъ прибавленія къ данному конкретному опыту цѣлаго ряда другихъ, въ связи съ которыми можетъ видоизмѣняться въ частности смыслъ или функція его. Краска также послужитъ здѣсь иллюстраціей. Выставленная въ магазинѣ красокъ, вмѣстѣ съ другими красками, она въ совокупности своей служитъ, какъ извѣстное количество товара. Между тѣмъ на полотнѣ, окруженная другими красками, она представляетъ собою штрихъ на картинѣ и исполняетъ духовную функцію. Я утверждаю, что подобнымъ же образомъ и единая часть опыта, взятая въ опредѣленномъ контекстѣ, играетъ роль познающаго, душевнаго состоянія, „сознанія“, тогда какъ въ другомъ контекстѣ

[1]) Выражаясь образно, можно опредѣлить сознаніе, какъ универсальный растворитель, заключающій въ себѣ въ скрытомъ или явномъ видѣ всевозможные роды психическихъ актовъ и фактовъ. Ladd. Psychology, Descriptive and Explanatory 1894, стр. 30

тотъ же единый отрѣзокъ опыта будетъ играть роль познанной вещи, объективнаго „содержанія“. Однимъ словомъ, въ одномъ сочетаніи онъ фигурируетъ, какъ мысль, въ другомъ,—какъ вещь. И такъ какъ онъ можетъ имѣть значеніе въ обоихъ сочетаніяхъ одновременно, то мы имѣемъ полное право считать его заразъ субъективнымъ и объективнымъ. Правда, что при такомъ истолкованіи все еще сохраняется дуализмъ, опредѣляемый двухстольными терминами, вродѣ „опытъ“, „феноменъ“, „данность“, „Vorfindung“—терминами, которые, по крайней мѣрѣ, въ философіи, все чаще и чаще замѣняютъ одностольные термины „мысль“ и „вещи“,—но я утверждаю, что этотъ очищенный дуализмъ перестаетъ быть таинственнымъ и неуловимымъ: онъ конкретизируется и поддается провѣркѣ. Онъ переходитъ въ область отношеній, усматривается извнѣ, а не изнутри даннаго частнаго опыта, и можетъ быть ограниченъ и опредѣленъ въ любой моментъ.

Первый клинъ для такого болѣе конкретнаго метода истолкованія дуализма былъ вбитъ Локкомъ, примѣнившимъ слово „идея“ безразлично къ вещи и мысли, и Беркли, указавшимъ, что здравый смыслъ подразумѣваетъ подъ реальностью совершенно то же, что философъ подъ идеями. Ни Локкъ, ни Беркли не выяснили своей мысли до конца, но мнѣ кажется, что заслуга защищаемой мной теоріи заключается только въ томъ, что она послѣдовательно развиваетъ „прагматическій“ методъ, впервые примѣненный ими.

Пусть читатель уяснитъ себѣ мою мысль на личномъ опытѣ. Пусть онъ начнетъ съ отвлеченнаго опыта надъ, такъ называемымъ, „представленіемъ“ какого-нибудь предмета, его настоящаго поля зрѣнія, комнаты, въ которой сидитъ, поставивъ въ центрѣ его книгу, которую онъ сейчасъ читаетъ; и пусть онъ пока разсмотритъ этотъ сложный объектъ съ точки зрѣнія наив-

наго реализма (common sense), какъ будто онъ и „въ дѣйствительности“ есть именно то, чѣмъ кажется, т. е. рядъ вещей, вырѣзанныхъ изъ окружающаго ихъ міра вещей, съ которыми онѣ находятся въ актуальномъ или потенціальномъ взаимоотношеніи Но мы утверждаемъ, что разумъ въ то же время воспринимаетъ эти же самыя вещи: и вся философія воспріятія со временъ Демокрита и до нашихъ дней представляетъ собою упорную борьбу надъ разрѣшеніемъ парадокса, по которому то, что кажется единой реальностью, въ дѣйствительности занимаетъ два мѣста: одно—во внѣшнемъ пространствѣ, а другое—въ умѣ воспринимающаго субъекта. „Репрезентативныя“ теоріи воспріятія избѣгаютъ этого логическаго парадокса, но за то онѣ производятъ насиліе надъ чувствомъ правды читателя, не отмѣчающаго промежуточнаго мысленнаго образа и усматривающаго комнату и книгу непосредственно въ ихъ физическомъ существованіи.

Въ сущности загадка, какъ можетъ одна и та же комната находиться въ двухъ мѣстахъ, сводится къ вопросу о томъ, какъ одна и та же точка можетъ находиться на двухъ линіяхъ. Вполнѣ можетъ, разъ она падаетъ на мѣсто ихъ пересѣченія; и подобно этому, разъ „чистый опытъ“ комнаты представляетъ собою мѣсто пересѣченія двухъ процессовъ, связывающихъ его, соотвѣтственно каждому случаю, съ различными группами явленій, то на немъ можно остановиться два раза, по поводу каждой группы, и свободно говорить о его существованіи въ двухъ областяхъ, хотя онъ неизмѣнно оставался бы количественно единичнымъ объектомъ.

Итакъ, опытъ представляетъ собою звено разнообразныхъ процессовъ, развивающихся вдали отъ него въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Та же самая вещь состоитъ въ такомъ множествѣ взаимоотношеній

съ остальнымъ опытомъ, что ее можно вкладывать въ диспаратныя системы ассоціацій и разсматривать ее подъ угломъ зрѣнія противоположныхъ контекстовъ. Въ одномъ случаѣ она будетъ вашимъ „полемъ сознанія“; въ другомъ,—„комнатой, въ которой вы находитесь“, при чемъ въ оба контекста она входитъ цѣликомъ, такъ что нельзя сказать, будто она принадлежитъ сознанію одной своей частью или одной стороной, а внѣшней реальности — другой. Но что же это за процессы, въ которые такимъ образомъ одновременно входитъ опытъ комнаты?

Одинъ изъ нихъ заключается въ личной біографіи читателя, другой—въ исторіи дома, въ которомъ находится комната. Представленіе, опытъ, однимъ словомъ, вотъ это (въ виду того, что пока мы не рѣшили, что это такое, приходится обозначать его, просто, какъ это) является послѣдней вѣхой цѣлаго ряда ощущеній, эмоцій, рѣшеній, движеній, классификацій, ожиданій и т. д., заканчивающихся въ настоящемъ, а со стороны читателя первымъ звеномъ цѣлаго ряда однородныхъ внутреннихъ процессовъ, простирающихся въ будущее. Съ другой стороны, то же самое это представляетъ собою terminus ad quem множества предшествующихъ физическихъ дѣйствій столяра, обойщика, маляра, процесса отопленія и terminus a quo множества будущихъ дѣйствій, которыя коснутся его въ теченіе хода ихъ развитія въ качествѣ комнаты, существующей въ физическомъ мірѣ. Любопытно, что физическіе и душевные процессы совершенно не совмѣстимы. Въ качествѣ комнаты, данный опытъ занималъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ въ теченіе тридцати лѣтъ. Въ качествѣ вашего поля сознанія онъ до сихъ поръ, можетъ быть, вовсе не существовалъ. Разсматривая его, какъ комнату, вниманіе еще откроетъ въ немъ множество новыхъ де-

талей. Въ ролп всего лишь вашего душевнаго состоянія, вниманіе едва ли уследитъ въ немъ много новыхъ чертъ. Необходимо землетрясеніе или толпа людей или, по крайней мѣрѣ, извѣстное количество времени, чтобы разрушить комнату. Достаточно закрыть глаза или перенестись воображеніемъ къ чему-нибудь другому, чтобы прекратить ваше субъективное состояніе Въ реальномъ мірѣ онъ можетъ погибнуть въ огнѣ Въ вашей душѣ,—вы можете безъ всякаго для него вреда окружать его мысленно огнемъ. Вы вынуждены платить столько-то помѣсячно, чтобы жить въ немъ какъ во внѣшнемъ предметѣ. Вы имѣете возможность занимать его, сколько хотите и безплатно, какъ внутреннее содержаніе. Однимъ словомъ, если вы послѣдуете за нимъ въ направленіи душевномъ, наряду съ событіями исключительно личной вашей жизни, то вы усмотрите много истиннаго и много ложнаго, обратнаго тому, что будетъ справедливо, если вы обратитесь съ нимъ, какъ съ дѣйствительно существующей вещью, извѣстной изъ опыта, если послѣдуете за нимъ въ направленіи физическомъ и свяжете съ другими факторами внѣшняго міра.

III.

Пока все чрезвычайно ясно, но мое положеніе, вѣроятно, покажется читателю менѣе убѣдительнымъ, когда я перейду отъ воспріятія къ понятіямъ или отъ вопроса о наглядно представимыхъ вещахъ къ вещамъ отдаленнымъ. Но все же мнѣ кажется, что и здѣсь приложимъ тотъ же законъ. Возьмемъ составы мыслей, воспоминанія, воображенія; первоначально они тоже—лишь отрѣзки чистаго опыта и, какъ таковые, единичные эти, дѣйствующіе въ одномъ контекстѣ какъ объекты, а въ другомъ—проявляющіеся какъ душевныя состоянія. Разсматривая ихъ въ первоначальномъ ихъ

значеніи, я намѣренъ игнорировать ихъ отношенія съ возможнымъ постижимымъ опытомъ, съ которымъ они могутъ быть связаны, къ которому они приводятъ, или въ которомъ завершаются, и который такимъ образомъ „представляютъ“. Такъ что, разсматривая ихъ сперва только такъ, мы ограничиваемъ нашу задачу исключительно міромъ мыслимымъ, а не непосредственно ощущаемымъ или видимымъ. И міръ этотъ, подобно міру воспріятій, сначала открывается намъ какъ хаосъ разнообразныхъ опытовъ, но скоро выступаютъ и путеводныя линіи. Мы находимъ, что любой отрѣзокъ его связанъ съ опредѣленными группами, подобно нашему опыту въ мірѣ воспріятій, что группы эти связаны съ нимъ многими звеньями [1]), и что одна изъ нихъ составляетъ исторію внутренней жизни какого-нибудь лица, а другая проявляется въ качествѣ безличнаго „объективнаго“ міра, пространственнаго или временного, или просто логическаго или математическаго, или, иначе, „идеальнаго“.

Первое возраженіе читателя противъ признанія наряду съ субъективностью и объективности этого невоспринимаемаго (non-perceptual) опыта, будетъ, вѣроятно, вызвано внѣдреніемъ въ его умъ в о с п р і я т і й, этой третьей группы спутниковъ не-воспринимаемаго опыта, который въ общемъ „символизируетъ“ (represent) ихъ, какъ мысли символизируютъ вещи. Эта важная функція не-воспринимаемаго опыта усложняетъ и затемняетъ вопросъ; дѣло въ томъ, что мы такъ привыкли видѣть въ воспріятіяхъ единственную подлинную реальность, что если мы не оставимъ ихъ пока въ сторонѣ, мы невольно склонны упустить объективность, заключенную въ не-воспринимаемомъ опытѣ самомъ

[1]) Конечно, здѣсь, какъ и всюду, отношенія п е р е ж и т ы, представляютъ собою члены первоначально хаотическаго состава невоспринимаемаго опыта, а каждая сторона ихъ—части его

по себѣ. Такъ какъ опытъ „познаетъ“ воспріятія, то мы утверждаемъ, что онъ въ корнѣ субъективенъ, состоитъ изъ одной матеріи, именуемой сознаніемъ, понимая подъ этимъ словомъ какую-то сущность, то-есть, придерживаясь воззрѣнія, противоположнаго моему [1]).

Итакъ, оставивъ воспріятія совершенно въ сторонѣ, я утверждаю, что любой не-воспринимаемый опытъ можетъ, подобно воспринимаемому опыту, быть разсмотрѣнъ съ двухъ сторонъ, проявляясь въ одномъ контекстѣ, какъ объектъ или поле объектовъ, въ другомъ,—какъ душевное состояніе; причемъ въ самомъ опытѣ не замѣчается никакого внутренняго устремленія къ сознанію или къ содержанію. Въ одной совокупности онъ представляетъ собою только сознаніе; въ другой—только содержаніе.

Я нахожу, что эта объективность не-воспринимаемаго опыта, этотъ полный параллелизмъ въ вопросѣ о реальности между непосредственно ощущаемымъ и мыслимымъ такъ прекрасно выведены въ „Grundzüge“ Мюнстерберга, что я позволю себѣ привести его слова: „Я могу только думать о своихъ объектахъ“, говоритъ Мюнстербергъ, „но они выступаютъ въ мысляхъ моихъ совершенно такъ же, какъ и воспринятые объекты, такъ что генезисъ постиженія ихъ совершенно безразличенъ. Книга, лежащая здѣсь на столѣ передо мною, и книга въ сосѣдней комнатѣ, о которой я думаю, для меня обѣ въ одинаковомъ смыслѣ данныя реальности, признаваемыя и отличаемыя мною. Если согласиться съ тѣмъ, что воспринятый объектъ не есть идея во мнѣ, что воспріятіе и вещь, какъ одно неразрывное

---

[1]) Я намѣренъ высказаться по поводу репрезентативной функціи не-воспринимаемаго опыта вообще въ другой статьѣ. Вопросъ этотъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко въ область общей теоріи познанія, и потому ему не мѣсто здѣсь

цѣлое, въ дѣйствительности переживаются тамъ, внѣ, то нѣтъ основанія думать, что объектъ, существующій только въ мысли, скрытъ внутри мыслящаго субъекта. Мыслимый мной объектъ, существованіе котораго я отмѣчаю, хоть онъ и не воздѣйствуетъ сейчасъ на мои органы чувствъ, все же занимаетъ опредѣленное мѣсто во внѣшнемъ мірѣ, совершенно такъ же, какъ и объектъ, „непосредственно видимый мной". „То, что справедливо относительно „здѣсь" и „тамъ", такъ же вѣрно относительно „теперь" и „тогда". Я знаю вещь, которую воспринимаю сейчасъ, но знаю также и вещь, бывшую вчера, а теперь уже исчезнувшую, но которую помню. Обѣ онѣ могутъ опредѣлять мое настоящее поведеніе, обѣ суть части отличаемой мною реальности. Правда, что у меня недостаетъ увѣренности относительно многаго прошлаго, такъ же какъ и настоящее не кажется мнѣ достовѣрнымъ, разъ я только смутно воспринимаю его. Но въ принципѣ промежутокъ времени не измѣняетъ моего отношенія къ объекту, не претворяетъ его изъ извѣстнаго объекта въ душевное состояніе.. Вещи, находящіяся вотъ въ этой созерцаемой мною комнатѣ, и тѣ, что я видѣлъ на далекой родинѣ, то, что происходитъ сейчасъ и что случилось въ давно-минувшемъ дѣтствѣ,—все это одинаково воздѣйствуетъ и вліяетъ на меня съ убѣдительностью, непосредственно переживаемой въ опытѣ. Все это составляетъ мой дѣйствительный міръ непосредственно, безъ предварительнаго ознакомленія и посредничества со стороны идей, иногда возникающихъ во мнѣ . Изъ этого внѣшняго по отношенію ко мнѣ характера моихъ воспоминаній и ожиданій вовсе не слѣдуетъ, что внѣшніе объекты, отмѣчаемые мною въ этихъ опытахъ, существуютъ непремѣнно и для другихъ. Объекты мечтателей и лицъ, подверженныхъ галлюцинаціи, совершенно не имѣютъ силы для всѣхъ. Но будь то кен-

тавры или золотыя горы,—они все же существовали бы „тамъ", въ мірѣ сказокъ, а не внутри насъ" [1]).

Несомнѣнно, что это—непосредственный, первоначальный, наивный или практическій способъ схватыванія міра мышленія. Не будь міра воспріятій, служащаго ему „редукціей" въ Тэновскомъ смыслѣ этого слова, въ силу того, что онъ „сильнѣе" и болѣе достовѣрно „внѣположенъ" (такъ что весь міръ мышленія кажется по сравненію съ нимъ слабымъ и внутреннимъ), міръ нашего мышленія былъ бы единственнымъ міромъ, и мы вѣрили бы въ его абсолютную реальность. Такъ бываетъ во снѣ и въ мечтахъ, пока воспріятія не прерываютъ ихъ.

И все-таки, подобно тому, какъ созерцаемая комната (вернемся къ нашему старому примѣру) есть т о ж е е щ е и поле сознанія, такъ же и мыслимая или запоминаемая комната есть т о ж е е щ е и душевное состояніе; и двуликость опыта въ обоихъ случаяхъ одинаково покоится на одинаковыхъ основаніяхъ. А именно, комната, о которой мы думаемъ, связана многими мысленными петлями со многими вещами, о которыхъ мы также думали. Нѣкоторыя изъ этихъ петель крѣпкія, другія—нѣтъ. Въ личной жизни читателя комната связана съ опредѣленнымъ днемъ — быть можетъ, онъ видѣлъ ее всего разъ, годъ тому назадъ. Но съ другой стороны, въ исторію дома она входитъ какъ постоянная составная часть. Нѣкоторыя петли, по выраженію Ройса, проявляютъ своеобразное упрямство, свойственное фактамъ; въ другихъ замѣчательна текучесть, свойственная воображенію, — онѣ приходятъ и уходятъ по нашему желанію. Разсматриваемая вмѣстѣ со всѣмъ домомъ, съ именемъ города, владѣльца ея, строителя, вмѣстѣ съ цѣнностью ея и устройствомъ,

[1]) „Grundzüge der Psychologie" т. I, стр. 48.

комната сохраняетъ опредѣленное положеніе, къ которому, какъ только мы попытаемся ослабить связующія ихъ петли, она стремится вернуться, чтобы утвердиться въ немъ съ новой силой [1]). Однимъ словомъ, комната сцѣплена съ этими своими спутниками и не выказываетъ никакой склонности сцѣпленія съ другими домами, городами, домовладѣльцами. Обѣ эти группы спаянныхъ съ нею и лишь слабо связанныхъ спутниковъ ея неизбѣжно противополагаются. Мы называемъ первую системой внѣшнихъ реальностей, посреди которыхъ существуетъ „дѣйствительная“ комната; другую мы обозначаемъ, какъ потокъ нашего внутренняго мышленія, въ которомъ она на минуту выплываетъ, какъ „мысленный образъ“ [2]). Итакъ, комната опять входитъ въ разсчетъ двояко. Она играетъ двѣ различныя роли, будучи и Gedanke и Gedachtes, связанными воедино мыслью объ объектѣ и объектомъ, и все это безо всякаго парадокса или тайны, подобно тому, какъ одна и та же вещь можетъ быть низка и высока мала и велика, худа и прекрасна, смотря по отношеніямъ ея къ противоположнымъ частямъ окружающаго міра.

Мы говоримъ, что опытъ, поскольку онъ „субъективенъ“, представляетъ, поскольку онъ „объективенъ“, онъ представленъ. Представляющее и представленное въ данномъ случаѣ количественно тождественны; но мы должны помнить, что въ опытѣ per se не

---

[1]) Ср A. L. Hodder. „The Adversaries of the Skeptic“ N. I., 1899 стр 94—99.

[2]) Я ограничиваю свое изложеніе ради простоты „внѣшней“ реальностью. Но существуетъ еще и система идеальной реальности, въ которой комната играетъ роль Отношенія сравненія, классификаціи, порядка, цѣнности тоже упрямы и назначаютъ комнатѣ опредѣленное мѣсто, не въ примѣръ расплывчатости ея положенія въ рапсодіи слѣдованія нашихъ мыслей.

заключено дуализма представимости и представленія. Въ чистомъ видѣ, или изолированномъ, онъ не расщепляется на сознаніе и на то, „что“ оно сознаетъ. Субъективность и объективность его—лишь функціональные его аттрибуты, осуществляющіеся лишь, когда опытъ „схватывается“, т. е. обсуждается двояко и разсматривается соотвѣтственно двумъ различнымъ контекстамъ, съ помощью новаго, ретроспективнаго опыта, заново и сполна укладывающаго въ своемъ содержаніи всю эту сложную комбинацію прошлаго.

Я называю „чистымъ“ опытомъ то, что во всякое время является непосредственной областью настоящаго. Въ немъ пока заключаются лишь виртуальныя или потенціальныя возможности стать субъектомъ или объектомъ. Пока что, онъ является простой неопредѣленной актуальностью или существованіемъ, простымъ это. Несомнѣнно, что въ этой наивной непосредственности опытъ обладаетъ значимостью (valid); онъ здѣсь, мы воздѣйствуемъ на него; и ретроспективное раздвоеніе его на душевное состояніе и реальность, подразумѣваемую ею, и представляетъ собою именно одно изъ „такихъ дѣйствій“. Душевное состояніе, сначала ретроспективно разсматриваемое исключительно, какъ таковое, будетъ исправлено или подтверждено, и ретроспективный опытъ, въ свою очередь, встрѣтитъ такое же отношеніе; а преходящій непосредственный опытъ всегда — „истина“ [1]), практическая истина, по существу своему нѣчто, поддающееся воздѣйствію. Если бы міръ тутъ же и погасъ бы, какъ свѣча, она все же осталась бы абсолютной и объективной истиной, потому что она была бы „послѣднимъ словомъ“, не подверглась бы критикѣ, и заклю-

[1]) Замѣчательна двусмысленность этого термина, употребляемаго иногда въ объективномъ, а иногда въ субъективномъ смыслѣ.

ченную въ ней мысль никто бы никогда не противоставилъ подразумѣвающейся подъ ней реальности [1]).

Мнѣ кажется, что я имѣю теперь право утверждать, что я выяснилъ свою основную мысль. Сознаніе указываетъ на извѣстнаго рода внѣшнее отношеніе, но не означаетъ особаго вещества или способа бытія. Своеобразіе нашихъ опытовъ, заключающееся въ томъ, что они не только существуютъ, но еще и познаются, не приходится объяснять якобы присущей имъ „сознательностью"; оно становится наиболѣе понятнымъ, если принять во вниманіе ихъ взаимоотношенія, — вѣдь сами эти отношенія опытнаго порядка.

IV.

Если бы я теперь приступилъ къ изслѣдованію вопроса о познаніи воспринимаемаго опыта съ помощью отвлеченнаго (conceptual), то оно вновь привело бы къ признанію внѣшнихъ отношеній. Одинъ опытъ представлялъ бы собою познающее лицо, другой—познаваемую реальность; и не вводя понятія „сознанія", я могъ бы прекрасно опредѣлить, къ чему на самомъ

---

[1]) Въ Psychological Review іюля этого года д-ръ R. B. Perry изложилъ свои взгляды на сознаніе, въ которомъ ближе всѣхъ другихъ извѣстныхъ мнѣ авторовъ подходитъ ко мнѣ. Д-ръ Перри считаетъ, что поле опыта, разъ оно представляетъ собой настоящее, является „фактомъ". Оно становится „мнѣніемъ" или „мыслью" лишь ретроспективно, когда новый опытъ, обдумывая тотъ же объектъ, измѣняетъ и исправляетъ его. Но поправка въ свою очередь исправляется, и, такимъ образомъ, опытъ цѣликомъ представляетъ собою процессъ, въ которомъ первоначально объективное постоянно становится субъективнымъ, становится нашимъ пониманіемъ объекта Я очень рекомендую прекрасную статью д-ра Перри своимъ читателямъ.

дѣлѣ и на практикѣ ведетъ познаваніе, а именно, оно приводитъ къ воспріятіямъ и заканчивается въ нихъ, проходя черезъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ опытовъ, поставляемыхъ міромъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой статьи, не мѣсто распространяться объ этомъ [1]). Я предпочитаю разсмотрѣть нѣсколько возраженій, которыя, несомнѣнно, будутъ выдвинуты противъ всей моей теоріи въ цѣломъ.

V.

Первымъ дѣломъ спросятъ: „Разъ опытъ не существуетъ „сознательно“, разъ онъ не заключается хотя бы отчасти въ „сознаніи“, то изъ чего же онъ собственно состоитъ? Намъ понятна матерія, понятна мысль, понятно содержаніе сознанія, но мы совершенно не знаемъ, что такое нейтральный и простой „чистый опытъ“. Скажите намъ прямо, *изъ чего* онъ состоитъ, потому что долженъ же онъ состоять изъ чего-нибудь, или откажитесь отъ него!“

Это требованіе легко удовлетворить. Хотя въ началѣ этой статьи я для большей ясности говорилъ о матеріи чистаго опыта, мнѣ теперь придется сказать, что такой *общей* матеріи, изъ которой состоитъ всякій опытъ, вовсе нѣтъ. Матерій существуетъ столько же, сколько „природъ“ испытуемыхъ вещей. Если вы спросите, изъ чего состоитъ любая часть чистаго опыта,— отвѣтъ будетъ гласить всегда одинаково: „Она состоитъ изъ *этого*, именно, изъ того, что явствуетъ изъ протяженности, энергіи, плоскости, коричневости, тяжести и такъ далѣе“. Здѣсь нечего добавлять къ ана-

[1]) Я отчасти изложилъ этотъ вопросъ въ Mind т. X, стр. 27, 1885, и въ Philosophical Review, т. II, стр. 105, 1895. См. также статью C. A. Strong'a въ Journal of Philosophy, Psychology and scientific Method. т. I, стр 253, 12 мая 1904 г. Я самъ надѣюсь скоро вернуться къ нему на столбцахъ этого журнала.

лизу Шадворта Годжсона. Опытъ есть не что иное, какъ собирательное имя для всѣхъ этихъ ощущаемыхъ природъ, и помимо времени и пространства (и, если хотите, „бытія“) нѣтъ такого универсальнаго элемента, изъ котораго состояло бы все.

VI.

Слѣдующее возраженіе болѣе серьезно и на первый взглядъ кажется совершенно неоспоримымъ.

„Разъ тотъ же чистый опытъ, взятый два раза, служитъ то мыслью, то вещью“,—гласитъ возраженіе,—„то отчего же въ обоихъ случаяхъ аттрибуты его такъ діаметрально противоположны? Какъ вещь, опытъ протяженъ; какъ мысль, онъ не занимаетъ ни пространства, ни мѣста; какъ вещь, онъ красенъ, твердъ, тяжелъ; но развѣ кто-нибудь когда-либо слышалъ о красной, твердой или тяжелой мысли? А вѣдь только что было сказано, что опытъ состоитъ именно изъ явленій, а являются именно такія качества. Какъ же можетъ быть, что, исполняя свою функцію вещи, опытъ состоитъ изъ нихъ, находитъ въ нихъ свои собственные аттрибуты, тогда какъ, исполняя функцію мысли, онъ отказывается отъ нихъ и опредѣляетъ имъ другое мѣсто? Въ этомъ заключено противорѣчіе, изъ котораго насъ можетъ вывести лишь радикальный дуализмъ мысли и вещи. Аттрибуты могутъ быть „интенціонально“ (по выраженію схоластиковъ) присущи мысли только въ томъ случаѣ, если она представляетъ собою видъ бытія; они могутъ быть конститутивно и энергетически присущи вещи, только если она представляетъ собою другой видъ его. Простой субъектъ не можетъ усвоить одни и тѣ же аттрибуты такъ, чтобы иногда опредѣляться ими, а иногда лишь касаться ихъ. какъ чего-то подразумѣваемаго, или извѣстнаго“.

Но чѣмъ больше вдумываешься въ предлагаемое этимъ противникомъ разрѣшеніе проблемы, тѣмъ, подобно многимъ другимъ теоріямъ наивнаго реализма, оно все меньше удовлетворяетъ. Начать съ того, что развѣ мысль и вещь дѣйствительно такъ разнородны, какъ обыкновенно принято думать?

Никто не отрицаетъ, что нѣкоторыя общія категоріи у нихъ есть. Ихъ отношенія ко времени тождественны. Кромѣ того, обѣ онѣ могутъ состоять изъ частей (психологи обыкновенно подраздѣляютъ мысли на части), и обѣ могутъ быть сложными или простыми. Обѣ представляютъ собою виды, ихъ можно одинаково сравнивать, складывать, вычитать, выстраивать въ опредѣленный рядъ. Многія прилагательныя, служащія для опредѣленія нашихъ мыслей, кажутся несовмѣстимыми съ сознаніемъ, которое вѣдь совершенно „призрачно“ (diaphanous). Напримѣръ, онѣ естественны и легки, или утомительны. Онѣ могутъ быть прекрасны, радостны, интенсивны, занимательны, умны, глупы, сосредоточены, разсѣяны, скучны, спутаны, неясны, точны, послѣдовательны, случайны, общи, индивидуальны и такъ далѣе. Помимо того, въ главахъ, посвященныхъ „воспріятію“, курсы психологіи приводятъ множество фактовъ, доказывающихъ коренную однородность мысли и вещи. Если бы „субъектъ“ и „объектъ“ были раздѣлены „цѣлымъ діаметромъ бытія“ и не имѣли бы общихъ аттрибутовъ, то отчего же было бы такъ трудно опредѣлить, по поводу наличнаго и опознаннаго матеріальнаго объекта, какая часть его приходитъ „изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и какая выходитъ изъ собственной головы“ наблюдателя? Ощущенія и апперцептивныя идеи спаяны здѣсь такъ крѣпко, что не легче сказать, гдѣ начинаются одни и кончаются другія, чѣмъ указать мѣсто, гдѣ по настоящему соприкасаются передній планъ и раскрашенное полотно на

недавно вышедшихъ любопытныхъ круговыхъ панорамахъ [1]).

Декартъ первый опредѣлилъ мысль, какъ нѣчто абсолютно непротяженное, и болѣе поздніе философы нашли, что это опредѣленіе правильно. Но какой смыслъ въ утвержденіи, что когда мы думаемъ о линейномъ футѣ или квадратномъ аршинѣ, то нашей мысли нельзя приписать протяженность? Адэкватный мысленный образъ любого протяженнаго объекта долженъ обладать протяженностью свойственной самому объекту. Различіе между объективной и субъективной протяженностями заключается исключительно въ отношеніи къ контексту. Въ умѣ различныя протяженія не сохраняютъ непремѣнно упрямаго порядка взаимоотношенія, тогда какъ въ физическомъ мірѣ они между собою связаны и въ совокупности составляютъ великое всеобъемлющее единство, въ которое мы вѣримъ и которое называемъ реальнымъ пространствомъ. Въ качествѣ „внѣшнихъ“ они какъ бы враждебны другъ другу, взаимно другъ друга исключаютъ и держатъ на разстояніи: тогда какъ въ качествѣ „внутреннихъ“ ряды ихъ расшатаны, и они представляются въ какомъ-то Durcheinander, гдѣ единство утеряно [2]). Но мнѣ кажется почти что безсмысленнымъ выводить отсюда абсолютную непротяженность внутренняго опыта. Оба міра разли-

---

[1]) Мнѣ вспоминается Спенсеровское доказательство „преображеннаго реализма“ (transfigured realism) (его ученіе о существованіи абсолютно не-мысленной реальности), какъ великолѣпный примѣръ невозможности установить полную разнородность мысли и вещи. Всѣ съ трудомъ собранные имъ пункты разногласія понемногу переходятъ въ противоположность и допускаютъ множество исключеній.

[2]) Я здѣсь имѣю въ виду полную внутреннюю жизнь, когда уму предоставлена свободная игра со своимъ матеріаломъ. Конечно, свободная игра ума ограничивается, когда онъ стремится копировать реальныя вещи въ реальномъ пространствѣ.

чаются не присутствіемъ или отсутствіемъ протяженности, а взаимоотношеніемъ протяженностей, существующихъ въ обоихъ мірахъ.

Не ставитъ ли насъ этотъ вопросъ о протяженіи на слѣдъ истины и относительно другихъ качествъ? Конечно, и меня удивляетъ, что на это раньше не было обращено вниманія. Почему, напримѣръ, мы говоримъ, что огонь горячъ, а вода мокра, и все же отказываемся признать, что наше душевное состояніе, „занятое" этими (of these) объектами, мокро или горячо? Во всякомъ случаѣ „интенціонально", и когда душевное состояніе наполнено яркимъ образомъ, теплота и влажность заключены въ немъ въ той же мѣрѣ, какъ и въ физическомъ опытѣ. Объясняется это тѣмъ, что, когда постепенно проясняется общій хаосъ всѣхъ нашихъ опытовъ, мы убѣждаемся въ томъ, что одинъ видъ огня всегда сжигаетъ палки и согрѣваетъ наше тѣло, а нѣкоторыя воды всегда гасятъ огонь, тогда какъ другіе огни и воды совершенно не дѣйствуютъ. Всѣ дѣйствующіе опыты, не только внутренне характеризуемые своими природами, но и проявляющіе ихъ энергетически въ опредѣленныхъ качествахъ, сталкивая ихъ между собою, неизбѣжно противополагаются другой группѣ опытовъ той же природы, но не проявляющихъ ее „энергетически". Вотъ я берусь за опытъ съ пылающимъ огнемъ: я становлюсь рядомъ съ нимъ, но онъ меня ничуть не грѣетъ. Я кладу на него палочку, и она сгораетъ или остается зеленой, согласно моей волѣ. Иду за водой и выливаю ее на огонь, но все остается по-прежнему. Я объясняю всѣ эти факты тѣмъ, что называю весь этотъ рядъ опытовъ нереальнымъ, мысленнымъ рядомъ. Реальныя палки не горятъ въ мысленномъ огнѣ; мысленная вода вовсе не обязана (хотя, конечно, можетъ) тушить мысленный огонь. Мысленные ножи могутъ быть остры, но ими не разрѣ-

жешь реальнаго дерева. Мысленные треугольники остры, но углы ихъ никого не задѣнутъ. Реальные предметы, наоборотъ, сопровождаются послѣдствіями, и такимъ-то образомъ реальный опытъ просѣивается сквозь мысленный, вещи отдѣляются отъ вѣрныхъ или воображаемыхъ мыслей о нихъ и даютъ общій твердый осадокъ всего опытнаго хаоса, подъ именемъ физическаго міра. Воспринимаемый опытъ, будучи первоначально яркимъ опытомъ, представляетъ собою его ядро. Къ нему мы прибавляемъ множество отвлеченныхъ опытовъ, придавая имъ силу въ нашемъ воображеніи и созидая съ помощью ихъ болѣе отдаленныя части физическаго міра; а вокругъ этого ядра реальности, точно полоса тучъ, плыветъ міръ несвязныхъ фантазій и чистыхъ рапсодій. Въ облакахъ нарушается много правилъ, соблюдаемыхъ въ ядрѣ. Протяженности тамъ ничѣмъ не ограничены; движеніе не повинуется законамъ Ньютона.

VII.

Существуетъ особый видъ опытовъ, которымъ, независимо отъ того, разсматриваемъ ли мы ихъ какъ субъективные или объективные, мы приписываемъ въ качествѣ аттрибутовъ ихъ многоликія природы, потому что въ обоихъ контекстахъ они сильно воздѣйствуютъ на своихъ соучастниковъ, хотя ни въ коемъ случаѣ не такъ „сильно“ или рѣзко, какъ воздѣйствуютъ другъ на друга вещи съ помощью своей физической энергіи. Я имѣю здѣсь въ виду оцѣнки, представляющія собою обоюдоострую сферу бытія, такъ какъ онѣ съ одной стороны относятся къ эмоціямъ, а съ другой—имѣютъ объективную „цѣнность“, кажутся не совсѣмъ внутренними и не совсѣмъ внѣшними, какъ будто обособленіе ихъ началось, но еще не завершилось.

Напримѣръ, опытъ надъ непріятными объектами

обыкновенно весьма непріятный опытъ; воспріятія красоты, уродства охотно принимаются за красивое или уродливое воспріятіе: интуиціи нравственно возвышеннаго суть возвышенныя интуиціи. Прилагательное иногда бродитъ какъ бы въ нерѣшительности, на чемъ ему остановиться. Говорить ли о соблазнительныхъ мечтахъ или о мечтахъ о соблазнительныхъ вещахъ? О злыхъ желаніяхъ или желаніяхъ зла? О здравыхъ мысляхъ или о мысляхъ о здоровыхъ объектахъ? О добрыхъ поползновеніяхъ или поползновеніяхъ къ добру? О чувствахъ обиды или обидныхъ чувствахъ? Характеристики эти измѣняютъ контекстъ въ умѣ и въ вещи, иные корреляты исключаютъ, другіе вызываютъ, то для нихъ неизбѣжно, другое несовмѣстимо съ ними. Но дѣло здѣсь не поставлено на такую „упрямую" ногу, какъ тамъ, гдѣ оно касается физическихъ качествъ, оттого что красота и уродство, любовь и ненависть, пріятное и непріятное въ иныхъ сложныхъ опытахъ сосуществуютъ

Если бы предпринять эволюціонное построеніе того, какъ множество первоначально хаотически чистыхъ опытовъ постепенно дифференцировались въ упорядоченный внутренній и внѣшній міръ, то его можно бы признать удачнымъ, въ зависимости отъ того, удалось ли объяснить, какъ или почему нѣкогда дѣятельное качество опыта утеряло свою жизненность и изъ состоянія дѣйственнаго аттрибута, свойственнаго ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впало въ состояніе инертной или исключительно внутренней „природы". Такое построеніе дало бы намъ „эволюцію" психическаго изъ лона физическаго, въ которой эстетическій, нравственный и остальной эмоціональный опытъ оказались бы на полпути.

VIII

„Non possumus“, вѣроятно раздастся отчаянный возгласъ многихъ читателей. „Все“ это очень хитро придумано, скажутъ они, „но наше собственное сознаніе служитъ интуитивнымъ возраженіемъ вамъ. Что касается насъ, мы *знаемъ*, что мы сознательны. Мы *чувствуемъ*, что живой потокъ мысли внутри насъ рѣзко отличается отъ объектовъ, которымъ онъ такъ неизмѣнно сопутствуетъ. Мы не можемъ отречься отъ этой непосредственной интуиціи. Дуализмъ есть основная *данность*. Что Богъ разлучилъ, того человѣкъ да не сочетаетъ“.

Я закончу возраженіемъ на эти слова. Мнѣ очень жалко, что многіе увидятъ въ немъ матеріализмъ, но тутъ уже ничего не подѣлаешь, и у меня есть свои интуиціи, и я долженъ покоряться имъ.

Пусть другимъ вопросъ представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ, но что касается меня, то я убѣжденъ, что во мнѣ потокъ мышленія (я настаиваю на томъ, что онъ представляетъ собою явленіе)—лишь легкомысленное названіе для того, что при ближайшемъ разслѣдованіи оказывается въ сущности потокомъ дыханія. „Я мыслю“, которое по Канту должно сопровождать всѣ мои объекты, не что иное, какъ „Я дышу“, сопровождающее ихъ на самомъ дѣлѣ. Правда, извѣстно много другихъ внутреннихъ факторовъ, помимо дыханія (напримѣръ, внутреннія мозговыя, мускульныя приспособленія, о которыхъ я говорилъ въ своей пространной „Психологіи“), увеличивающихъ область „сознанія“, поскольку ему свойственно непосредственное воспріятіе; но я убѣжденъ въ томъ, что именно дыханіе, всегда бывшее прообразомъ „духа“, дыханіе, исходящее наружу, промежъ гортани и ноздрей, и есть та сущ-

ность, изъ которой философы построили субстанцію, извѣстную имъ какъ сознаніе. Субстанція эта фиктивна, тогда какъ мысли, пребывающія въ конкретномъ, вполнѣ реальны. Но мысли, пребывающія въ конкретномъ, сдѣланы изъ той же матеріи, что и вещи.

Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что мнѣ удалось выяснить это въ настоящей статьѣ. Я постараюсь другой разъ еще лучше освѣтить общее понятіе міра, состоящаго изъ чистаго опыта.

Перевела *Маргарита Гринвальдъ*.

Теодоръ Липпсъ.

Пути психологіи [1]).

Существуютъ различные пути психологіи. Къ тому пункту, откуда всѣ они расходятся, ведетъ одинъ только путь, которымъ долженъ итти всякій психологъ. Отъ того, какъ далеко онъ пойдетъ по этому пути, и насколько полно онъ увидитъ то, съ чѣмъ ему придется на немъ столкнуться, зависитъ то, что онъ сможетъ сдѣлать на одномъ изъ остальныхъ путей.

Этотъ первый путь психологіи есть путь описанія или установленія и расчлененія всѣхъ переживаній нашего сознанія. Предстоящая здѣсь задача съ перваго взгляда какъ будто бы проста, но на самомъ дѣлѣ это одна изъ труднѣйшихъ задачъ, когда-либо поставленныхъ уму человѣческому.

Френсисъ Бэконъ обращается ко всѣмъ, стремящимся къ познанію, со слѣдующимъ библейскимъ изреченіемъ: будьте какъ дѣти, если вы хотите попасть въ царство небесное. Это изреченіе съ особой силой можетъ быть приведено противъ тѣхъ, которые хотятъ попасть въ царство небесное психологическаго познанія. Они должны стать какъ дѣти, т. е. они должны забыть до извѣстной степени все, чему они на-

---

[1]) Докладъ, прочитанный на 5-мъ интернаціональномъ конгрессѣ психологовъ въ Римѣ.

учились до этихъ поръ. Яснѣе выражаясь, они должны постараться выражать факты сознанія въ такихъ и только въ такихъ понятіяхъ, изъ которыхъ исключено все, имѣющее своимъ происхожденіемъ какую бы то ни было другую сферу, кромѣ сферы фактовъ сознанія. Они должны научиться судить о понятіяхъ по этимъ фактамъ, а не о фактахъ по понятіямъ. Конечно, такое требованіе предъявляется всякой наукѣ. Но въ психологіи особенно велика опасность, что въ изученіе фактовъ сознанія вы введете понятія чуждыя, напримѣръ, естественно-научныя или естественнонаучно-біологическія, безъ провѣрки ихъ правъ на существованіе въ психологіи, что приведетъ къ искаженію фактовъ сознанія. Слишкомъ легко забывается то, что міръ жизни нашего сознанія, который изучаетъ психологія, и всякій другой міръ, составляющій предметъ изученія какой-бы то ни было другой науки, абсолютно между собой различны и даже не поддаются никакому сравненію. Всѣ другія науки занимаются изученіемъ предметовъ, различныхъ отъ нашего *Я*. Психологія же, и только она одна, занимается изученіемъ этого *Я*.

Я здѣсь не хочу пойти этимъ путемъ описательной психологіи. Но да будетъ мнѣ позволено въ краткихъ чертахъ указать на нѣкоторые пункты, на которые долженъ направить въ настоящее время прежде всего свое вниманіе всякій, кто идетъ по этому пути.

Первый пунктъ мы затронули уже выше. Во всѣхъ переживаніяхъ нашего сознанія непосредственно переживается вмѣстѣ съ тѣмъ наше *Я*, переживаніями к о т о р а г о они являются. Это *Я* есть объединяющій пунктъ сознанія, безъ котораго слово „сознаніе“ было бы пустымъ звукомъ. Назовемъ это непосредственно переживаемое *Я* „*Я*—сознанія“. Это *Я* н е в о з н и к а е т ъ въ процессѣ жизни сознанія, а оно на лицо, какъ безусловно первое и послѣднее, какъ абсолютная предпо-

сылка всякой жизни сознанія. Какъ такое абсолютно первое и послѣднее, оно не поддается также и описанію. еще менѣе оно можетъ быть сведено къ чему-нибудь другому.

Такъ какъ это *Я* имѣется во всякомъ переживаніи сознанія, то психологія вездѣ и всегда является наукой объ этомъ *Я*. Когда психологія говоритъ о переживаніяхъ сознанія, объ ощущеніяхъ и представленіяхъ, напримѣръ, и наконецъ, даже о чувствованіяхъ, будто таковыя существуютъ внѣ непосредственно переживаемаго *Я*, то она говоритъ о вещахъ, которыхъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ. Всякая попытка понять жизнь сознанія такъ, будто она состоитъ или складывается изъ такихъ элементовъ, всякая даже вообще мысль, что въ нашемъ сознаніи что-либо „складывается“, свидѣтельствуетъ о полномъ незнакомствѣ съ тѣмъ, что является истинной сущностью сознанія Уразумѣніе этого положенія вещей, коротко говоря, преодолѣніе всякаго психологическаго „атомизма“ можетъ быть признано первымъ болѣе спеціальнымъ условіемъ всякой здоровой психологіи.

Но отношенія различныхъ переживаній сознанія къ этому *Я*-сознанія различны. Содержанія ощущеній и соотвѣтствующія имъ содержанія представленій представляютъ собой нѣчто, отличное отъ *Я*. Когда я вижу или переживаю красное, то я переживаю это всякій разъ, какъ мое ощущеніе или представленіе краснаго. Я переживаю это въ этой связи со мной, съ *Я*—сознанія. Но я не вижу, не переживаю себя, какъ красное. Другое дѣло—мои стремленія, акты, дѣйствія и чувствованія: въ нихъ я непосредственно переживаю себя самого. Первыя суть объективныя переживанія сознанія, а вторыя—субъективныя. Субъективныя переживанія сознанія суть непосредственныя переживанія нашего *Я*. Рѣзкая граница между первыми и вторыми

есть второе основное требованіе описательной психологіи. Уразумѣніе необходимости этой границы приводитъ къ абсолютному отказу отъ всякой попытки сводить какія бы то ни было стремленія, дѣйствія, чувствованія къ содержаніямъ ощущеній, въ особенности къ содержаніямъ органовъ нашего тѣла или, такъ называемыхъ, органическихъ ощущеній.

Но важнѣе еще, чѣмъ эта противоположность, существенная и основная противоположность въ жизни нашего сознанія, именно противоположность между имѣніемъ содержаній ощущеній или представленій, короче, содержаній сознанія съ одной стороны и мышленіемъ о предметахъ—съ другой. Предметы—не содержанія, а они то, что противополагается мнѣ и моимъ содержаніямъ, какъ трансцендентное. Предметы образуютъ міръ, абсолютно отличный отъ всякихъ содержаній. Это становится ясно самымъ непосредственнымъ образомъ, если принять въ соображеніе, что извѣстные среди этихъ предметовъ, именно тѣ, которые мы называемъ дѣйствительными, ведутъ свое существованіе независимо отъ всякаго сознанія. Содержанія суть представители или символы предметовъ. Въ этомъ заключается ихъ истинное значеніе для сознанія.

И подобно тому, какъ предметы — не содержанія, такъ и мышленіе не есть жизнь представленій, которая могла бы быть даже сведена къ механикѣ процесса представленія, а есть нѣчто совершенно новое, которое и носитъ именно названіе мышленія. Когда наше *Я* мыслитъ предметы или противополагаетъ себѣ міръ предметовъ, оно поднимается въ совершенно новую сферу. Душевная жизнь становится духовной жизнью; въ мышленіи духъ нашъ или наше духовное око выходитъ за предѣлы сознанія и полагаетъ тотъ трансцендентный міръ. Вся и всяческая духовная дѣятельность распространяется на сознательно мнѣ про-

тивополагаемые предметы. Но въ мышленіи эти предметы возникаютъ для меня. Въ актѣ мышленія наше *Я* преступаетъ „духовный порогъ“.

Специфически духовная дѣятельность—мы называемъ ее также и апперцептивной дѣятельностью — имѣетъ однако двѣ, конечно переходящія другъ въ друга стороны. Во-первыхъ, это—дѣятельность сознательно упорядочивающая, придающая самостоятельность и обобщающая, объединяющая и устанавливающая извѣстныя отношенія. Въ этой дѣятельности предъ сознаніемъ возникаютъ единичное и множество, цѣлое и части, тождественное и различное, равное и неравное, формы, субстраты и весь рой отношеній. Ничто изъ всего этого не содержится въ содержаніяхъ и не складывается изъ нихъ, а все это возникаетъ лишь, какъ нѣчто, совершенно новое, какъ плодъ апперцептивной дѣятельности и совершенной ею духовной переработки матеріала, даннаго въ содержаніяхъ ощущеній Искать значеніе какого-нибудь изъ понятій, опредѣляющихъ нашу духовную жизнь, въ содержаніяхъ нашихъ ощущеній было бы столь же безсмысленно, какъ было-бы безсмысленно выводить духовное содержаніе божественной комедіи изъ формы буквъ, которыми она напечатана. Только при разсмотрѣніи этой духовной жизни передъ психологіей вырастаетъ самая существенная ея задача. Очевидно, слѣдовательно, что эта задача лежитъ *за предѣлами* ученія о содержаніяхъ ощущеній.

Вторая сторона духовной дѣятельности есть *опрашиваніе*, именно опрашиваніе предметовъ. На нашъ вопросъ предметы даютъ отвѣтъ, тотъ или другой отвѣтъ въ зависимости отъ направленія вопроса. Въ отвѣтъ на эти вопросы міръ предметовъ оказывается тѣмъ самымъ, что онъ есть, когда онъ ставитъ намъ *требованія* Требованія эти подчинены своимъ соб-

ственнымъ законамъ, именно законамъ предметовъ или мышленія, которые въ концѣ концовъ совпадаютъ въ законѣ тождества. Актъ признанія требованія предметовъ есть сужденіе. Извѣстные предметы требуютъ отъ насъ, какъ своего „права“, чтобы мы ихъ мыслили, или они претендуютъ на то, чтобы актъ, въ которомъ они мыслятся, имѣлъ для насъ „значеніе“. Въ сознаніи и признаніи этого требованія заключается сужденіе дѣйствительности. Рядомъ съ сознаніемъ дѣйствительности возникаетъ у насъ въ такихъ вопросахъ и признаніяхъ сознаніе величины, значенія, должнаго и всякаго рода сознаніе значимости или дѣйствительности.

Подобно тому, какъ міръ предметовъ есть свой особый міръ, противополагаемый міру содержаній, такъ сужденіе—а вмѣстѣ съ нимъ и познаваніе—есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ ощущеніе и представленіе, его закономѣрность есть совершенно иная закономѣрность, чѣмъ дѣйствительная или мнимая закономѣрность ощущеній или представленій.

Должна быть проведена самая рѣзкая граница между міромъ предметовъ и міромъ содержаній, между міромъ духа, въ которомъ происходитъ сознательная систематизація предметовъ, опрашиваніе, переживаніе требованій предметовъ, акты признанія ихъ, съ одной стороны и міромъ представленій—съ другой. Однимъ словомъ, употребляя лозунгъ, сегодняшняго дня—долженъ быть совершенно преодолѣнъ всякій „психологизмъ“—таково важнѣйшее требованіе, которое должно быть поставлено передъ современной психологіей.

Къ этой противоположности содержаній и предметовъ или представленія и мышленія присоединяется, играя до извѣстной степени роль связующаго звена, дальнѣйшее основное понятіе описательной психологіи, именно понятіе дѣятельности, заключающее въ себѣ понятіе стремленія. Всякая дѣятельность есть взаимоот-

ношеніе между *Я* и предъявляющими извѣстныя требованія предметами. Она есть отголосокъ и результатъ требованій предметовъ въ индивидуальномъ *Я*.

Вещи существуютъ и въ нихъ что-то происходитъ. О жизни же сознанія никогда нельзя сказать просто, что это есть нѣчто, что существуетъ или что происходитъ; она есть жизнь, а жизнь есть дѣятельность. Только дѣятельнымъ намъ дано наше *Я*. И наоборотъ, внѣ дѣятельнаго *Я* дѣятельность не имѣетъ никакого смысла.

Правда, мы и вещи называемъ „дѣятельными“. Но понятіе дѣятельности, какъ и родственныя понятія воздѣйствія, работы, дѣланія, силы совершенно чужды міру вещей. Только въ актѣ очеловѣченія то, что эти понятія выражаютъ, переносится на вещи. Всякая дѣятельность есть первоначально слѣпая дѣятельность по инстинкту. Только мышленіе вноситъ свѣтъ въ нее и послѣ безконечнаго ряда промежуточныхъ ступеней она становится дѣятельностью разумной. Такая разумная дѣятельность есть дѣятельность, опредѣляемая требованіями предметовъ. Послѣднимъ же предметомъ дѣятельности оказывается для разума идеальное *Я*, или абсолютная самодѣятельность.

Но дѣятельности никогда не существуютъ въ нашемъ сознаніи, какъ изолированныя событія: онѣ переживаются „проистекающими“ изъ другихъ переживаній сознанія. Вмѣсто этого мы обыкновенно говоримъ: я нахожу себя въ моей дѣятельности „обусловленнымъ“, „опредѣленнымъ“ чѣмъ-то, „зависимымъ“ отъ тѣхъ или другихъ переживаній сознанія.

И этими выраженіями мы пользуемся постоянно, когда говоримъ о вещахъ или процессахъ во внѣшнемъ мірѣ. И процессы въ мірѣ физическомъ мы считаемъ „обусловленными“ или „опредѣленными“ чѣмъ-то другимъ, или мы говоримъ, что то или другое со-

бытіе въ мірѣ физическомъ происходитъ „изъ-за“ другого. Дѣйствіе у насъ „вытекаетъ“ изъ какой-нибудь причины или ею „вызывается“ или мы устанавливаемъ „зависимости“ въ мірѣ физическомъ. Это звучитъ такъ, какъ будто мы и здѣсь дѣйствительно находимъ ту обусловленность или опредѣленность, будто когда нагрѣтое тѣло расширяется, мы кромѣ совпаденія этихъ процессовъ во времени наблюдаемъ еще и нѣкоторую „зависимость“ одного отъ другого или будто мы видимъ здѣсь, какъ одно вытекаетъ изъ другого, подобно тому, какъ какое-нибудь рѣшеніе проистекаетъ изъ размышленія въ непосредственныхъ нашихъ переживаніяхъ, или будто мы имѣемъ, по меньшей мѣрѣ, основаніе допустить, что эти переживанія сознанія происходятъ въ мірѣ физическомъ, что въ событіяхъ этого міра есть обусловливаніе или обусловленность, есть зависимость одно проистекаетъ изъ другого. Но на самомъ дѣлѣ обо всемъ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Обусловливаніе или обусловленность, зависимость, проистеканіе одного изъ другого — все это обозначаетъ не только переживаніе сознанія, но и переживаніе какого-нибудь *Я*. Я чувствую себя „обусловленнымъ“ какимъ-нибудь событіемъ, о которомъ я узнаю. Я чувствую себя въ моемъ мышленіи „зависимымъ“ отъ какого-нибудь факта и т. д. Выраженія эти, если быть еще точнѣе, обозначаютъ опредѣленія непосредственно переживаемыхъ дѣятельностей и актовъ нашего *Я*, именно непосредственно сопереживаемыя отношенія ихъ къ другимъ переживаніямъ сознанія. Но всѣ эти выраженія, подобно разобранному нами выше понятію дѣйствительности, теряютъ всякій смыслъ, какъ только мы устраняемъ это *Я* или дѣятельности и акты его, опредѣленіями которыхъ они являютея. Они тогда тоже самое, что высота тона безъ тона, или тембръ звука безъ звука.

Если мы тѣмъ не менѣе примѣняемъ всѣ эти выраженія и къ вещамъ, то это имѣетъ свое основаніе въ томъ самомъ обстоятельствѣ, которое заставляетъ насъ говорить также о дѣятельностяхъ въ вещахъ, т. е. въ очеловѣченіи или одухотвореніи вещей внѣшняго міра.

Мы совершаемъ такое очеловѣченіе въ мірѣ вещей прежде всего тамъ, гдѣ существуютъ причинныя отношенія. Мы говоримъ поэтому также вполнѣ опредѣленно о причинной „обусловленности“, причинной „зависимости“ и т. д. Изъ сказаннаго, однако, ясно, что въ фактѣ причинной связи между вещами и событіями во внѣшнемъ мірѣ не заключается ничего изъ этихъ переживаній нашего *Я*. Напротивъ, между непосредственно переживаемой обусловленностью, опредѣленностью, и т. д. и причинными отношеніями нѣтъ ничего общаго. Они принадлежатъ различнымъ мірамъ, болѣе того, во всемъ мірѣ нашихъ понятій они образуютъ самыя крайнія противоположности. Причинныя отношенія существуютъ только для нашего разума. Они имъ умозаключены и принадлежатъ независимому отъ насъ внѣшнему міру, тогда какъ перечисленныя переживанія *Я* принадлежатъ непосредственно переживаемому *Я*. Да и не имѣетъ ни малѣйшаго смысла пытаться получать ихъ умозаключеніемъ, ибо само существованіе ихъ заключается именно въ томъ, что они переживаются. Между обоими понятіями—причинностью съ одной стороны и обусловленностью, проистекаемостью, зависимостью и т. д. съ другой—существуетъ такое же отношеніе, какое существуетъ между познанной реальностью вещей съ одной стороны и непосредственной дѣйствительностью сознанія — съ другой.

Но разсматриваемыя переживанія нашего *Я* суть, какъ уже сказано, непосредственно переживаемыя отношенія. Всего лучше будетъ обозначить ихъ сло-

вомъ, наиболѣе ясно выражающимъ ихъ особенности, именно выраженіемъ „отношеніе мотиваціи“ или назвать ихъ отношеніями между „мотивомъ“ и „мотивированнымъ“. Этой мотивацiи можно тогда противопоставить, какъ нѣчто совершенно съ ней несравнимое, причинную связь.

Причинныя отношенія устанавливаютъ связь познаваемаго нами предметно-реальнаго міра. Отношенія мотиваціи образуютъ непосредственно переживаемую связь жизни сознанія или непосредственно переживаемую связь въ нашемъ *Я*. Наше *Я* есть во всякій моментъ объединяющій пунктъ въ жизни сознанія. Растянутое во времени оно образуетъ линію. Но въ упомянутомъ выше „проистеканіи“ или „мотиваціи“ эта линія становится живой, становится внутренне связаннымъ потокомъ.

Разсмотрѣнная здѣсь связь жизни сознанія такъ, какъ она переживается, не есть связь закономѣрная. Описательная психологія, которая ее изучаетъ, учитъ насъ только одному, а именно, что дѣятельность опредѣленнаго рода обыкновенно вытекаетъ или вытекала изъ опредѣленнаго рода переживаній сознанія. Она устанавливаетъ только привычки въ моихъ дѣйствіяхъ. Съ другой стороны она вмѣсто необходимости, которою характеризуется всякая закономѣрность, находитъ прямую ей противоположность, именно произволъ.

Изъ сказаннаго какъ будто слѣдуетъ, что совсѣмъ нѣтъ настоящей науки о сознаніи, не ограничивающейся однимъ описаніемъ, а устанавливающей закономѣрности. Но вспомните, что и естествознаніе свои законы тоже не находитъ непосредственно въ данномъ. И физическая дѣйствительность тоже не представляется разсматривающимъ ее глазамъ прямо и непосредствен-

но, какъ дѣйствительность закономѣрная. И здѣсь вы изъ простого разсмотрѣнія даннаго не извлечете ничего, кромѣ эмпирическихъ правилъ или привычекъ, въ томъ, что происходитъ. И то, что въ области жизни сознанія есть произволъ, то въ мірѣ чувственнаго воспріятія есть иллюзія случайности.

Естествознаніе находитъ свои законы въ логической переработкѣ даннаго. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если наука о сознаніи тоже находитъ свои законы только путемъ логической переработки даннаго.

И вотъ такая наука о сознаніи существуетъ. И эта наука представляетъ собой во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность естествознанію. Отношенія между ними точно тѣ же, какія существуютъ между *Я* или сознаніемъ съ одной стороны и независимымъ отъ нихъ міромъ вещей—съ другой. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчается первый изъ путей психологіи, выводящихъ за предѣлы голаго описанія жизни сознанія. И если подъ „психологіей“ понимать психологію въ абсолютной ея противоположности къ наукамъ естественнымъ или чистую психологію, мы должны сказать: психологія есть эта наука о сознаніи.

Естествознаніе выдѣляетъ изъ предметовъ, непосредственно представляющихся физически-дѣйствительными или претендующихъ на значеніе физически-дѣйствительныхъ, т. е., слѣдовательно, изъ міра чувственнаго воспріятія, значимые (gültigen) предметы или, точнѣе выражаясь, значимые, дѣйствительные предметы. Такъ и наука о сознаніи выдѣляетъ изъ проявленій дѣятельности нашего *Я*, въ особенности изъ актовъ мышленія, оцѣнки и воленія значимые акты. Въ обоихъ случаяхъ „значимое“ есть то, что освобождено отъ условій индивидуальнаго сознанія. Это—очищенное отъ субъективности или чисто объектив-

ное. Можно сказать и такъ: естествознаніе освобождаетъ дѣйствительные предметы отъ той формы ихъ, какъ они отражаются въ индивидуальномъ сознаніи. Въ такомъ случаѣ наука о сознаніи освобождаетъ акты и дѣятельности нашего *Я* отъ той формы, которую они получаютъ въ индивидуальномъ сознаніи и въ его условіяхъ. Первое находитъ на означенномъ пути чистые дѣйствительные предметы; вторая такимъ же образомъ находитъ чистые акты и дѣятельности мышленія, оцѣнки и воленія. Она находитъ чистый разумъ, чистый, производящій оцѣнки духъ и чистую волю или „чистый практическій разумъ“, и во всемъ этомъ находитъ чистое *Я* или *Я* разума.

Формулируя все сказанное въ краткихъ словахъ, можно сказать такъ: цѣль естествознанія—вещь въ себѣ, которой оно, однако, не находитъ; цѣль науки о сознаніи—*Я* въ себѣ, которое она можетъ найти.

Вещь въ себѣ т. е., окончательно и вполнѣ дѣйствительный міръ вещей трансцендентна индивидуальному сознанію. Именно поэтому она остается одной и той же для всѣхъ. Такъ и *Я* въ себѣ, которое находитъ наука о сознаніи, трансцендентно индивидуальному сознанію и именно поэтому остается однимъ и тѣмъ же для всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно также одно и тоже во всѣхъ, поскольку оно способно превращаться въ дѣйствительность въ отдѣльныхъ индивидуумахъ.

Но вещь въ себѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ носительница абсолютной закономѣрности предметно-реальнаго міра. Полное познаніе ея было бы полнымъ познаніемъ этого міра Мы называемъ „закономѣрность“ въ этомъ случаѣ причинной закономѣрностью. Точно также и *Я* въ себѣ или *Я* разума есть носитель абсолютной закономѣрности. И его полное познаніе есть тоже познаніе этой закономѣрности. Но закономѣрность *Я*—разума есть не причинная закономѣрность, а зако-

номѣрность разума. Въ противоположность той естественной закономѣрности ее можно назвать также нормативной закономѣрностью. Основными дисциплинами, предметомъ которыхъ является установленіе этой закономѣрности, являются логика и нормативное ученіе объ оцѣнкахъ. Но и нормативные законы суть законы о фактахъ. То, что является нормой для индивидуальнаго сознанія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе сущности того трансцендентнаго *Я* или *Я*—разума. Наука о сознаніи, о которой мы здѣсь говоримъ, есть, повторяю еще разъ, психологія постолько, посколько предметомъ ея, навѣрное, является сознаніе. Но мы можемъ обозначить ее еще болѣе спеціально, назвавъ ее чистой наукой о духѣ. Дѣйствительно, задача ея можетъ быть опредѣлена и такъ: предметъ ея исканій въ индивидуальномъ сознаніи есть духъ, а этотъ духъ единый.

Что же такое представляетъ собой для этой науки о духѣ индивидуальное сознаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ уже выше: индивидуальное сознаніе есть для нея точно то же самое, что оно есть для естествознанія, т. е. происходящіе въ индивидуальномъ сознаніи и обусловленные его индивидуальной сущностью акты и дѣятельности, короче говоря, субъективированные акты и дѣятельности, суть для нея точно то же самое, чѣмъ индивидуально-обусловленныя явленія или отраженія реальнаго міра являются въ индивидуальномъ сознаніи, коротко говоря, чѣмъ субъкутивированный дѣйствительный міръ является для естествознанія. Другими словами, субъективность или форма, которую получаетъ въ индивидуальномъ сознаніи то, что является предметомъ познанія обѣихъ наукъ, именно, искомое ими обѣими „значимое“, должна быть обѣими науками устранена.

Рядомъ съ этой психологіей, какъ наукой о духѣ, существуетъ, однако, психологія, для которой коренным и спеціальнымъ предметомъ познанія служитъ индивидуальное сознаніе—не единичное или не прежде всего единичное, т. е. то или другое индивидуальное сознаніе, а индивидуальное сознаніе вообще.—Очевидно, что психологія, о которой мы теперь говоримъ, есть именно та психологія, которую мы обыкновенно называемъ психологіей, по крайней мѣрѣ, которую мы имѣемъ въ виду всегда, когда мы противополагаемъ ее наукамъ о духѣ, т. е. логикѣ, эстетикѣ и этикѣ.

Для этой же психологіи индивидуальнаго сознанія основнымъ является слѣдующій вопросъ: что собственно такое то, что дѣлаетъ индивидуальное сознаніе индивидуальнымъ, что оно такое не въ себѣ, а для насъ? Чѣмъ различаются между собою индивидуальныя единицы сознанія или индивидуальныя *Я*, и что дѣлаетъ ихъ тѣмъ или другимъ индивидуальнымъ *Я*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ гласитъ: не различіе въ качествѣ. Я не сталъ бы тѣмъ или другимъ человѣкомъ, моимъ сосѣдомъ или другомъ, напримѣръ, если-бы въ какой-нибудь моментъ его жизнь сознанія стала бы совершенно тождественной съ моей. И я не становлюсь кѣмъ-либо другимъ, а остаюсь самимъ собой, когда моя жизнь сознанія измѣняется, т. е. становится качественно другой, имѣетъ другія содержанія, когда въ ней выступаютъ другіе факты мышленія, оцѣнки и воленія, какъ это въ теченіе моей жизни на самомъ дѣлѣ постоянно происходитъ.

Есть же только одинъ отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается для насъ различіе между индивидуальными *Я*. Этотъ отвѣтъ содержится уже въ словахъ „индивидуальное сознаніе“. Мы подразумѣваемъ подъ ними сознаніе опредѣленнаго отдѣльнаго индивида.

„Это индивидуальное сознаніе“ есть сознаніе этого индивида, „то индивидуальное сознаніе“ есть сознаніе того индивида, т. е. „это“ сознаніе есть сознаніе, которое принадлежитъ этому индивиду или которое имѣетъ этотъ индивидъ, „то“ сознаніе есть сознаніе, которое принадлежитъ тому индивиду или которое имѣетъ тотъ индивидуумъ.

А что мы подразумѣваемъ здѣсь подъ словомъ „индивидъ“? Именно то, чему „принадлежитъ“ сознаніе или которое „имѣетъ“ сознаніе. Но это „то“ по необходимости должно быть нѣчто, отличное отъ сознанія. Индивидъ, которому принадлежитъ сознаніе или который имѣетъ сознаніе, не можетъ быть опять таки сознаніемъ—ни отдѣльнымъ переживаніемъ сознанія, ни комплексомъ такихъ переживаній, а то, что мы подразумѣваемъ подъ словомъ „индивидъ“ есть нѣчто реальное; онъ есть извѣстный пунктъ въ предметно-реальномъ мірѣ. Сознаніе этого, а не другого индивида есть сознаніе, связанное съ этимъ, а не съ другимъ пунктомъ въ предметно-реальномъ мірѣ. Когда я говорю о различныхъ единицахъ сознанія или о различныхъ *Я*, то—отдаю ли я себѣ въ этомъ отчетъ или нѣтъ—я необходимо связываю каждое изъ этихъ различныхъ *Я* съ такимъ нѣчто, предметно-реальнымъ, для нихъ самихъ трансцендентнымъ. Такое предметно-реальное я кладу въ основу индивидуальнаго *Я* или разсматриваю, какъ его реальный субстратъ; Это реальное, „индивидъ“, есть для нашего познанія единственное principium individuationis для индивидуальныхъ *Я*.

Посколько этотъ реальный субстратъ кладется въ основу индивидуальнаго сознанія, и жизнь сознанія есть именно то, что мы прежде всего называемъ „душевной“ жизнью, мы должны назвать этотъ суб-

стратъ „душой“. Посколько же онъ кладется въ основу индивидуальнаго „*Я*“, онъ въ такой же мѣрѣ можетъ быть названъ „реальнымъ *Я*“. Что же именно онъ такое, остается покуда неопредѣленнымъ. Онъ покуда ничего больше, какъ неизвѣстное нѣчто, которое имѣетъ сознаніе.

Разъ мы кладемъ въ основу индивидуальнаго сознанія, а, слѣдовательно, и всѣхъ его переживаній одинъ субстратъ, то эти переживанія являются передъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ. Сами по себѣ они представляютъ собою непосредственно дѣйствительное. Теперь же они становятся „явленіями“, именно явленіями того самаго реальнаго, которое лежитъ въ ихъ основѣ; точно такъ и міръ нашего чувственнаго воспріятія становится для естественныхъ наукъ міромъ явленій, когда онѣ кладутъ въ основу его нѣкоторое физически-реальное, само по себѣ незнакомое, что онѣ называютъ матеріей. И прежде всего, *Я* — сознанія становится явленіемъ того реальнаго *Я*.

Не трудно замѣтить, что этимъ слово *Я* получаетъ новый смыслъ. И такимъ же образомъ получаютъ новый смыслъ и всѣ прочія, относящіяся къ жизни сознанія, понятія. И здѣсь это происходитъ точно такъ, какъ и понятія, относящіяся къ чувственному воспріятію, понятія свѣта, звука и т. д. получаютъ новый смыслъ, какъ только мы подъ этими словами не подразумѣваемъ болѣе непосредственно данное, а видимъ своимъ духовнымъ взоромъ сквозь него лежащее въ его основѣ реальное.

Индивидъ или душа, это предметно-реальное обладаетъ сознаніемъ. Онъ обладаетъ, напримѣръ, содержаніями ощущеній. Это „обладаніе“ не есть уже то непосредственно пережитое обладаніе, или та непосредственно пережитая принадлежность содержаній ощущеній *Я*—сознанія, изъ-за которыхъ я сначала

называю содержанія ощущеній „моими“ содержаніями. Нѣтъ, это есть реальное обладаніе этого реальнаго нѣчто, что носитъ названіе „реальнаго *Я*“ или „души“. Это есть реальная опредѣленность этого *Я*, поскольку то, опредѣленностью чего оно является, есть нѣчто реальное. То, что какой-нибудь индивидъ имѣетъ ощущеніе, есть событіе въ предметно-реальномъ, лежащемъ за предѣлами сознанія, мірѣ, поскольку то непосредственно пережитое обладаніе, о которомъ шла рѣчь выше, есть чистое переживаніе сознанія.

Эта реальная опредѣленность становится присущею реальному *Я*, благодаря связи съ міромъ, къ которому оно принадлежитъ, т. е. съ окружающимъ его предметно-реальнымъ міромъ. И она становится ему присущей, согласно закону этой связи, т. е. согласно закону причинности. Здѣсь впервые возникаетъ для психологіи понятіе „быть причиненнымъ“—понятіе, не имѣющее никакого смысла, покуда разсматривается исключительно жизнь сознанія, какъ таковая. А вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ также понятіе физическаго и физіологическаго раздраженія. И о немъ не можетъ быть и рѣчи, покуда разсматривается только жизнь сознанія, какъ таковая. Но и теперь мы не должны говорить, что переживанія сознанія, въ нашемъ случаѣ содержанія ощущеній, причиняются. Нѣтъ, причиняется то реальное обладаніе содержаніемъ ощущенія, которое мы въ нашемъ мышленіи кладемъ въ основу сознательнаго переживанія ощущенія. Причиняется эта опредѣленность реальнаго нѣчто, которое мы назвали „душой“.

Эта опредѣленность принадлежитъ душѣ въ извѣстное время, до котораго она ей не принадлежала,—т. е. индивидъ имѣетъ въ извѣстное время—содержаніе ощущенія, котораго онъ раньше не имѣлъ

Такимъ образомъ, разбираемая нами реальная опредѣленность возникаетъ. Это возникновеніе есть реальное событіе въ реальной душѣ, или реальный психическій процессъ, подчиненный, подобно всякому процессу въ реальномъ мірѣ, закону непрерывности.

Такимъ же образомъ душа имѣетъ въ извѣстное время содержанія представленій, которыхъ она раньше не имѣла. И это обладаніе есть реальная опредѣленность души. И эта реальная опредѣленность зарождается или возникаетъ. И ея зарожденіе есть однородный реальный психическій процессъ, какъ зарожденіе содержаній ощущенія.

Такимъ же образомъ реальная душа „имѣетъ“ чувствованія, акты воли и т. д. И все это возникаетъ и исчезаетъ и всякое такое возникновеніе и исчезаніе есть реальный психическій процессъ. Теперь и чувствованіе и воленіе, да и понятія стремленій, актовъ и дѣятельностей, какъ и чувствованій получаютъ новый смыслъ, именно смыслъ событій въ томъ реальномъ *Я*.

Эти виды реальнаго бытія, или эти психическіе процессы подчинены, именно какъ процессы реальные, въ своихъ взаимоотношеніяхъ закону причинности. Они причиняются другъ другомъ, прекращаютъ или тормозятъ другъ друга. Здѣсь возникаютъ понятія ассоціаціи, въ смыслѣ причинной связи между психическими процессами, и возникаетъ съ другой стороны понятіе борьбы психическихъ процессовъ за существованіе въ душѣ или за „психическую силу“.

Далѣе, эти реальные процессы не только вступаютъ въ причинную связь между собой, а оно измѣняютъ также, возникая и исчезая, составъ реальнаго *Я*, которому они принадлежатъ. Они вызываютъ измѣненія состояній въ реальномъ нѣчто, въ душѣ, въ которой они происходятъ, оставляютъ въ ней отголоски, слѣды своего существованія, предрасположенія къ но-

вымъ процессамъ подобнаго рода. Съ другой стороны они сами обусловлены существующими уже въ душѣ состояніями или предрасположеніями. Такъ возникаютъ понятія памяти и слѣдовъ памяти съ одной стороны, а съ другой стороны многообразныхъ психическихъ предрасположеній—первоначальныхъ, которыя мы называемъ задатками характера, и пріобрѣтенныхъ, которыя мы называемъ привычками или предрасположеніями, добытыми упражненіемъ,—сохраняющихся и преходящихъ состояній, происхожденіе которыхъ мы приписываемъ связи реальной души съ физическимъ организмомъ.

Въ этомъ построеніи міра психически реальнаго психологія, о которой мы здѣсь говоримъ, т. е. психологія въ тѣсномъ смыслѣ, поступаетъ точно такъ, какъ поступаетъ естествознаніе въ своей сферѣ. И она должна такъ поступать. Психологію, какъ науку о духѣ, я назвалъ противоположностью естествознанія, психологія же, о которой мы теперь говоримъ. есть не противоположность, а pendant естествознанія, И это значитъ прежде всего, что она, подобно естествознанію, исходитъ изъ явленій. Но она исходитъ изъ своихъ явленій, т. е. не изъ физическихъ, а изъ психическихъ явленій. Эти явленія суть переживанія сознанія.

И психологія опредѣляетъ психически реальное только по переживаніямъ сознанія и непосредственно преднайденой между ними связи. Подобно естествознанію, она мыслитъ это реальное такъ, какъ она должна его мыслить изъ-за явленій. Въ своей логической дѣятельности естествознаніе руководится временной и пространственной связью явленій. Эту связь оно превращаетъ въ причинную связь основного реальнаго или оно привноситъ своимъ мышленіемъ въ это реальное такую причинную связь. Такимъ же образомъ психо-

логія превращаетъ временную и мотивационную связь — ибо въ жизни сознанія эта связь заступаетъ мѣсто пространственной связи — въ причинную связь основного реальнаго или привноситъ своимъ мышленіемъ эту связь въ то реальное. При этомъ психологія не можетъ въ концѣ-концовъ обойтись и безъ антропоморфныхъ понятій естествознанія, понятій силы, воздѣйствія, понятій „находиться подъ воздѣйствіемъ", „вызывать" и „быть вызваннымъ" и т. д. Но только психологія, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ той наукой о духѣ, какой мы ее охарактеризовали выше, распознаетъ этотъ антропоморфный характеръ этихъ понятій.

На основаніи того, что было здѣсь сказано о психологіи въ тѣсномъ смыслѣ, мы можемъ назвать ее также психологіей, пользующейся для своихъ объясненій принципомъ причинности. Она объясняетъ свои явленія причинно вполнѣ въ духѣ естествознанія, т. е. она связываетъ эти явленія причинной связью, связывая такой связью то реальное, которое она мысленно кладетъ въ ихъ основу. Она связываетъ эти явленія, связывая то реальное. Въ этомъ, но и только въ этомъ смыслѣ, она создаетъ причинную связь между своими явленіями, т. е. переживаніями сознанія. Она какъ и естествознаніе, не устанавливаетъ причинной связи между „явленіями", какъ таковыми. Понятіе причинности, примѣненное къ явленіямъ, какъ таковымъ, имѣетъ здѣсь столь же мало смысла, какъ и въ области естествознанія.

Но законъ причинности представляетъ собой въ такой же мѣрѣ для психологіи, какъ для естествознанія общезначимый законъ реальнаго; другими словами, и для нея законъ этотъ не имѣетъ исключеній и нѣтъ областей, въ которыхъ она его не примѣняла бы.

Сказаннымъ намѣчена сущность психологіи, которую мы привыкли удастаивать этимъ названіемъ. Въ

краткихъ словахъ психологія есть не просто наука о сознаніи, а наука о сознаніи, связанномъ то тутъ, то тамъ съ предметно-реальнымъ міромъ, т. е. съ міромъ, независимымъ отъ сознанія. Или психологія есть наука о событіяхъ въ этомъ предметно-реальномъ мірѣ—событіяхъ, которыя мы характеризуемъ тѣмъ, что говоримъ, что тотъ или другой индивидуумъ имѣетъ тѣ или другія переживанія сознанія, или что въ нихъ существуетъ такого то рода связь жизни сознанія. Пользующаяся въ своихъ объясненіяхъ принципомъ причинности психологія есть наука о причинной закономѣрности этихъ событій въ предметно-реальномъ мірѣ.

Рядомъ съ этой психологіей существуетъ, наконецъ, еще одна научная дисциплина, которая уже не есть психологія, несмотря на то, что предметъ ея тотъ же, что и предметъ психологіи. Эта дисциплина есть психофизіологія.

Непосредственное изученіе жизни сознанія, которое никогда не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ изученія собственной жизни сознанія, нигдѣ не наталкивается на мозгъ. Что я таковой имѣю и что моя жизнь сознанія съ нимъ связана, я умозаключаю по аналогіи между мной самимъ и другими индивидами.

Какъ я, однако, вообще знаю, что существуютъ другіе индивиды т. е. какъ я знаю о существованіи чужой жизни сознанія? И далѣе, какъ я вообще знаю о томъ, что эта чужая жизнь сознанія связана съ чѣмъ-то физически-реальнымъ и въ частности съ мозгомъ?

Отвѣтъ на эти вопросы гласитъ такъ: мы знаемъ о чужой жизни сознанія только путемъ вчувствованія (Einfühlung). Въ извѣстныхъ процессахъ, которые мы называемъ проявленіями жизни чужого тѣла, предъ

нами предстоитъ съ первоначальной необходимостью жизнь сознанія, подобная той, которую мы непосредственно находимъ въ себѣ самихъ. Эта жизнь сознанія для насъ непосредственно связана съ этими процессами. Эта связанность не носитъ пространственнаго характера. Такой характеръ могъ бы быть только въ томъ случаѣ, еслибы я именно тамъ, гдѣ я вижу эти проявленія жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ своимъ физическимъ глазомъ и жизнь сознанія, ощущенія, представленія, мысли. чувства другого индивида. Но, вѣдь, всего этого я не могу же видѣть.

Нѣтъ, смыслъ той связанности заключается въ слѣдующемъ: въ актѣ воспріятія чужого проявленія жизни „заключается“ для меня вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое чувство и воля. Это значитъ, что когда я совершаю эти акты, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю сознаніе нѣкоторой воли или нѣкоторой психической дѣятельности или нѣкотораго поведенія. Но при этомъ этотъ актъ воспріятія и это сознаніе психическаго существуютъ не рядомъ, а другъ въ другѣ. Это — одно недѣлимое общее переживаніе. Я переживаю то психическое непосредственно въ тѣхъ физическихъ процессахъ, т. е. въ переживаніи или воспріятіи ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получаю сознаніе его объективнаго существованія и его связанности съ воспринятымъ физическимъ процессомъ. То, что непосредственно я могу найти только въ себѣ самомъ, я переношу въ чувственно воспринятый предметъ, вношу это туда способомъ, неподдающимся болѣе подробному описанію, „проэцирую“ и вмѣстѣ съ тѣмъ объективирую.

Но тѣ проявленія жизни суть сами по себѣ физическіе процессы, и посколько они таковы, дѣло естествоиспытателя установить между ними физическую причинную связь. Послѣдняя же приводитъ въ концѣ-концовъ къ мозгу, какъ единому исходному на-

чалу всѣхъ этихъ проявленій жизни. Въ этой физически реальной вещи объединяются, слѣдовательно для естествоиспытателя всѣ эти проявленія жизни.

Съ другой же стороны переживанія сознанія, которыя этотъ естествоиспытатель — назовемъ его теперь точнѣе психофизіологомъ — по необходимости вноситъ въ тѣ физическіе процессы, объединяются для его сознанія въ единицѣ сознанія или одномъ *Я*.

Этимъ устанавливается для физіолога извѣстная мыслимая связь между мозгомъ съ одной стороны и той единицей сознанія—съ другой. Жизнь сознанія и совокупность процессовъ мозга, поскольку эта послѣдняя является основой тѣхъ проявленій жизни, становятся для него двумя параллельно протекающими рядами явленій. Это значитъ, что связь индивидуальной жизни сознанія необходимо привносится мышленіемъ въ мозгъ или—точнѣе выражаясь—въ связи механическихъ процессовъ мозга и ихъ модификацій необходимо мыслится также какая-нибудь жизнь сознанія, или ея модификаціи, или тѣ и другія мыслятся существующими одновременно. — Таковъ и только таковъ смыслъ психофизическаго параллелизма. Онъ заключается въ этомъ необходимомъ одновременномъ и совмѣстномъ мышленіи (Mitgedachtsein), которое со своей стороны находитъ свое основаніе въ неподдающемся дальнѣйшему объясненію вчувствованіи. Но ни то совмѣстное мышленіе, ни это вчувствованіе не заключаютъ въ себѣ сознанія пространственной совмѣстности, а все ограничивается только этой непередаваемой связанностью.

И вотъ дѣло естествоиспытателя, въ данномъ случаѣ психофизіолога, изучить этотъ параллелизмъ въ его подробностяхъ, т. е. установить въ частности тѣ факты анатоміи и физіологіи мозга, мысля которыя мы должны мыслить вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ или другія опредѣлен-

ныя формы бытія или дѣятельности нѣкоторой индивидуальной жизни сознанія. Цѣль его прежде всего—чисто естественнонаучная, а именно полное выясненіе причинной связи между матеріальными процессами въ мозгѣ, т. е. полное сведеніе этихъ послѣднихъ къ процессамъ механическимъ, подчиненнымъ общимъ механическимъ законамъ. Нѣтъ никакого другого естественнонаучнаго познанія матеріальнаго міра, кромѣ установленія непрерывной механической причинной связи, кромѣ сведенія всѣхъ матеріальныхъ процессовъ къ общимъ механическимъ законамъ, т. е. законамъ бытія и движенія въ пространствѣ. Дальнѣйшая цѣль психофизіолога—полное уразумѣніе того параллелизма. И ни въ этомъ сведеніи къ законамъ механическимъ, ни въ установленіи того параллелизма онъ нигдѣ и ни на чемъ не долженъ останавливаться добровольно.

Но если первая задача есть, безъ всякаго сомнѣнія, задача чисто естественнонаучная, то вторая, столь же несомнѣнно, есть также и психологическая задача. Болѣе того, она предполагаетъ психологическую задачу уже рѣшенной. Имѣемъ мы здѣсь въ виду прежде всего задачу описательной психологіи. Что нѣчто такое, какъ жизнь сознанія, вообще существуетъ, физіологъ мозга можетъ знать только изъ изученія самой жизни сознанія. Этого общаго знанія для него, однако, недостаточно, конечно. Онъ долженъ точно ознакомиться со всѣми особенностями жизни сознанія, чтобы быть въ состояніи установить тѣ опредѣленные процессы въ мозгѣ, которымъ параллельно то или другое опредѣленное переживаніе сознанія.

Но и этого знанія жизни сознанія недстаточно еще для рѣшенія задачи психофизіологіи. Психофизіологу нужно еще знать, какая связь процессовъ мозга въ цѣломъ и въ частностяхъ параллельна связи жизни сознанія. Въ такомъ случаѣ ему нужно также знать,

какого рода эта послѣдняя связь. И связь, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не есть та непосредственно переживаемая связь мотивацiи, о которой мы говорили выше, а это — причинная связь. Только ознакомившись съ причинной связью, существующей между переживаніями сознанія индивида, психофизіологъ вообще въ состояніи поставить вопросъ, какая причинная связь между физическими процессами въ мозгѣ параллельна такой причинной связи.

Другими словами, это означаетъ, что психофизіологу для рѣшенія его задачи необходимо быть знакомымъ со всей описательной и причинно-объясняющей психологіей, т. е. со всей психологіей, которую мы привыкли называть этимъ именемъ.

Такимъ образомъ нельзя сказать, что психологія и психофизіологія суть двѣ науки, параллельныя другъ другу и дополняющія другъ друга. Нѣтъ, психофизіологія есть съ одной стороны, посколько она есть физіологія, спеціальная естественнонаучная дисциплина, но съ другой стороны она всецѣло зависитъ отъ психологіи. Она шага ступить на можетъ, если ей не предшествуетъ психологія, освѣщая ей путь своимъ факеломъ. Она съ одной стороны естественно-научная дисциплина, а съ другой стороны прикладная психологія, физіологическая интерпретація полученнаго независимо отъ нея психологическаго познанія.

Но посколько эта предпосылка психофизіологіи есть на лицо, т. е. посколько психологія, самостоятельно идущая своимъ собственнымъ путемъ, свое дѣло сдѣлала, можетъ и должна пойти самостоятельно своимъ путемъ и психофизіологія. Тогда она находится уже въ такой сферѣ, которая лежитъ совершенно за предѣлами сферы психологіи. Это, однако, не исключаетъ нѣкоторой личной уніи между обѣими науками. Самое лучшее, конечно, было бы,

если бы психологъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ также и хорошимъ физіологомъ, или наоборотъ, т. е. если бы одинъ и тотъ же ученый чувствовалъ себя какъ дома, въ обѣихъ этихъ, по сущности своей абсолютно несравнимыхъ сферахъ дѣйствительности, характеръ и способность наблюденія, какъ и научнаго обобщенія въ которыхъ столь несравнимы между собой. Примѣры такихъ обобщающихъ умовъ, хотя рѣдко, но бывали. Но когда этого условія нѣтъ на лицо, психологъ хорошо сдѣлаетъ, если онъ будетъ соблюдать величайшую осторожность въ оперированіи физіологическими понятіями, за которыя онъ не можетъ самъ взять на себя полную отвѣтственность. И то же слѣдуетъ сказать о случаѣ о б р а т н о м ъ.

Психически реальное, которое причинно объясняющая психологія должна мысленно класть въ основу явленій сознанія, душа, душевные процессы и предрасположенія и т. д.—все это, взятое само по себѣ, есть нѣкоторый X. Психологъ не знаетъ, что оно такое есть въ себѣ. Онъ познаетъ только закономѣрность психическихъ процессовъ. Всѣ понятія, которыми онъ пользуется, служатъ исключительно для обозначенія этой з а к о н о м ѣ р н о с т и. Никто не высказываетъ что-либо о сущности этого психически реальнаго. Но и физіологъ не знаетъ, что такое мозгъ въ себѣ; и онъ познаетъ только закономѣрности процессовъ мозга. И всѣ психофизіологическія понятія, какъ, наконецъ, и всѣ естественно научныя понятія вообще обозначаютъ только закономѣрности процессовъ въ предметно-реальномъ мірѣ. Никто ничего не можетъ сказать о томъ, что есть реальное въ себѣ. И, если отвлечься отъ закономѣрности процессовъ въ матеріальномъ мірѣ, то „матерія“, какъ и „энергія“, есть слово безъ всякаго содержанія.

Но именно потому, что оно такъ, т. е. именно по-

тому, что психически реальное въ себѣ и мозгъ въ себѣ представляютъ собой нѣкоторый X, ничто не мѣшаетъ отожествлять эти два неизвѣстныхъ субстрата жизни сознанія. Болѣе того, мы должны ихъ въ концѣ концовъ отожествлять. Вѣдь, оба реальныхъ субстрата представляютъ собой субстраты одного и того же, именно жизни сознанія. Они оба представляютъ собой то реальное, съ которымъ мы должны мыслить „связанной“ индивидуальную жизнь сознанія. Все дѣло только въ томъ, что единственное реальное найдено различными логическими путями, вслѣдствіе чего закономѣрность его формулирована въ различныхъ понятіяхъ, причемъ остается, конечно, еще открытымъ вопросъ, насколько полно познана эта закономѣрность.

Но пусть этотъ реальный субстратъ индивидуальной жизни сознанія есть нѣкоторый X для научнаго познанія и таковымъ остается, тѣмъ не менѣе въ себѣ онъ есть нѣчто опредѣленное и требуетъ своего п р и з н а н і я, какъ нѣчто опредѣленное.

Здѣсь психологическое и психофизіологическое познаніе переходитъ уже въ метафизику. Эта послѣдняя задается вопросомъ, какъ выполнить этотъ постулатъ, т. е. какъ наполнить извѣстнымъ содержаніемъ то пустое понятіе субстрата индивидуальной жизни сознанія.

Допустимъ, что мы задались здѣсь этимъ вопросомъ. Какъ можно дать отвѣтъ на него? Должны ли мы заполнить это пустое мѣсто чувственными качествами? Это запрещаетъ намъ дѣлать естествознаніе, исключая вообще чувственныя качества изъ міра объективной дѣйствительности и изгоняя ихъ въ міръ явленій. Но этимъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ изъ міра дѣйствительности также форму чувственно воспринимаемаго, именно форму пространственности. Оно это дѣлаетъ, несмотря на то, что всѣ его понятія суть въ послѣднемъ счетѣ понятія пространственныя,

т. е. несмотря на то, что оно производитъ это исключеніе несознательно. Или какой же смыслъ считаютъ еще возможнымъ приписать пространственности, если все то, что мы знаемъ, какъ носителей формы пространства, исключается?

Но тогда для заполненія той пустоты, т. е. для наполненія какимъ-нибудь содержаніемъ пустого понятія субстрата индивидуальной жизни сознанія не остается ничего, кромѣ дѣйствительности сознанія, или *Я*, въ которомъ эта дѣйствительность обобщается. И дѣйствительно, если не считать чувственныхъ качествъ и ихъ пространственной формы, то нѣтъ ничего, что могло бы заполнить пустоту какого-либо понятія и въ особенности, что могло бы тотъ X, къ которому приводитъ насъ психологія и естествознаніе и что первая называетъ душой, а второе матеріей, превратить въ извѣстную величину, кромѣ *Я* и его дѣятельностей, въ которыхъ оно только и можетъ быть намъ дано.

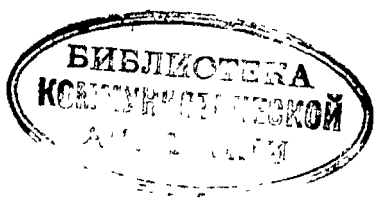
Но здѣсь какъ будто противорѣчіе. Субстратъ, о которомъ мы говорили выше, есть нѣчто реальное, т. е. лежащее по ту сторону индивидуальнаго сознанія, или ему трансцендентное. Дѣйствительность же сознанія именно и есть дѣйствительность с о з н а н і я, а таковую мы находимъ только въ индивидуальномъ сознаніи; такимъ образомъ, эта дѣйствительность есть нѣчто, противоположное тому трансцендентному.

Но здѣсь предъ нами пунктъ, гдѣ причинно объясняющая психологія или метафизика, къ которой она сводится, обращается назадъ къ той психологіи, о которой мы говорили въ самомъ началѣ, т. е. къ психологіи, какъ чистой наукѣ о духѣ. Послѣдняя же находитъ—правда, не непосредственнымъ опытомъ, но зато путемъ мышленія—трансцендентное *Я*, *Я* въ себѣ, противостоящее всѣмъ индивидуальнымъ *Я* и д л я всѣхъ, а также, посколько оно въ нихъ находится, во всѣхъ

одно и то же. Вотъ это *Я* можетъ заполнить ту пустоту. И кромѣ него нѣтъ ничего, что могло бы для насъ ее заполнить.

Если же мы на самомъ дѣлѣ заполняемъ имъ ту пустоту, то индивидуальное сознаніе есть явленіе этого *Я*. Это означаетъ слѣдующее: это именно то *Я*, какъ и посколько оно проявляется въ индивидѣ или въ этомъ опредѣленномъ пунктѣ міра, т. е. въ этомъ пунктѣ проявленія трансцендентнаго *Я*; это есть затемненный конечностью лучъ того единственнаго свѣта.

Перевелъ **Г. А. Котляръ.**


БИБЛИОТЕКА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

Запросы Жизни

Еженедѣльный вѣстникъ культуры и политики

(III-й годъ изданія)

издаваемый въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи

проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Р. М. БЛАНКА

и сотрудничествѣ С. В. Липкина, проф. Е. В. Аничкова, Е. С. Ан—ского, акад. Н. К. Арсеньева, О. Д. Батюшкова, акад. А. Н. Бенуа, проф. М. В. Бернацкаго, Эдуарда Бернштейна (Берлинъ, чл. Рейхстага), проф. В. М. Бехтерева, І. М. Бикермана, П. Д. Боборыкина, В. Я. Богучарскаго, проф. Родольфа Брода (Парижъ, директоръ «Документовъ Прогресса»), А. Н. Брянчанинова, проф. А. В. Васильева (чл. Гос. Совѣта), С. А. Венгерова, акад. В. И. Вернадскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, Е. П. Воронцовой, проф. С. Ю. Гамбарова, акад. П. Я. Гинцбурга, А. І. Горнфельда, Максима Горькаго, проф. Н. А. Гредескула, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида (Берлинъ, чл. Рейхстага), В. П. Дзюбинскаго (чл. Гос. Думы), Я. П. Душечкина, П. В. Жилкина, проф. Н. И. Карѣева, К. Р. Кочаровскаго, А. А. Корнилова, П. П. Коробки, акад. Н. А. Котляревскаго, І. Крашевскаго, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. П. Кулишера, Е. Д. Кусковой, Д. А. Левина, А. В. Луначарскаго (Парижъ), проф. А. А. Мануилова, І. Мартова, проф. П. П. Мечникова (Парижъ), П. А. Морозова, С. Мстиславскаго, М. І. Невѣдомскаго, Вас. П. Немировича-Данченко, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. П. Х. Озерова (чл. Гос. Совѣта), проф. І. П. Петражицкаго, проф. А. С. Посникова, С. Н. Прокоповича, Е. В. де-Роберти, П. А. Рубакина, Н. С. Русанова, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, П. Д. Соколова, В. І. Тана (Богоразъ), проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, Е. П. Трубецкого, проф. М. П. Туганъ-Барановскаго, І. А. Фальборка, Д. В. Философова, проф. М. П. Фридмана, П. Черванина, І. П. Чулкова, І. П. Шейнпса (Парижъ), М. П. Шефтеля, Л. Я. Штернберга, П. О. Эфрусси, П. С. Юшкевича и сотрудниковъ иностр. журн. «Les Documents du Progres» (Парижъ) «Progress» (Лондонъ) и «Dokumente des Fortschritts» (Берлинъ)

ВЪ ПРОГРАММУ „ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ“ ВХОДЯТЪ 1) Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической экономической, литературной и научной жизни Россіи и Запада, 2) Обзоръ событій послѣдней недѣли, 3) Корреспонденціи, 4) Соціально-экономическое обозрѣніе, 5) Литературное обозрѣніе, 6) Научное и техническое обозрѣніе, 7) Русская и иностранная библіографія, 8) Журналъ журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ), 9) Театръ. 10) Искусство, 11) Фельетонъ.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца на любой срокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой. на 1 г.—5 руб., на 1/2 г.—2 р. 75 к., на 1/4 г.—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—50 коп. отд. нумеръ 15 коп. За границу: на 1 г.—7 р., на 1/2 г.—3 р. 50 к., на 1/4 г.—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 коп.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА для священниковъ, учителей, учащихся, крестьянъ и рабочихъ при подпискѣ на годъ 4 руб. и разсрочка платежа на 3 срока: 1 р. 50 к. при подпискѣ, 1 р. 50 к.—черезъ 1/4 года и 1 р. черезъ 3/4 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни“ — С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, въ отдѣленіяхъ книготорговаго товарищества Культура“, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

Открыта подписка на 1913 годъ.

Самый дешевый, ежемѣсячный доступный широкой массѣ читателей, издающійся ШЕСТОЙ ГОДЪ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

2 РУБ. 20 К. ВЪ ГОДЪ

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ сотрудниковъ беллетр отд Леонидъ Андреевъ, М Арцыбашевъ, И Бунинъ, В Вересаевъ О Дымовъ, Б Зайцевъ, А Купринъ, С Кондурушкинъ, О Миртовъ, В Муйжель, И Потапенко, А Серафимовичъ, гр А Толстой, Танъ Е Чириковъ С Юшкевичъ, и др, научно-попул и критич отд проф Е Аничковъ, П Берлинъ, прив-доц А Генкель, проф С Венгеровъ, Л Клейнбортъ, Е. Колтоновская Н Лернеръ, А Луначарскій, Н Рубакинъ, акадѣм Д Овсянико-Куликовскій, проф И Озеровъ, проф В Сперанскій, проф Е Тарле, проф М Туганъ-Барановскій, М Энгельгардтъ, К. Чуковскій и друг

НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

12 книгъ журнала, содержащихъ повѣсти, разсказы, стих, статьи по вопросамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики исторіи, рецензіи о новыхъ книгахъ и проч

6 книгъ безплатн прилож, по 128 стр каждая, въ которыхъ будутъ даны произведенія современныхъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей Уптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Михаэлисъ, Як Вассермана и др

12 картинъ безпл приложенія въ три краски, на веленевой бумагѣ снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портреты писателей Размѣръ каждой картины—форматъ страницы журнала

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода.

Подробные проспекты со списк сотрудниковъ безпл Пробные №№ за двѣ 7-коп марки Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтов отдѣл Имперіи Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ С-Петербургъ, Владимірскій пр. 19, „Новый Журналъ для Всѣхъ" Ред-изд И М Розенфельдъ

До 1 Декабря 1912 г
Льготная подписка новые годовые подписчики, подписавшіеся до 1-го декабря получатъ, кромѣ журнала и безпл прилож въ 1913 г, еще ноябрьскую и декабрьскую книжки за 1912 г

Открыта подписка на 1913 годъ.

4 р. 90 к. БЕЗЪ ПРИЛОЖ

7 р. 20 к. съ 12 кн прилож

на самый дешевый изъ толстыхъ ежемѣс журн, до 300 стр уборист шрифта, при участіи лучш литературн силъ 4-ый годъ изд

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ сотрудниковъ беллетр отд Леонидъ Андреевъ, М Арцыбашевъ, Д Айзманъ, И Бунинъ, В Вересаевъ Э Гиппіусъ, С Городецкій Д Мережковскій О Дымовъ, Бор Зайцевъ, А Купринъ, О Миртовъ, В Муйжель, С Сергѣевъ-Ценскій, Ѳедоръ Сологубъ, гр А Н Толстой, Танъ Е Чириковъ, С Юшкевичъ, и др Общества-полит, критич и научн отд проф Е Аничковъ Ю Айхенвальдъ, В Агафоновъ, П Берлинъ, С Венгеровъ, Л Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А Луначарскій, Л Мартовъ, Н Рубакинъ, проф М Туганъ-Барановскій, К Чуковскій М Энгельгардтъ, П Юшкевичъ и др.

НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

12 книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напечатаны романы А Крандіевской, И Потапенко, фантаст ром Н Березина, новѣйшіе романы выдающ иностран писат, повѣсти, разсказы, статьи по вопрос литерат, науки, искусства, общ-полит и проч

12 ДЖЕКА ЛОНДОНА книгъ безпл прил полн собр соч попул америк. беллетр, въ единств авторизов пер. І А Маевскаго, съ біогр и портрет, стоющ въ отд продажѣ—16 р. 12 книгъ сост свыше 3840 стран текста

ЦѢНА: на 1 годъ—7 р. 20 к., на полгода—4 р.

(Разср 3 р—при подп 2 р 20 к—1 марта и 2 р 20 к—1 іюля)

Безъ прилож на 1 годъ—4 р 90 к, на полгода—2 р 70 к (Разср 3 р при подп и 2 р—1 іюля)

СОВМѢСТНАЯ ПОДПИСКА

на „Новый Журн для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" (съ прилож) на 1 годъ—9 р (Разср 4 р—при подп., 3р—1 марта и 2 р 20 к 1 іюля) На „Новый Журн для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" (безъ прил) на 1 годъ. 6 р 60 к (Разср 2 р. при подп, 2 р 20 к—1 марта и 2 р 20 к—1 іюля)

Подробн просп—безплатно Пробные №№ за двѣ 7-ми коп марки Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены Подписка принимается во всѣхъ книжн магазинахъ и почтов отдѣл Имперіи

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ С-Петербургъ, Владимірскій 19 К-ра журн „Новая Жизнь". Ред-Изд И М Розенфельдъ.

До 1 Декабря 1912 г.
Льготная подписка новые годовые подписчики, подписавшіеся до 1 декабря, получатъ, кромѣ журн и безпл прил въ 1913 г, еще ноябрьскую и декабрьскую книжки за 1912 г

Книгоиздательство „Мусагетъ“.

ЛОГОСЪ.

Международный Ежегодникъ по Философіи Культуры.

Русское изданіе.

Выходитъ три раза въ годъ при постоянномъ участіи. **С. Гессена, Э Метнера Ѳ Степпуна и Б. Яковенко** и при ближайшемъ участіи **А Введенскаго. В. Вернадскаго. И. Гревса, Ѳ. Зѣлинскаго, Б. Кистяковскаго, А. Лаппо-Данилевскаго. Э. Радлова, П. Струве, А. А. Чупрова.**

Вышла книга 1—2 за 1912—13 годъ

(Третій годъ изданія).

СОДЕРЖАНІЕ: Г. Риккертъ Цѣнности жизни и цѣнности культуры. **Г. Зиммель** Истина и индивидуумъ (изъ книги о Гете). **Н. А. Васильевъ** Логика и металогика **Н. О. Лосскій.** Логическая и психологическая стороны утвердительныхъ и отрицательныхъ сужденій. **Б. В. Яковенко.** Трансцендентный имманентизмъ, имманентный трансцендентизмъ и трансцендентальный плюрализмъ. **С І. Гессенъ.** Философія наказанія. **В. Вайцсеккеръ** Неовитализмъ **Г Лукачъ.** Метафизика трагедіи **Г Мелисъ.** Формы мистики **А. Топорковъ** 1812 г. и русское національное самосознаніе **Э Л. Радловъ.** Гносеологія Вл Соловьева **М Фришейзенъ-Колеръ** Философія Дильтея **Библіографія Замѣтки.** Стр 350 Ц. 2 р. 50 к.

РАНѢЕ ВЫШЛИ:

„ЛОГОСЪ“. 1911—12 г. **Книга первая** (Страницъ 240). Москва. Цѣна 2 р Содержаніе. **Э. Гуссерль.** Философія, какъ строгая наука. **Б. Яковенко** О Логосѣ **В. Сеземанъ** Рациональное и ирраціональное въ системѣ философіи **П Струве** Современный кризисъ въ политической экономіи. **Г. Зиммель.** Микель Анджело **Вяч Ивановъ.** Л. Толстой и культура. **Н Лосскій.** Нравственная личность Толстого. **Н Алексѣевъ.** Русскій гегельянецъ Б. Н. Чичеринъ. Библіографія Замѣтки.

„ЛОГОСЪ“. 1911—12 г. **Книга вторая и третья.** (Страницъ 318). Москва. Цѣна 2 р 50 к. Содержаніе: **Г. Зиммель.** Понятіе и трагедія культуры. **Б. Яковенко** Что такое философія? **Б. Варисско.** Субъектъ и дѣйствительность. **Ѳ. Степпунъ.** Трагедія мистическаго сознанія. **Г. Риккертъ.** Одно, единство и единица **І. Конъ.** Гансъ фонъ Марэ. **Г. Ланцъ** Философія Р. Авенаріуса. **М. Рубинштейнъ** Очеркъ конкретнаго спиритуализма Л. М. Лопатина Библіографія Замѣтки

Складъ изданій:

Москва, 1) Книгоиздательство „Мусагетъ“, Пречистенскій бульваръ, д. 31.
2) Книжный магазинъ „Образованіе“, Кузнецкій Мостъ, 13.
Петербургъ, Книжный складъ „Комиссіонеръ“, Садовая, 18

При непосредственной выпискѣ изъ книгоиздательства пересылка безплатно.

Каталогъ по требованію высылается безплатно.

Р. АВЕНАРІУСЪ.

ФИЛОСОФІЯ КАКЪ МЫШЛЕНІЕ О МІРѢ СОГЛАСНО ПРИНЦИПУ НАИМЕНЬШЕЙ МѢРЫ СИЛЫ.

Пролегомены къ критикѣ чистаго опыта

Переводъ со второго нѣм. изданія **Г. А. Котляра.**
Цѣна 60 к

ІОЗЕФЪ ПЕТЦОЛЬДЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ ЧИСТАГО ОПЫТА.

Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго **Г. А. Котляра.** Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію Изданіе второе. Цѣна 2 руб

„Въ литературѣ „эмпиріокритицизма книга эта занимаетъ видное мѣсто, и значеніе ея тѣмъ болѣе велико, что изученіе произведеній самого, Авенаріуса, какъ извѣстно, связано съ огромными трудностями въ виду чрезмѣрной абстрактности его изложенія и, главное, самобытности его терминологіи. Появленіе книги Петцольда на русскомъ языкѣ поэтому вполнѣ естественно и желательно, если принять въ расчетъ особый интересъ нѣкоторой части нашего общества къ ученію эмпиріокритицизма.

Переводъ, насколько намъ удалось провѣрить его, можно признать въ общемъ вполнѣ правильнымъ". С Франкъ. „Русск. Мысль" XI—09.

Э. ГУССЕРЛЬ. ЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Пролегомены къ чистой логикѣ

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго **Э. А. Берштейнъ,** подъ редакц. **С. Л. Франка.** Ц 1 р. 50 к.

„Нельзя не привѣтствовать появленія въ русск. переводѣ этой книги, полезной не только для спеціалистовъ, но и для лицъ, впервые начинающихъ изученіе логики

Переводъ выполненъ хорошимъ литературнымъ языкомъ Имя редактора служитъ ручательствомъ за его точность". Н Лосскій „Рус М." 12 кн. 1909.

МЕТОДЪ ВЪ НАУКАХЪ

Сборникъ статей. Цѣна 2 р

„Кто хочетъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ большинства такъ называемыхъ, частныхъ наукъ во Франціи, тотъ можетъ съ пользой для себя потратить время на чтеніе этой книжки" „Логосъ" кн 2. 1910 г.

ГЕНРИХЪ РИККЕРТЪ.

НАУКИ О ПРИРОДѢ И НАУКИ О КУЛЬТУРѢ.

Переводъ со второго, совершенно переработаннаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и со вступительной статьей **С. О. Гессена.**
Цѣна 85 коп

Изд. «ОБРАЗОВАНІЕ». Николаевская, 9. Тел. 75—51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакц заслуженнаго проф. Н. Н. Боргмана

Сборникъ № 1 Строеніе вещества.—Ж. Перренъ Броуновское движеніе и молекулы —Э Ротсерфордъ. Современное состояніе атомической теоріи въ физикѣ — Н Боргманъ Возникновеніе электронной теоріи вещества.— Л. Кельвинъ Эпинусъ атомизированный.—Л Кельвинъ 3 мелкія статьи, относящіяся къ модели радіоактивныхъ атомовъ.—Сэръ Дж. Дж Томсонъ Распредѣленіе корпеслеи въ атомѣ. Второе дополненное изданіе. **Цѣна 80 коп**

Сборникъ № 2 * Эфиръ и матерія. — П. Ленардъ. Эфиръ и матерія — Сэръ Дж. Дж Томсонъ — Взаимоотношеніе между матеріей и эфиромъ по новѣйшимъ изслѣд въ области электричества — М Я Якобсонъ. Опредѣленіе отношенія массы къ вѣсу въ случаѣ радіоактивнаго вещества (извлеч изъ статьи Л Саутсэрисса).—Н Кэмпбеллъ Эфиръ —М. Планкъ. Положеніе новѣйш физики по отношенію къ механическ. міровоззр. Второе дополн издан. **Цѣна 80 к**

Сборникъ № 3. Принципъ относительности —В. Бурсіанъ. Опытныя изслѣдованія по вопросу о вліяніи движенія вещества на эфиръ.—І. Классенъ. Принципъ относительности въ современной физикѣ.—А Эйнштейнъ. Принципъ относительности и его слѣдствіе въ современной физикѣ —Дж. Льюисъ и Рич Тольманъ. Принципъ относительности и не-Ньютоновская механика — Ф. Франкъ. Принципъ относительности и изображеніе физическихъ явленій въ четырехмѣр пространствѣ **Цѣна 80 коп.**

Сборникъ № 4. Дѣйствіе свѣта —И. И. Боргманъ. Петръ Николаевичъ Лебедевъ. † П. Н. Лебедевъ. О давленіи свѣта.—П. П Лазаревъ. О связи оптическихъ свойствъ вещества и фотохимическаго эффекта. —Б. С. Швецовъ. Фотолюминесценція.—А Ф. Іоффе Фотоэлектрическія явленія. **Цѣна 80 коп**

Сборникъ № 5 Природа свѣта.—П. С Эренфестъ Групповая скорость свѣта — Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлаго свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперсія свѣта.—А. Эйнштейнъ. О развитіи нашихъ возарѣній на сущность и строеніе лучеиспусканія Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Теорія структуры электрическаго поля и ея приложеніе къ Рентгеновскимъ лучамъ и свѣту. **Ц. 80 коп.**

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы.—А. Бергсонъ. Философская интуиція.— Э. Бутру Объ отношеніи философіи къ наукѣ. — Г Гомперцъ. Задачи ученія о міровоззрѣніи.—Э. Махъ. Философское и естественно-научное мышленіе.—Дильтей. Типы міровоззрѣнія и обнаруженіе ихъ въ метафизическихъ системахъ. **Цѣна 80 коп.**

Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе —А. Рей. Общій духъ современной физики и цѣнность физической науки.—Г. Милло. Раціональная наука.— Э. Махъ Основныя идеи моей естественно-научной теоріи познанія и отношеніе къ ней моихъ современниковъ. — М. Планкъ. Теорія физическаго познанія Маха. — Г. Гельмъ. Границы примѣненія механическихъ моделей въ физикѣ П. Дюгемъ. Физика качества.—Къ литературѣ вопроса. **Цѣна 80 коп.**

Сборникъ № 3 Теорія познанія І —Н. О. Лосскій. Имманентная философія.— Д. В. Викторовъ. Психол. и филос. возарѣнія Рихарда Авенаріуса.— В. Яковенко Философія Э. Гуссерля. **Цѣна 80 к.**

Сборникъ № 4. Что такое психологія? — К. Штумпфъ. Явленія и психическія функціи —Т. Линсъ. Пути психологіи.—В. Шуппе. Понятіе психологіи и ея границы.—В. Джемсъ Существуетъ ли сознаніе? **Цѣна 80 коп.**

Сборникъ № 5. Теорія познанія II. Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ этики, эстетики, русской философіи.

Изд. «ОБРАЗОВАНІЕ». Николаевская, 9. Тел. 75—51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред профессора Л. А. Чугаева.

Сборникъ № 1 Стереохимія Химическая механика Растворы —В. А. Яковлевъ. Вантъ-Гоффъ.—Л А Чугаевъ. Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохимии —Ф Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи.—В А Кистяковскій. Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа —А А. Байковъ. Принципъ подвижного равновѣсія — С Аррениусъ. Свободная энергія —Л. А Чугаевъ Структурно-стереохимическія представленія въ области неорганической химіи. **Цѣна 80 коп**

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ приложенія термодинамики къ химіи, радіоактивныхъ веществъ, валентности и химическаго строенія и химіи высокихъ химическихъ температуръ

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПЕДАГОГИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Г. Г. Зоргенфрея.

Сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ.—Іоганнъ Геппъ. I. Требованіе воспитательной школы — II. Средства и пути III. Мои собственные опыты надъ самоуправленіемъ.—Самоуправленіе въ средней школѣ.—1. Докладъ Штейнеке.— 2. Докладъ Забурга.—3. Къ вопросу о самоуправленіи въ средней школѣ. **Цѣна 80 коп.**

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуженнаго профес А В. Васильева.

Сборникъ № 1 Математика. Методъ, проблемы и значеніе. — Вундтъ. Общее ученіе о математическомъ методѣ.—Г. Грассманъ. Чистая математика и ученіе о протяженности.—Б. Рессель. Принципы математики.—А. Принсгеймъ. Цѣнность и мнимая нецѣнность математики. **Цѣна 80 коп.**

Готовятся къ печати дальнѣйшіе сборники, посвященные вопросамъ: математика и точныя науки, математика и логика, теорія вѣроятностей, время и пространство, аксіомы и методы геометріи, аксіомы ариѳметики и ученіе о множествѣ, анализъ безконечно-малыхъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ ВЪ ШКОЛѢ.

Непериодическ. изданіе, выходящ подъ редакц. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова.

Сборникъ № 1. Отъ редакціи.—Владиміръ Вагнеръ. Естествознаніе и школа.—П. Каммереръ. Права и обязанности біологическаго метода въ преподаваніи естествознанія.—Б. Райковъ. Опытная физіологія въ средней школѣ.—Г. Н Вочъ. Первые уроки ботаники.—П. Келеръ. Грибки, объекты для практическихъ занятій по біологіи.— К. Ягодовскій. Къ матеріаламъ по методикѣ экскурсій.—Максъ Эттлн. Естественно-историческія экскурсіи. Ц. 80 к

„ГЕОГРАФІЯ ВЪ ШКОЛѢ".

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Я. И. Рудневa.

Сборникъ № 1.—Я. И. Рудневъ. Изъ прошлаго учебной географіи Россіи.—С. И. Чижовъ. На свѣжую голову.—Э Лесгафтъ. Курсъ географіи въ средней школѣ.—К. М. Курдовъ. О заключительномъ курсѣ географіи въ средней общеобразовательной школѣ.—Н. М Географія въ начальной школѣ Франціи.—Доклады въ географическомъ отдѣлѣ учебн. воспитат. комитета Педагогическаго Музея военно-учебн. заведеній. **Цѣна 80 к.**

Изд. «ОБРАЗОВАНІЕ». Николаевская, 9 Тел 75—51.

Р Авенаріусъ **Философія, какъ мышленіе о мірѣ, согласно принципу наименьшей мѣры силы. Цѣна 60 к**

А И. Барановъ. **Школьная астрономическая обсерваторія Ц 40 к**

Отто Вингеръ **Расширеніе нашихъ чувствъ** Вступительная лекція. Ц 30 к

П Дюгемъ. **Физическая теорія Ея цѣль и строеніе Ц. 2 руб.**

Э Гуссерль **Логическія изслѣдованія** Пролегомены къ чистой логикѣ. Ц 1 р. 50 к.

Н Р. Кемпбеллъ. **Современная электрическая теорія.** Переводъ съ англійскаго подъ ред. заслуж профессора И И Боргмана. **Цѣна 2 р 50 к**

Проф Ф. В Кюстеръ. **Таблица логарифмовъ и справочная книжка для химиковъ,** фармацевтовъ, медиковъ и физиковъ **Цѣна въ переплетѣ 1 руб.**

Ф. Кэнниссэ. **Астрономическая фотографія** Изд 2-е. Ц 40 к.

Г Лоренцъ **Электронная теорія. Ц 40 к.**

Эрнстъ Махъ * **Механика** Историко-критическій очеркъ ея развитія. Ц. 3 р.

Эрнстъ Махъ. **Принципъ сохраненія работы Исторія и корень его Ц. 40 к.**

Эрнстъ Махъ. * **Популярно-научные очерки. Ц. 2 р.**

Методъ въ наукахъ. Сборникъ статей. **Ц 2 руб.**

Р. Нимфюръ **Воздухоплаваніе.** Научныя основы и техническое развитіе. Ц. 1 р 25 к.

В Оствальдъ **Аналитическая химія Ц 1 р 40 к.**

В Оствальдъ * **Исторія электрохиміи. Ц. 1 р 25 к.**

Максъ Планкъ 1. **Единство физической картины міра. Ц. 25 к.** 2. **Теоретическая физика** Восемь лекцій **Ц 70 к**

Іозефъ Петцольдъ **Введеніе въ философію чистаго опыта** Изд 2-е Ц 2 р

Генрихъ Риккертъ **Науки о природѣ и науки о культурѣ. Ц 85 к.**

С Танатаръ и У. Куровскій. **Краткое руководство по количественному анализу.** Съ 35 рисунками. **Ц. 1 р. 25 к.**

П. Фольькманнъ. **Теорія познанія естественныхъ наукъ. Ц. 2 р. 50 к.**

П. К. Энгельмейеръ **Теорія творчества. Ц 1 р. 50 к.**

П. К Энгельмейеръ **Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній Ц 1 р.**

П. К. Энгельмейеръ **Руководство къ привилегированію изобрѣтеній. Ц 80 к.**

Т. Мюллеръ*. **Основные законы электрохиміи Ц 80 к.**

Ин Караффа-Корбуттъ. **Озонъ и его примѣн. въ промышл и санитаріи. Ц. 60 к**

ПОПУЛЯРНАЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1. В. Оствальдъ. **Очеркъ натуръ-философіи Ц. 70 к.**
2. З. Гюнтеръ. * **Исторія естествознанія въ древности и средніе вѣка. Ц. 50 к.**
3. У. Рамсей—В. Оствальдъ. * **Изъ исторіи химіи. Ц. 75 к.**
4. В. А. Вагнеръ **Біологическія теоріи и вопросы жизни. Ц. 85 к.**
5. У. Рамсей—В. Оствальдъ. **Популярно-научные очерки. Ц. 70 к.**
6. О. Гертвигъ **Развитіе и наслѣдственность. Ц. 70 к.**
7. А. Вагнеръ. **Новый курсъ въ біологіи Ц. 80 к.**
8. Феликсъ Ауэрбахъ. **Энтропизмъ или физическая теорія жизни. Ц. 60 к.**
9. Германъ Клейнъ. * **Звѣздный міръ. Ц. 65 к.**
10. Д-ръ мед. П Г. Мезерницкій. **Отъ теоріи къ жизни. Ц. 65 к.**
11. М. Фарадей. * **Химическая исторія свѣчи. Ц. 60 к.**
12. Т. Бевръ. **Міровоззрѣніе Эрнста Маха. Ц. 60 к.**
13. В. Тильденъ. * **Химическіе элементы Ц. 50 к.**
14. Страсбургеръ. **Реальныя основанія ученія о наслѣдственности. Ц. 50 к.**
15. Хаасъ. **Вулканы и ихъ дѣятельность. Ц. 1 руб.**

---

* *Примѣчаніе*: **Книги, обозначенныя звѣздочкой, признаны М. Н. П. подлежащими внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.**

Изд. «ОБРАЗОВАНІЕ» Николаевская, 9. Тел. 75—51.

Періодическая система Д И Менделѣева **Стѣнная таблица** (170 × 230 см.) съ прилож. объясн. брошюры подъ ред. проф Спб. Универс. Л А Чугаева. **Ц. 6 р**

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія таблица и приложеніе признаны подлежащими допущенію въ качествѣ класснаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній

Учебникъ природовѣдѣнія.

Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть первая. А В Нечаевъ: **Неживая природа** Съ 121 рисункомъ въ текстѣ, одной цвѣтной таблицей и тремя автотипіями. Изданіе второе. **Цѣна 60 коп.** Часть вторая. В. Р Заленскій. **Растенія** Съ 132 рисунками въ текстѣ, одной цвѣтной таблицей и одной автотипіей. **Цѣна 40 коп** Часть третья Д К. Третьяковъ. **Человѣкъ.** Ю. Н. Вагнеръ: **Животныя.** Съ 90 рисунками въ текстѣ, тремя цвѣтными таблицами и двумя автотипіями. **Цѣна 50 коп.**

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три части одобрены въ качествѣ руководства для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности всѣ три части допущены въ качествѣ пособія для коммерческихъ учебныхъ заведеній.

Мэннъ и Твиссъ. Курсъ физики для средней школы.

Перев съ англ. Гг. А П. Афанасьева, К К. Баумгарта, А. А. Добіаша и Д. С Рождественскаго.

Съ 196 рисунками въ текстѣ и 6 автотипіями. **Цѣна 2 р. 25 к.**

Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности учебникъ одобренъ въ качествѣ пособія для коммерческихъ училищъ.

А. А. Добіашъ *. Курсъ электричества для средней школы. Съ 96 рисунками **Цѣна 80 коп**

Д. К. Третьяковъ. Человѣкъ и животныя.

Учебникъ по курсу естествовѣдѣнія городск. по положенію 72-го года училищъ, женскихъ гимн. и кадетск. корпусовъ.

Съ 405 рисунками въ текстѣ и одной цвѣтной таблицей. **Цѣна 90 коп.**

А. Л. Гердъ. Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Въ переработкѣ В. А. Герда.

Германъ Ганъ. Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ въ средней школѣ.

Съ 225 рисунками подъ редакціей А. А. Добіаша. **Цѣна 2 р**

Ив. Глинка. Опытъ по методикѣ физики.

Лабораторные уроки въ средней школѣ. **Цѣна 70 к.**

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга признана заслуживающей рекомендованія посредствомъ особаго циркуляра вниманію Педагогическихъ Совѣтовъ среди. учебн. заведеній.

Тип. „Печатный Трудъ" Спб Прачешный пер.4.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПЕДАГОГИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Г. Г. Зоргенфрея.

орникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ.—Іоганнъ Геппъ. I. Требованіе воспитательной школы. II Средства и пути III. Мои собственные опыты надъ самоуправленіемъ. —Самоуправленіе въ средней школѣ. 1. Докладъ Штейнеке. 2. Докладъ Зибурга. 3. Къ вопросу о самоуправленіи въ средней школѣ. Цѣна 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

ериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

орникъ № 1. Философія и ея проблемы.—А. Бергсонъ. Философская интуиція —Э. Бутру Объ отношеніи философіи къ наукѣ.—Г. Гомперцъ. Задачи ученія о міровоззрѣніи.—Э. Махъ. Философское и естественно-научное мышленіе —Дильтей Типы міровоззрѣнія и обнаруженіе ихъ въ метафизическихъ системахъ. Цѣна 80 коп.

орникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе.—А. Рей. Общій духъ современной физики и цѣнность физической науки.—Г. Мило. Рациональная наука.—Э. Махъ Основныя идеи моей естественно-научной теоріи познанія и отношеніе къ ней моихъ современниковъ.—М. Планкъ. Теорія физическаго познанія Маха.—Г. Гельмъ. Границы примѣненія механическихъ моделей въ физикѣ П. Дюгемъ. Физика качества. —Къ литературѣ вопроса Цѣна 80 коп.

орникъ № 3. Теорія познанія I. —Н. О. Лосскій. Имманентная философія В. Шуппе.—Д. В. Викторовъ. Психол. и философ воззрѣнія Рихарда Авенаріуса.—Б. Яковенко. Теоретическая философія Э. Гуссерля. Ц. 80 коп.

орникъ № 4. Что такое психологія?—К. Штумпфъ. Явленія и психическія функціи.—В Шуппе. Понятіе психологіи и ея границы.—В Джемсъ. Существуетъ ли сознаніе?—Т. Липсъ. Пути психологіи. Ц. 80 коп

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуженн. проф. А. В. Васильева.

орникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея.—Вундтъ Общее ученіе о математическомъ методѣ —Г Грассманъ. Чистая математика и ученіе о протяженности.—Б. Рессель. Принципы математики.—А. Принсгеймъ. Цѣнность и мнимая нецѣнность математики. Ц. 80 коп.

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ математика и точныя науки, математика и логика, теорія вѣроятностей, время и пространство, аксіомы и методы геометріи, аксіомы ариѳметики и ученіе о множествѣ, анализъ безконечно-малыхъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ ВЪ ШКОЛѢ.

ериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. В А. Вагнера и Б. Е. Райкова.

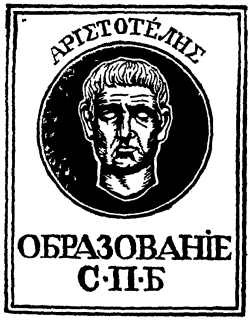
орникъ № 1. Отъ редакціи.—Владиміръ Вагнеръ. Естествознаніе и школа.—П. Каммереръ. Права и обязанности біологическаго метода въ преподаваніи естествознанія.—Б. Райковъ. Опытная физіологія въ средней школѣ.—Г. Н. Бочъ. Первые уроки ботаники.—П. Келеръ. Грибки, объекты для практическихъ занятій по біологіи.—К. Ягодовскій. Къ матеріаламъ по методикѣ экскурсій.—Максъ Эттли. Естественно-историческія экскурсіи. Ц. 80 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

. Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и философія.

. Э. Л Радловъ. Русская философія. Историческій очеркъ.

Цѣна 80 к.



Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ“,
СПБ., Николаевская, 9. Телефонъ 75-51.